

Sweet Dreams

Серия «Сексуальный, дерзкий, чорочный». Книга третья

Неотразимый

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРИИ «USA TODAY»

ЛИЛИ ВАЛЕНТЭ

Автор бестселлера по версии USA Today «Привлекательный Подонок» представляет сексуального, манящего, грязного одиночку... на льду.

Они говорят, что Джейк «Дракон» Фальконе получил свое прозвище потому, что буквально растапливал лед во время своего первого сезона в NHL, но, между нами девочками, я убеждена, он получил его из-за дракона, скрытого у него в штанах.

Гребаная божья милость, у этого мужчины был дар (и я слышала, что он мастерски его использует). С первых объятий в качестве его фиктивной женщины стало ясно, что Джейк хорошо упакован ниже пояса. А спустя пару наших подставных свиданий я поняла, что он хорош... во всем.

Добродушный, умный, сексуальный, обладающий таким чувством юмора, что я чуть ли не описываюсь со смеху. Джейк сочетал в себе все качества, которые я хотела видеть в мужчине.

Он — мой клиент, и он НЕПРИКАСАЕМ. О, а еще у него есть бывшая, которая в конце свихнулась и жаждет моей крови

Я должна держаться подальше. Так бы и поступила, если бы мой «Дракон» не был таким идеальным...

Имя звучало как насмешка. Кто в здравом уме захочет назваться Чудесной Неприятностью и взять под свой контроль мою гребанную личную жизнь?

Ну... это лишь к примеру.

К тому времени, как я покинул свою квартиру, Шэйн «Чудесная Неприятность» Уиллоуби была уже на полпути. К концу нашего первого свидания я понял, что моя жизнь не была полноценной до тех пор, пока я не встретил эту сексуальную, красивую, абсолютно безбашенную во всех порочных вещах женщину, о которой мечтал с первого поцелуя.

Я хочу ее полностью. Эту стерву, улыбка которой проникла в мое израненное сердце, и я знаю, что смогу исцелиться. Если она позволит.

Могут ли «Принцесса Мэдисон-авеню» и «Дракон» с противоположной стороны жить долго и счастливо?

Если в мире есть хоть один способ добиться этого, я его найду.

Внимание: «Неотразимый ты» — сексуальная романтическая комедия от лица обоих героев. Без кульминации. В ней много жаркого траха, громкого смеха над текстом и счастливое «долго и счастливо».

ПРОЛОГ ПЕРВЫЙ

Из СМС-архива Себастиана «Баша» Принца и Шэйн Уиллоуби

Баш: Привет, милашка, я лишь хочу удостовериться, что ты придешь завтра на вечер покера. У меня есть предложение: я хочу сбежать и забрать твои денежки...

Шэйн: Да уж... Я, конечно, люблю поиграть в покер, но это звучит слегка зловеще...

Баш: Не-а, не злобно. Знаменательно, возможно. Или сладостно. Или иное слово, оканчивающееся на «но», обозначающее забаву, сексуальность. Думаю, тебе понравится то, что я задумал!

Шэйн: О, боже... Ты же не предлагаешь мне крутить с тобой за спиной Пенни?

Баш: Нет, бл*дь. Иисус! Нет! Я — однолюб. И Пенни отрезала бы мне член, если узнала бы, что я даже в мыслях допускаю что-то подобное. Так что я бы никогда не допустил такого. НИКОГДА.

Шэйн: О боже, как я рада это слышать! То есть, Пенни, конечно, горяченькая штучка, но ты не в моем вкусе, тыковка. *wink*

Баш: Ха-ха. Боже, ты заставила меня покраснеть. Не могу вспомнить, когда я последний раз смущался. Пенни спросила меня, почему я ношу розовое, а теперь смеется у меня за спиной. Она хотела сама преподнести тебе это дело, но я сказал, что справлюсь. Спасибо, что доказала, как я не прав, Уиллоуби.

Шэйн: Всегда пожалуйста! Так что ты хотел мне предложить? Теперь я заинтригована...

Баш: Ты — неприятность, вот так. И поэтому для тебя это идеальная работа. Мне нужна Шикарная Неприятность...

Шэйн: Шикарная Неприятность..?

Баш: Да, Шикарная Неприятность, выручающая непонятого мужчину, которому нужно изменить образ и то, каким его описывают СМИ, дорогая. Всех отпугивает рассказ егс бывшей подружки, подмочившей его репутацию. И, вероятно, нужно будет притвориться беременной, если возникнут препятствия, но это при условии, если что-то пойдет не по плану.

Шэйн: Изображать беременность? Какого черта... О, нет. Определенно нет. Ты же не имеешь в виду, что хочешь предложить мне...

Баш: Работу? Да! Да, именно. У меня есть Привлекательный Подонок и Красивый Подлец, но нет Шикарного Беспорядка, Шэйн. На самом деле, у меня нет ни одной женщины для подобного случая. Клиенту- мужчине тоже бывает необходима помощь нашей компании.

Шэйн: О, боже. Не знаю, бояться ли мне или смущаться?

Баш: Будь заинтересованной! Восхищенной! Ты будешь прекрасна.

Шэйн: Но у меня уже есть работа!

Баш: Не на полный день. Ты сама так говорила: твоя тетя самостоятельно справляется с благотворительностью.

Шэйн: Так и есть, но иногда я очень занята сбором пожертвований и плюю на выгоду и

перемены в жизни.

Баш: В таком случае сделай это для меня! Ты сможешь менять жизни — или, по крайней мере, жизнь одного мужчины. Парню на самом деле нужна помощь. Он как большой, грустный щенок. Большой, грустный, сексуальный щенок (Пенни сказала, чтобы я добавил часть о сексуальности). Ты проведёшь пару недель, развлекаясь с чуваком, что не составит для тебя труда. А затем получишь в свой карман десять штук! Ты ничего не теряешь.

Шэйн: Мне не нужны десять штук, Баш. Ты знаешь, что моя тетя оставила мне довольно «кхм» приличное состояние.

Баш: Тогда отдай десять штук на благотворительность! Это расчетливая работа, куколка. Хорошая работа спасать достойных, которые вправе заниматься своим делом, а не очернять свое доброе имя женщиной из ночного кошмара, которая думает, что разрыв отношений с мужчиной является основанием, чтобы взорвать его жизнь. И кто знает, может, ты даже развлечешься! Быть женщиной звезды NHL выгодно. Уверен, по крайней мере, что он может, снабжать тебя абонементом. Или бейсболкой с логотипом. Или варежками. Тебе ведь нравятся варежки, правда? Я имею в виду, всем ведь нравятся варежки? В них чувствуешь себя ребенком!

Шэйн: Он — профессиональный хоккеист? Ты шутишь.

Баш: Нет.

Шэйн: Но не из Рэйнджерс. Так он из другой команды?

Баш: Нет, он не из Рэйнджерс. А что, ты — фанатка Айлендерс?

Шэйн: Нет, я лишь... Ты же не описываешь мне Джейка «Драконе» Фальконе, не так ли?

Баш: Да, но, клянусь, все, что ты читала о нем, ложь. Парень не виновен.

Шэйн: *хмыканье* Он — дьявол во плоти.

Баш: Нет, Шэйн, серьезно. Я имею в виду, что да, он перетрахал много звезд и супермоделей, но Джейк похож в этом на меня. После того, что произошло с Эйданом, я тщательно проверяю досье на клиентов. Джейка подставили. Он — хороший парень, и ему нужна наша помощь. Не думаю, что он где-то еще замешан...

Шэйн: Ты совершенно не умеешь лгать, Принц.

Баш: Парень очень подавлен, Шэйн (это от Пенни, кстати). Я лишь хочу дать тебе понять, что считаю это потрясающей работой, которая помогает изменить жизнь мужчины, но если ты хочешь сказать нет, я пойму. Мы просто скажем ему, что не можем помочь и пожелаем удачи в поисках кого-то другого, кто специализируется на мстительных бывших подружках. Уверен, он сможет подыскать кого-нибудь. То есть, лично я не слышал ни о ком, кто занимается чем-то таким, как и агентство «КПП», но...

Шэйн: Отлично! Ух! Я беспомощна против двойного чувства вины. Я сделаю это. Посвятишь меня в детали завтра, во время игры.

Баш: Спасибо, Шэйн! Огромное спасибо. Мы очень ценим это. И у тебя будут дополнительные бонусы, детка.

Шэйн: Да, да. Убедись, что на моем месте за карточным столом будет стоять хорошая бутылка виски. Она будет лучшей расплатой.

Баш: Сделаем!

Шэйн: О, и Баш. Я хочу, чтобы меня звали Чудесной Неприятностью.

Баш: Шикарный Беспорядок для тебя недостаточно хорош?

Шэйн: Нет. Потому что для того, чтобы вытащить «Дракона» из публичного дерьма, мне придется стать чертовым чудотворцем.

ПРОЛОГ ВТОРОЙ

Немного о Шэйн «Чудесной Неприятности» Уиллоуби

Дорогой читатель!

Привет! Здравсьте! Как вы? Надеюсь, что хорошо...

Да, простите!

Знаю... Я не то, что вы ожидали увидеть. Особенно, если читали историю Эйдана и Баша. Вы ожидали увидеть здесь обнаженные члены, а тут я, какая-то цыпочка в полном расцвете.

Боюсь, я та ещё цыпочка. Не отношусь к независимым натуралкам или тем, кто имеет ярко выраженные мужские черты. Каждую неделю я хожу на маникюр, питаю глубокую любовь ко всему розовому и всегда убеждаю супермилого, сексуального котика заплатить за меня в баре (задумчиво бросаю один лишь взгляд сексуальной кошечки на тебя, когда собираешься сделать заказ, понимаете? Совести у меня совсем нет!).

Я также не имею ни малейшего представления о том, как починить мусоропровод или что-то еще, считаю скучным и бездумным просмотр ESPN и других типично мужских телевизионных каналов, предпочитаю, когда кто-то более мускулистый поднимает для меня тяжести, а походы с использованием спрея против жуков и вовсе пытка. Я знаю, как убить тараканов или пауков на моей собственной территории, но это лишь потому, что живу одна, и, как ветеринар, чувствую себя обязанной сохранять спокойную и рабочую атмосферу проекта вокруг нечеловеческих существ — даже жуков и паукообразных.

Понимаю, что многое может быть результатом нормативов, которые навязывает общественность, или продуктом воспитания женщины, которая была старше моей бабушки, но не могу справиться с этим. Я та, кто я есть. Женщина, о которой кричат, когда нахожусь на благотворительном мероприятии, а затем становлюсь той, кого нежно называют, держа мои ноги вокруг своих бедер.

Поэтому хочу сразу извиниться за недоразумение, прежде чем мы начнем. Я знаю, это может показаться странным для женщины, ввязавшейся в эту игру.

Поверьте, я была удивлена не меньше вашего. Когда приняла предложение тети о работе в благотворительном фонде, то считала, что могу часть времени работать ветеринаром. Возможно, начала бы с частной клиники, кастрировала бы диких кошек или переключилась бы на проблему насилия над животными в городе. Если вы считаете, что Нью-Йорк — это место, где вас сможет охранять чихуахуа, размером с чайную чашку, от своры диких псов, то вы не правы.

Это джунгли, и даже самые большие и крутые не могут быть застрахованы от опасностей.

Вот почему я взялась за работу в агентстве «Консультация Привлекательного Подонка», которая дает возможность отомстить вашим бывшим и вернуть ваши денежки. Джейк «Дракон» Фальконе мог быть профессиональным хоккеистом с прекрасно сложенным телом и горой мышц, достаточно мощными ногами, чтобы разбросать обоих защитников на льду одним толчком бедра, но иногда даже «Дракону» требуется «Принцесса», чтобы помочь выбраться из беды.

Посмотрите фильм «Игра престолов»! Где были бы эти драконы без Кхалеси?

Если вы не являетесь фанатами этого сериала, просто представьте себе воинственную принцессу, которая сидит верхом на огнедышащем драконе, направляясь на битву против своих врагов, женщина и чудовище, объединившиеся против плохих парней, чтобы проучить их за то, что они поимели людей, находящихся под защитой принцессы. Вот так примерно выглядела бы эта картина, только немного реальнее. Если это не заставит вас трепетать и желать быть женщиной, то не важно, как вы себя чувствуете в розовом или в спортивном центре, — не знаю, как можно не желать этого.

Да, конечно, «Игра престолов» — это фэнтези, но и в реальной жизни женщины намного сильнее, чем считают люди.

Каждый раз, когда кто-то называет женщину «киской», подразумевая слабость и нерешительность, мне хочется растоптать его и напомнить, что рожден он был благодаря такой киске. Киски приносят в мир новую жизнь сквозь потоки боли и крови. И это долбаный подвиг. Киски — настоящие воины — жесткие, гибкие, дарящие-жизнь-и-наслаждение шедевры, которым следует выказывать уважение.

Если бы я стояла во главе всего мира, то заставила бы каждого мужчину, который использовал слово «киска», чтобы унижить кого-то, одеваться во все розовое и совершать ежедневные подношения статуе Афродиты, ласкающей котенка, которую собиралась построить в Центральном парке. Я бы также утвердила три выходных дня в институте, — отдав понедельник для развлечений, чтобы он больше не был столь ненавистным днем недели — и обрежь интернет-троллей на жизнь в подземелье, пока они не пройдут полный курс «Не будь трусливым Жополизом и Задирой». И предоставляла бы бесплатную медицинскую помощь всем животным, маленьким и большим, потому что никто не должен умирать и обрекать себя на страдания лишь потому, что нет возможности оплатить лечение.

К сожалению, я — не Верховный правитель мира, на самом деле считаю, что мое назначение было бы самым верным, так что если вдруг на Землю вторгнутся инопланетяне, и мы станем выбирать кого-то для смены правления, то я призываю голосовать за Уиллоуби, «Великодушного Сюзерена». Я — единственная более-менее понимающая динамику межличностных отношений женщина, и у меня достаточно времени, поэтому мои друзья Баш и Пенни заставили меня чувствовать себя виноватой и помогать плохим парням, справляться со своим гневом и менять свою жизнь.

Но Баш заблуждается, если решил, что я поверила тому, что «Дракон» — безобидный, пушистый, милый зайчик лишь потому, что так сказал мой босс. Я собираюсь проверить это по-своему и провести собственный анализ, прежде чем отправляться на битву на плечах Джейка Фальконе.

Я давным-давно научилась не принимать за истину обещания других людей, когда мой терапевт сказала, что я «вернулась в нормальное состояние» в первую годовщину гибели родителей. Безусловно, я не стала нормальной. С пятнадцатого октября я не видела ничего «нормального», за три дня до моего тринадцатого дня рождения, когда потеряла моих отца и мать, двух самых лучших друзей, что у меня когда-либо были.

Не кажется ли вам, что его восприятие о моей нормальности было завышено?

Нормальные люди дважды подумают, прежде чем решиться что-то сделать сегодня или отложить на завтра, но я видела, как скоротечна жизнь, как внезапно может не хватить времени, чтобы сказать то, что должно быть сказано, или стать тем, кем хотелось бы. Время — словно линия ярких цветных шарфиков, которые достает из кармана фокусник — и как

только шоу окончится, эта линейка оборвется, а вы осознаете насколько это горько, когда теряешь время, отведенное вам на действия, разговоры, учебу, любовь.

Пока не стало слишком поздно.

Мне тридцать два года, я на десять лет моложе, чем была моя мать, когда умерла. Я всю жизнь не могла жить так, как хотела, делать то, что хотела, и вовсе не собиралась тратить ни секунды своего драгоценного времени на мужчину, который не заслуживает вмешательства.

Джейку Фальконе лучше преподнести его Игру на первой же нашей встрече и доказать мне, что он заслуживает получить союзника, иначе я умываю руки.

Так что... думаю, есть шанс, что в этом романе вы все же увидите обнаженный член.

Если «Дракон» все же относится к члену, я оставлю вас с ним.

Или же вы можете отправиться со мной! Мы можем рассмотреть витрины магазинов или выпить кофе. Или долго гулять и купаться в листве, которая окрашивается в прекрасный цвет. Осень — мое самое любимое время года, но даже если вы не фанаты свежего осеннего воздуха и аромата жареных каштанов, что продают на Зеленой улице в «Таверне», и не получаете от всего этого большого удовольствия, то вы просто круглые идиоты.

Как любит повторять моя тетья Тэнси — хороший человек, словно плавленый сыр, плохой же, словно ректальное измерение температуры. Другими словами — хороший человек всегда лучше во всем, а плохой ни при каких условиях не посчитает это забавным.

Вы можете думать, что ректально измерить температуру — это словно выигрыш в лотерею. Вы, конечно, испытываете волнение после проверки, но в этот момент что-то холодное и твердое вставляют вам в задницу, при этом, даже не используя смазку, чтобы подготовить вас к проникновению.

Так что имейте это в виду, если решите, что «Дракон» стоит вашего времени. А я уверена, что так и будет.

Искренне ваша,

Шэйн «Чудесная Неприятность» Уиллоуби.

Шэйн

Примерно без десяти два прохладным октябрьским днем я сидела на скамейке в саду за домом моей тети Тэнси в Верхнем Ист-Сайде, ожидая встречи с первым джентльменом.

Конечно, он был не первым, — я же не слыла старой девой Нью-Йорка — но первым с моего переезда в город.

Уже год я жила в доме тети Тэнси, но до сих пор не чувствовала себя «как дома». Со смерти тети Ти мое общение ограничивалось персоналом благотворительного фонда, а на свидания совсем не было времени. Они были для меня не столь важны, а стояли в списке где-то после написания моего завещания и проверки холестерина, среди того, что мне хотелось отложить до момента, когда мне стукнет пятьдесят или у меня начнутся странные боли в груди.

Но это не свидание.

А деловая встреча.

Так что не было ни малейшей причины переживать, особенно в такой прекрасный день. Солнце ярко светило сквозь разноцветные кроны деревьев, преображая их в витражный потолок. Аромат осени наполнял воздух, а на мне был надет мягкий вязаный свитер. На этикетке было указано, что он изготовлен из натуральной шерсти альпака, но казалось, что он соткан из нежнейшего меха ангельских котят. Райское ощущение на коже. И столь же райское наслаждение дарил мне карамельный латте, пропуская кофеин по пищеварительному тракту.

Послеобеденный кофе — особенное удовольствие после того, как полдня я провела в пижаме, вплоть до совместного обеда с Аделиной. Эдди — моя соседка снизу. Она — компаньонка старой скряги Элоизы, которая преуспела в нарушении трудового кодекса по отношению к своему персоналу. У нас с Эдди не было времени на полноценный обед, так что почти месяц мы ограничивались только кофе.

Мне бы стоило наслаждаться легкой болтовней в столь замечательный день, но я не могла отвести взгляд от входа в сад, скрытого за деревьями, и не думать о предстоящем разговоре. Через десять минут профессиональный хоккеист, который избил (а может, и нет) свою бывшую подружку до полусмерти, введет комбинацию цифр, установленную на замке кованых ворот, и войдет в это безопасное место.

Если синяки на бывшей подружке Фальконе — подделка, тогда мы с Эдди в безопасности, но если он солгал, то в моем саду скоро появится настоящий монстр.

— Тебе стоит подняться к себе до его прихода, — оборвала я жуткий рассказ Эдди о последнем незабываемом списке покупок Элоизы. — Просто для перестраховки.

— Вовсе нет. Я не оставлю тебя наедине с незнакомцем, — сказала Эдди, поправляя очки на носу.

На самом деле это были мои старые очки, которые я отдала ей, поскольку Эдди отказывалась потратить хотя бы один выходной, чтобы провериться у окулиста. У нее было бледное личико в форме сердца, темные глаза и нимб каштановых кудряшек. Она выглядела довольно хрупкой, когда оставалась одна. Очки в роговой оправе со стразами придавали ей игривый вид, смягчающий образ серой мыши и суровой библиотечкарши.

— И я не упустила бы шанса увидеть «Дракона» в живую, — с улыбкой продолжила Эдди. — Я же большая фанатка.

— Правда? Когда ты в последний раз смотрела хоккей?

— С рождения! Пятеро моих братьев играли в хоккей, а отец — фанат «Рэйнджерс». Он дважды появлялся на телевидении с «Танцующим» Ларри.

— «Танцующим» Ларри? — изумленно переспросила я.

— «Танцующий» Ларри, — Эдди посмотрела на меня поверх чашки с горячим шоколадом. — Ну, знаешь, парень, который танцует на всех домашних играх, во время пробития штрафных. Когда все выстраиваются после третьего периода.

Я повернулась к воротам. Моего потенциального клиента до сих пор не было видно.

— М-м-м..., — пробормотала, глядя на выжидающую Эдди.

Она разочаровано поджала губы.

— Ты же говорила, что занята домашней работой, Шэйн. Как ты могла пропустить «Танцующего» Ларри? Он же символ «Рэйнджерс». Легенда.

Я опустила голову.

— Не знаю. Может, потому что Ларри не обвиняют в том, что он едва не задушил свою бывшую подружку?

— Как и Джейк, — произнесла Эдди тоном, поразившим меня. Звучало так, словно она говорила о друге, а не незнакомце, которого видела лишь по телевидению. — Не было предъявлено никаких обвинений. Лишь домыслы и догадки. Честно говоря, я понять не могу, почему люди верят во все самое худшее. Джейк никогда не был в центре скандалов. Да и в боях на льду не принимал участия.

— Спортивные фанаты странные, — промямлила я.

— Вовсе нет! — выпрямилась Эдди. — Мы просто верные. И это хорошо.

— Но ты же не знаешь этого мужчину по-настоящему, Эдди. Лишь образ, который он поддерживает, — мне пришлось продолжить немного жестче, поскольку подруга уже готова была запротестовать. — Джейк мог солгать Бабу о том, что произошло с его бывшей. Он мог избивать своих подружек годами и удачно скрывать это. Все возможно. Посмотри на Билла Косби. Он принимал наркотики и избивал женщин годами, держа это в тайне, пока все мы считали его любимцем Америки, носящим-ужасный-свитер и поедающим-ДжеллО папочкой.

Эдди подняла руку, но я еще не закончила говорить.

Меня хватил бы удар, если бы я увидела свою подругу с парнем, который в лучшем случае являлся бы ловеласом, обхаживающим известных девушек, а в худшем — ублюдком, который не может контролировать свой гнев.

— А что Фальконе сделал для того, чтобы заслужить доверие? Хорошо откатал? Послал кусок пластика по льду немного точнее, чем остальные? — я хмыкнула. — Понимаю, ты наслаждаешься его игрой, но хороший игрок и хороший человек в жизни — разные понятия. И если у меня в первые десять секунд встречи появится малейшее предчувствие о том, что он виновен, то пусть ищет кого-то другого, кто поможет ему справиться с проблемами.

— Хоккейная шайба изготовлена из вулканизированной резины, а не пластика, — низкий голос донесся из тени под деревьями, и я замерла, сжав пальцы вокруг чашки.

В моем взгляде читалась паника, а Эдди возмущенно смотрела на меня.

— Я пыталась тебе сказать, — прошептала она, — но ты была так поглощена своей лекцией.

Я, молча, прокляла свое неумение держать рот на замке и повернулась к очень крупному, пугающему, вовсе-не-радующемуся-встрече-со-мной хоккеисту, стоявшему у садовых ворот.

Наши взгляды встретились, и первая мысль, пришедшая мне в голову, была о том, что Джейк Фальконе был гораздо крупнее, чем казалось во время просмотра матчей. Он словно небольшая гора или потомок викингов, что обошли землю, вылавливая омаров голыми руками. А во-вторых, его темно-карие глаза выдавали в нем довольно умного человека. Умнее, чем я себе представляла.

В-третьих, он был самым сексуальным, самым притягательным, самым офигительно прекрасным мужчиной, которого я когда-либо встречала.

Нет.

Джейк «Дракон» Фальконе чертов бог среди прочих мужчин. Он нечто большее, чем то, на что я рассчитывала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шэйн

Я тяжело сплотнула, пытаюсь собраться с мыслями, но в голове была каша из-за стоявшего передо мной мужчины.

У него непослушные темно-русые волосы, словно выточенные черты лица, невероятно широкие плечи, а бицепсы достойны красоваться на двухстороннем постере в ежемесячнике «Сексуальные Руки». У Фальконе была сильная энергетика, неподвластная времени и пространству, обволакивающая меня, словно огромный сексуальный кулак, и не позволяющая дышать. Фото и картинки с игры, которые я видела в интернете, совсем не передавали его красоты.

Один взгляд этого мужчины пробуждал во мне желание забраться по нему, как по дереву, обвить ногами его талию и представить себя маленькой обезьянкой.

Детеныши орангутангов в течение пяти месяцев передвигаются, вцепившись в шерсть своей матери, но глядя на Джейка, понимала, что этого срока мне недостаточно. Все временно отключенные сексуальные желания накатили на меня мощным цунами. Голова кружилась, не удавалось стоять ровно, но опаснее всего то, что я потекла от возбуждения.

Проснулось желание лизнуть каждый дюйм моего клиента. Словно он был мускулистым красавчиком, при виде которого у меня подкашивались ноги.

Я не была на свиданиях почти год, не потому что не предлагали. У меня есть неприятные качества, но также я дружелюбна, добродушна, весела и не болезненного вида. Говорят, что похожа на ангела, а для мужчин, которые ценят изгибы, мое тело просто идеально.

Но как только парни узнавали о том, что я не являюсь легкодоступной и не думаю, прежде чем сказать что-то, то быстро сваливали. Однако я не считала проблемой отсутствие парня, согревающего мою постель. Как и многие женщины, легко могла найти себе постоянно спутника, если бы захотела.

Переехав в город, я перестала интересоваться серьезными отношениями, удовлетворяясь легким флиртом с курьером. В последний раз у меня был Уэсли. Перед его уходом мы устроили секс-марафон.

Полагаю, глубоко в душе я чувствовала, что привлекаю мужчин, но никогда и подумать не могла, что мной заинтересуется такой парень. И точно не ожидала, что меня накроет желание, сделает уязвимой. Я еле сдерживаюсь, пока объект моего внимания опускает руки и вопрошает.

— Нам нужно еще что-то обсудить? Или ты уже решила, что я не ценю твое время?

Я покачала головой, не найдя подходящих слов.

Дерьмо, вот дерьмо! Нужно собраться. Сейчас же! Иначе произведу не лестное впечатление в первый же день.

Благо Эдди выиграла для меня время, поднявшись и протянув Фальконе руку.

— Привет! Я — Аделина. Подруга Шэйн. Очень рада встрече! Я очень люблю твой стиль игры. Видела, как ты удержал на плаву свою команду, когда Леон получил травму.

Фальконе взял ее за руку, заставляя меня позавидовать пальцам своей подруги, и застенчиво пробормотал что-то. Меня аж передернуло.

Я ожидала, что он возгордится, черт возьми, но нет.

Я многое успела изучить, хоть и не добралась до «Танцев с Ларри», но знала, что Фальконе — суперзвезда. Его приняли в NHL спустя пару месяцев после совершеннолетия. Он стал лицом лиги с первого матча на Мэдисон-сквер-гарден. Он стал великим хоккеистом, у которого были друзья и, конечно, как и полагалось, враги.

Друзья, особенно его тренеры, стараются оградить Фальконе от давления прессы, которая утверждает, что он сидит на стероидах, и именно из-за них мой потрясённый клиент внезапно чуть не задушил свою бывшую. Враги же, полагаю, манипулируют СМИ у них за спиной, стараясь разрушить репутацию Джейка и его карьеру.

До сих пор мое нутро кричало, что нужно помочь Фальконе отделаться от проблем с бывшей и держать ее подальше, потому что он что-то скрывает. Сейчас я уже не уверена в этом. Глядя на него, невозможно было представить его плохим парнем, хотя сложно было удержаться от желания «раздеться и наброситься на этого мужчину», которое будоражило мне кровь.

Но, как и у любого, пережившего травму, у меня был опыт в притворстве. Показать, что все хорошо, когда на самом деле все не так. Когда Фальконе и Эдди обсудили хоккей, я выбросила стаканчик из-под кофе в мусорку, стоящую рядом с глиняными горшками, уняла дрожь в коленях и, поднявшись, посмотрела на моего «Дракона».

— Прости, неудачное начало знакомства, — примирительно заговорила я. — Надеюсь, ты останешься и все мне расскажешь. Рада буду помочь по возможности. Мне просто нужно решить, полезно ли будет наше сотрудничество. Баш — мой друг, и я слишком хорошо его знаю, чтобы не доверять ему безоговорочно.

— Я никому не доверяю, — Джейк потянулся к заднему карману и вытащил несколько сложенных листов бумаги. — Включая тебя. Поэтому подпиши соглашение о неразглашении, а затем начнем.

Нахмурившись, я потянулась к договору, словно искала любой способ коснуться Фальконе.

— Но я уже подписала соглашение в офисе. Когда заполняла оставшиеся документы при принятии на работу. Оно должно было быть у тебя.

— Было, но то соглашение составлено вашими юристами, — сказал он, напряженно глядя на меня, от чего по телу побежали мурашки. — А это составлял собственноручно. Моя личная жизнь для меня очень важна, и я должен быть уверен, что она под защитой.

— Хорошо, — кивнула я, стараясь не обращать внимание на нервозность. — Дай мне пару минут, я все прочту. Если документы в порядке, то подпишу и начнем, — улыбаюсь. — И, кроме того, я тоже скрытная. А также серьезно отношусь к обещаниям. Никогда не стану рассказывать кому-то то, что мне доверили, и неважно, подпишу ли перед этим документы или нет. Для меня дорога репутация.

— Ну... хорошо. Спасибо, — его мрачный взгляд смягчился, словно внутри Джейка скрывался добродушный человек. — Я ценю это и..., — он прокашлялся, склонив голову. — Надеюсь, что ты не решишь, что потратила время зря. Баш был прав, ты идеально подходишь для этой работы.

Он смотрит мне в глаза, и дыхание учащается.

— Фото в твоём деле не передают истинную тебя. Ты просто... невероятна.

Невероятна. Слово срывается с его пухлых губ, заставляя чувствовать себя картиной за миллион долларов, или видом на Килиманджаро. Мои яичники буквально кричат о его

победе. Мне даже кажется, что мои трусики скоро начнут пылать.

Что-то требовательное и опасное зарождалось внутри меня чуть ниже пояса, но я не могла отвести взгляда от Фальконе, чтобы спасти ситуацию. Я тонула в его глазах, погружалась в черную дыру желания, из которой не было возврата. Мои соски напряглись, во рту пересохло, и единственный способ привести себя в чувство и не сказать что-нибудь неуместное — прикусить нижнюю губу так сильно, чтобы боль отвлекла меня.

Дерьмовая выходит ситуация. Если один лишь зрительный контакт с этим мужчиной так на меня действует, боюсь даже подумать, что случится, если мы перейдем к практике поцелуев.

Поцелуй...

Черт. Если рассказ Джейка подтвердится, то мы поцелуемся с ним еще до конца дня.

Поцелуй с Джейком Фальконе... Наши языки сплетаются, я пробую его вкус, а сильные руки обнимают меня так крепко, что становится неважно, что мои ноги — словно желе...

Нельзя думать об этом в таком ключе. Этот человек — мой клиент. Целоваться с ним — часть моей работы. Даже если наш поцелуй будет таким же страстным, как мне кажется, из этого ничего не выйдет. И выльется лишь в ухабистую тропу на виллу Сексуальное Разочарование.

Баш ясно дал понять, что общение с клиентом не заходит дальше поцелуев.

За исключением случаев, когда это необходимо...

Посмотрите на Кэт и Эйдана. Они быстро перешли от поцелуев к стадии Оргазмической Вечеринки.

Но Эйдан и Кэт — давние друзья, напомнила я себе. Они не чужие. И в беде была Кэт, а не парень, едва не задушивший свою бывшую. Мыслей хватило, чтобы мои трусики намокли.

Но это словно пожар. Дикий, неконтролируемый и абсолютно не дающий знаний о том, что хорошо, а что плохо.

Просто хотелось сгореть...

Шэйн

Спустя пятнадцать минут я подписала соглашение о неразглашении, обняла Эдди на прощание, обещая написать ей позже, и вернулась к лавочке, на которой сидел Джейк. Он занимал немного больше места, чем Аделина.

Я передвинулась к самому краю скамьи, оставляя ему больше места, но наши бедра все равно соприкасались, и я чувствовала исходящий от него жар. Мужчина-огонь, из тех, кто может заставить тебя сбросить ночью одеяло, потому что тебе будет достаточно того тепла, что он сам дает тебе, лежа рядом.

Прекрати думать о том, как затащить его в постель, Шэйн.

Серьезно. Сейчас же.

Перестань!

Пришло время пораскинуть мозгами и принять верное решение. Сам факт того, что парень возбуждает тебя так, что трусики буквально сторают, не является веской причиной для того, чтобы помочь ему избежать обвинений в домашнем насилии.

На самом деле, то, что он воспалял меня, было хорошей причиной сбежать прежде, чем мы начнем.

Вместо этого я повернулась к Джейку, закинув ногу на ногу, и спросила.

— Так что произошло? Можешь объяснить, как появились синяки у твоей бывшей? Если честно, сейчас решается, возьмусь ли я за это дело или нет. Я не люблю рукоприкладство, особенно когда агрессор раза в три крупнее жертвы, на горле которой он держит свою руку.

— Понимаю. И согласен с тобой, — вздохнув, Джейк провел ладонью по волосам. — Обещаю, что расскажу все, но придется начать издалека. Не уверен, что ты все поймешь, если не услышишь предысторию наших с Кери отношений.

Я кивнула, стараясь здраво мыслить, но поникшее выражение на его лице мне не нравилось. Джейк выглядел как человек, который знает, что его объяснения будут бессмысленными. Мне стало грустно. Грустнее, чем требовалось, хотя для меня до сих пор Джейк оставался незнакомцем.

Но верить этому парню с добрыми глазами, который вызывал во мне такие чувства, которые я ни разу не испытала с Уэсли, и способному на домашнее насилие, мне не хотелось.

— Мы с Кери случайно встретились на благотворительной вечеринке Real Time, — начал мужчина, скрестив руки на груди, а затем вздрогнул и снова опустил их. — Я спонсирую спортивные мероприятия для городских детей. Всякого рода, но в основном это хоккей. Кери занимается пожертвованиями для школы искусств. Мы много общались. Так все и началось. Она выросла в моем районе, и..., — он неловко пожал плечами. — Не знаю. Это не было каким-то притяжением или чем-то подобным, но мне было с ней хорошо. Я чувствовал, что у нас могло срастись.

— Пока все гладко, — говорю я, заслушавшись историей о том, как он проводил время с женщиной, поскольку их объединяла работа и жизненные уроки, хотя мне было известно о том, что конец будет печальным. — И когда все пошло не так?

— Не так быстро. Поначалу все шло хорошо. Мы проводили время у меня, она

приходила посмотреть тренировки. На выходных я пропадаю в ее студии, помогая перетаскивать холсты и давая ей возможность нарисовать самый уродливый портрет. Нам было весело. С ней было легко и... эм..., — Джейк опустил взгляд, а затем вновь посмотрел на сад перед нами. — И в постели все было здорово. Знаешь, просто... нормально и гладко.

Я едва смогла сдержать улыбку, чувствуя, что мужчина не оценит то, что я нахожу забавным его смущение.

— Хорошо. Значит, нормально и ровно, хорошо. Это лучше, чем странно и плохо.

— Да, — Джейк скривил губы, и я на миг представила, как он великолепен, когда улыбается, но ухмылка продлилась лишь мгновение, — но мы быстро перешли к странному и плохому. Все случилось намного быстрее, чем ожидалось в самом начале, но мне стоило лучше узнать ее, а не торопить события. На самом деле узнать человека за шесть недель нельзя.

— Ну, не совсем, — проговорила я, нахмутив брови, — но обычно ты можешь догадаться, если все движется к странному и плохому. Звучит так, словно Кери отличается от большинства людей?

— Кери заболела, — сожаление и отчаяние в его голосе были неподдельными. — Не уверен, какой диагноз ей ставили, но она принимала лекарства, а затем прекратила. Кери сказала, что у таблеток есть побочные действия. Например, понижение сексуального влечения. Ей не хотелось, чтобы это как-то отразилось на наших отношениях. Я предложил поговорить с врачом, а затем решать. Думал, она сможет сменить препараты, если ее это так волновало, но Кери меня не слушала, — он выдохнул, опустив плечи. — После всего этого у нее стала болеть голова, а во сне она жутко скрипела зубами. Дошло до того, что она сломала зуб. Он полностью развалился.

— Ой, — поморщилась я.

— Я оплатил лечение и направил ее к специалисту по мигреням. Она отказывалась, но я чувствовал себя виноватым, — Джейк опустил взгляд на сцепленные пальцы. — Все произошло потому, что она хотела сделать меня счастливым. Я старался убедить ее в том, что намного важнее было ее здоровье, а не то, что мы трахались бы, как кролики, оставшись наедине, но..., — он повернул ладони, хрустнув суставами пальцев. От этого мне стало только хуже.

Грустно было смотреть на такого сильного мужчину, который выглядел таким беспомощным. Как-то неправильно.

— Но она не вернулась к лекарствам, — подытожила я после паузы.

— Нет, — тихо вымолвил мужчина. — Она все время злилась. Все, что я говорил, раздражало ее, а если Кери не злилась, то переживала. Она жутко боялась, что я брошу ее до выздоровления, и, если честно, мне этого хотелось, — он покачал головой, но не поднял взгляд. — Я волновался за нее по-дружески, но это было слишком. Кери все время рыдала от боли, а мы были знакомы всего пару месяцев. Не думаю, что продержался бы рядом с ней долго. Знаю, что говорю, как последний мудака, но...

— Нет, все не так, — сдавленно произнесла я. — Встретаться с человеком, который серьезно болен — серьезный шаг. Вы не были женаты, не давали никаких обещаний. Ты был вправе разорвать все, когда стало так тяжело.

Джейк посмотрел на меня с выражением, говорящим, что его мои слова не подкупили.

Должно быть, он заметил замешательство в моем голосе. Джейк внимателен, так что мне стоит быть осторожнее, чтобы не рассказывать о себе. Сейчас речь идет о любовной

истории Фальконе, а не моей. Все мое дерьмо осталось в прошлом, похороненное под шестью футами земли, где ничего не изменится и никому не будет пользы, если это всплывет.

— Серьезно, — убеждала я. — Я вот о чем. Сейчас ты не говоришь, как самый большой мудака. Ты говоришь, как хороший парень.

Вокруг его глаз проявились морщинки, но он не отвернулся.

— Нет. Я даже не осмелился лично порвать с ней. Она угрожала, что убьет себя, если я уйду и...

— Вовсе нет! Она не могла так поступить! — я затрясла головой, возмущенная его словами. — Это же эмоциональное издевательство.

— Знаю, так и есть, — Джейк словно играл в кошки мышки. — У меня были к ней чувства, но в тоже время мне казалось, что я — чертов заключенный. В конце концов, я был так зол и расстроен, что не мог больше оставаться с ней в одной комнате.

— Я тебя не виню. Просто рада, что ты не позволил ей удерживать себя силой.

— Ага. Я старался не допустить этого, — говорит он, поигрывая желваками. — Оставил ей голосовое сообщение, где сказал, что ухожу и предложил ей обратиться за помощью, а потом сменил замки в квартире. Когда она пришла и начала стучаться в дверь, чтобы войти, я вызвал охрану и отдал ее на их попечение. Сменил телефонный номер, тренажерный зал, запретил ей наблюдать за тренировками, но Кери продолжала выслеживать меня у дома. Мне приходилось пробегать мимо нее, чтобы попасть внутрь до того, как она меня схватит. Безумие.

Я вздохнула, живот скрутило в преддверии окончания рассказа.

— Ты звонил в полицию? Узнавал, сможешь ли добиться ограничительного запрета?

— Я не связываюсь с полицией, — впервые на его лице проступает гнев.

— Что? Почему? Я имею в виду, что это не всегда приятно, но...

— Нет, — решительно сказал мужчина. — Об обращении к властям не может быть и речи. Я никогда не ворошу свое грязное белье на публике. Никогда. — Взгляд становится тяжелым. — Именно поэтому я настаивал на договоре о неразглашении. Имеется в виду, что моя личная жизнь такой и останется. Мы же понимаем друг друга?

— Конечно. Я же подписала соглашение, так что..., — пробормотала я.

— Просто хочу, чтобы все было предельно понятно, — отрезал он. — Если хоть одно слово, сказанное мною сейчас, просочится в прессу или дойдет до кого-то еще, включая твою маленькую очкастую подружку, я подам в суд на тебя, твоего босса и любого, кто посягнет на мою частную жизнь, и заставлю ответить по закону.

— Успокойся сейчас же, — я поднимаю руку, широко растопылив пальцы. — Слушай, понимаю, тебе нелегко пришлось, и сочувствую, но у тебя нет права угрожать мне. Я дала тебе слово, подписала все необходимые бумажки, которые ты попросил. Если этого недостаточно для того, чтобы ты поверил мне, тогда просто уходи.

— И могу забрать свои десять кусков? — ухмыляется он.

— И можете забрать ваши десять шгук, — мило улыбаюсь, борясь с непреодолимым желанием ударить его по самодовольной роже. — Мне не нужны ваши деньги, мистер Фальконе. Я пошла на это, делая одолжение Башу и лишь потому, что с легкостью соглашаюсь, когда следует ответить отказом. Ваши деньги пошли бы на благотворительность, но я с той же легкостью могу использовать собственные средства и послать вас столь же грубым способом.

— Так ты пошла на это по доброте душевной? — спрашивает он с явным и оскорбительным недоверием.

— Да, Джейк, — в моем голосе явно слышится раздражение. — Иногда люди совершают хорошие поступки ради других, потому что считают это правильным.

Его темные, сексуальные словно грех глаза долгое время изучают меня, пока я стараюсь вспомнить, что этот мужчина раздражительный и последний кому я могла бы позволить вызвать во мне сексуальное влечение. Он напряжённо смотрит на меня, словно раздевает, вытаскивая наружу все мои тайны, напоминая обо всем, что я обменяла на возможность прожить жизнь в образе другой женщины.

О таких вещах, как страсть и связь, шанс на то, что завтра одиночество отступит. О таких вещах, как любовь. О том, кто принимает меня полностью. О местах, где тоска, разрушение и потрясение. О возможности найти что-то прекрасное в обломках.

Знаю, что Джейк не тот мужчина. Он никогда не станет никем, кроме простого клиента, — а может даже и им не будет — но не могу отвести от него глаз. В нем было что-то, от чего каждый нерв в моем теле гудел, словно камертон в поисках идеального звучания.

Мы сидим, уставившись друг на друга, кажется целую вечность, когда Джейк сжимает кулаки, а мое сердце бешено стучит, желая остаться и лучше узнать этого человека, который полностью пробудил меня впервые за столь долгий срок.

Но мое сердце не получает того, что желает. Я не думаю, что в этот раз будет иначе. Представляю, как Джейк посылает меня к черту и сбегает тем же путем, каким пришел.

— Мне жаль. Ты права. Не следовало шантажировать тебя таким образом. Все это... — вместо этого говорит он. Джейк вздыхает. — Это меня испортило, но проблемам не в тебе или твоём отношении, так что не стоит вести себя со мной, как с благородным мудаком.

— Не назвала бы тебя благородным, — склоняю голову, уловив его взгляд сквозь густые пряди, спадающие на его лоб. — Скорее нормальный, повседневный мудака, но это не так плохо.

Джейк улыбается.

— Могу я выйти со скамейки штрафников, если пообещаю, что подобное не повторится вновь?

Я киваю, переоценив его сексуальную полуулыбку.

— Все хорошо. Штраф снят, но больше не набрасывайся на меня. Прибереги для своего терапевта.

— У меня нет психотерапевта, — фыркает он.

— Обратись к какому-нибудь, — улыбаюсь, смягчая слова. — Человек, прошедший через тоже, что и ты, нуждается в терапии. Я могу выслушать тебя, если хочешь, но моя работа заключается в том, чтобы убрать от тебя Кери, чтобы ты смог начать заново, а не помогать справляться с эмоциональными последствиями от того, что тот, кому ты доверял, превратился в сталкера.

— Если ты согласишься на эту работу, — он потер большим пальцем по подбородку. Звук соприкосновения кожи к однодневной щетине был явственно мужским и удивительно интимным. Я хочу протянуть руку и провести пальцем по его темным бакенбардам, чтобы почувствовать колкость.

Я яростно сопротивляюсь желанию. Едва-едва.

— Да, если соглашусь. Пока что я близка к тому, чтобы сказать «да», но...

— Но тебе нужно знать, что стоит за той историей с побоями. Верно? — он кивает,

плечи напрягаются. — Как говорил, я старался делать все возможное, чтобы держаться подальше от Кери, но в последний четверг я поздно вернулся с тренировки и обнаружил ее на своей кухне. Она готовила лазанью. Как-то пробралась внутрь. Взломала замок, полагаю. Или новенький сотрудник в вестибюле впустил ее, хотя он клянется, что не покидал свое место. Не уверен как, но Кери оказалась внутри, готовила и пила вино, притворяясь, словно все так и должно быть. Я сказал, чтобы она убиралась, и мы поссорились. Я что-то сказал, она сказала...

Джейк снова сжал руки в кулаки.

— В конце концов, все обострилось. Было ужасно. Сказал ей, что она сошла с ума, и я не хочу больше ее видеть, даже если она пройдет лечение. Прежде, чем осознал, что происходит, она набросилась на меня с ножом.

У меня челюсть отвисла.

— Я был так потрясен, что рефлексы отключились, — продолжил мужчина, не дав мне прервать его. — В то время как я стал отступать, она уже вонзила нож мне в плечо. На всю глубину. — Он покачал головой. — После этого я просто... забылся. Прежде, чем понял, что делаю, схватил ее за горло, протащил через всю комнату и вышвырнул за дверь.

— Дерьмо, — произнесла я, распахнув глаза.

— Такой был итог, — на губах Джейка появляется мрачная улыбка, — но я удерживал ее пару секунд, и никаких синяков у нее не было, когда я захлопнул дверь.

Я сочувственно киваю, но скрыть от него правду не могу.

— Они могли проявиться позже. Синякам требуется время, чтобы сформироваться.

— Знаю, — говорит он, — Мне кое-что известно о грубом обращении, но снимки были сделаны через двадцать или тридцать минут после того, как она покинула мою квартиру, перед закатом. Кожа не могла приобрести столь темный черно-фиолетовый оттенок. Предполагаю, что Кери покрасила их тенями или чем-то еще, но есть шанс...

Джейк прокашлялся, встретив мой выжидательный взгляд. От его загнанного взора в груди все болезненно сжалось.

— Есть шанс, что я потерял контроль и причинил ей боль. И если это так, возможно, я не заслуживаю помощи. Честно говоря, я больше ничего не знаю. Просто знаю, что мне нужно покончить с этим, а ты словно мой последний шанс выбраться, пока все не стало только хуже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Шэйн

Я сильно прикусываю губу, размышляя.

Это не очевидное отрицание, которое мне требуется услышать, чтобы начать двигаться дальше, но и Джейк совсем не тот, каким я его представляла. Он вовсе не высокомерное ничтожество. Кажется, наоборот, создает впечатление хорошего парня с чувством сострадания, который оказался в жуткой ситуации и нуждается в помощи.

Я склонна думать о том, что ему требуется скорее помощь полиции и психотерапевта, чем вмешательство нашей службы, но...

— Я пойду, — говорит Джейк, прерывая мои размышления. — Прости, что отнял твоё время.

Он встает и уверенными шагами начинает сокращать расстояние между скамьей и воротами.

— Подожди! Не уходи! — я поднимаюсь на ноги. — Ты не отнимаешь у меня время.

Джейк поворачивается. На его лице проявляется защитная маска, плечи напряжены, от чего я задаюсь вопросом, на какой руке у него рана.

Господи Иисусе. Ножевое ранение.

Рана. Это безумие!

Я готова помочь Джейку спастись от безумной бывшей, но не представляла, что она будет помешана на том, чтобы порезать человека. И не готова была иметь дело с человеком, который патологически не хотел связываться с полицией.

— Полагаю, о происшествии с ножом ты властям не сообщил, — я скрещиваю руки и задумчиво хмурюсь, стараясь вести себя так, словно знаю, как поступать в похожей ситуации. — Ты не обращался к копам?

На его лице появляется все тоже упрямое выражение.

— Нет. Я не хочу об этом распространяться. Это был бы праздник для прессы.

— Но это преступление, — говорю я, надеясь, что он поймет. — Серьезное. Кери, как минимум, напала на тебя с оружием. Не знаю всех деталей, не являюсь адвокатом, но делу можно было бы дать ход как покушению на убийство.

Джейк качает головой.

— Она не пыталась меня убить.

— Ты не можешь знать этого. Она разозлилась и ударила тебя ножом, Джейк. Ударил ножом. Судя по тому, как ты это описал, рана серьезная, — я протягиваю руку, проводя пальцами по его груди. — Что, если она попала бы чуть ближе к центру? Она могла бы всадить тебе нож в сердце.

Он снова качает головой, но с легкой неуверенностью.

— Она хотела причинить мне боль в тот момент, а не избавиться от меня.

— Верно, — я даже не пытаюсь скрыть сомнение. — Ну а что насчет твоей работы? Что сказал врач? Рана не повлияет на игру?

— Все в порядке, — мужчина водит левым плечом. — Я быстро иду на поправку и хорошо справляюсь с болью.

— Но что говорит врач? — жуткое подозрение щекочет мое нутро. — Ты же ходил к

доктору?

Хмурясь, Джейк пожимает плечами.

— Все в порядке. Я часто получал травмы, поэтому могу отличить серьезное от несерьезного.

— Да ты издеваешься, — говорю я, зная, что это не так. — Это не нормально, приятель. Совсем не нормально. — Я указываю на ворота. — Выходим. На улицу. Сейчас же.

— Что это значит? — в его взгляде вспыхивает боль, а затем они снова становятся холодными. — Ты уходишь? Так просто?

— Нет, я не уйду. Мы идем вместе, — я хватаю клатч со скамьи и засовываю его подмышку. — Мы поймем такси и отправимся в отделение скорой помощи.

Он хмыкает.

— Я не поеду. Ничего особенного не произошло.

У меня так широко распахиваются глаза, что я ощущаю, как вытягиваются мышцы.

— Тебя пырнули ножом! У тебя ножевое ранение! И как это оно не относится к травмам?

— Пятидневный порез быстро заживает, — спокойно настаивает Джейк уверенным голосом, напомнив мне лучшую подругу Кэт, которая была также чертовски упряма и относится к себе просто до смешного ужасно. — Слишком поздно для того, чтобы накладывать швы, а доктор сможет сделать только это.

— Это не так. Они также проверят, не получил ли ты заражение, — говорю я, не желая отступить. — И если нож вошел слишком глубоко, достигнув кости, стоит провериться на остеомиелит. Серьезная инфекция. Тебе может потребоваться антибиотик широкого спектра, а может даже операция по удалению зараженного участка.

Острый, оценивающий взгляд проник сквозь темные глаза.

— Так ты врач?

— Ветеринар, — говорю я, — но ты сильно удивишься совпадению. Животные и люди не так сильно отличаются, как считает большинство.

— Тогда можешь осмотреть меня, — говорит мужчина, словно это самое логичное заявление в мире. — Убедись, что все хорошо заживает.

— Нет, не могу! Я лечу четвероногих. У меня даже нет лицензии, чтобы лечить их в Нью-Йорке. С момента моего переезда у меня не было времени, чтобы оформить документы.

— Откуда ты переехала?

— Джорджия, — я хмурюсь из-за внезапно сменившейся темы. — Атланта, но я не...

— Персик из Джорджии, — говорит он, кивая, словно что-то во мне прояснилось.

— Ничего подобного, — я поднимаю подбородок, желая показать, что вовсе не милая южная красотка, которая позволит запугать себя глупому хоккеисту, не желающему тащить свою задницу к врачу после ранения. — Я родилась и выросла в городе, получила степень в Нью-Йоркском университете. В Джорджию я переехала потому, что мой жених поселился здесь.

Джейк кивает.

— И как же твой жених чувствует себя, представив тебя в роли моей женщины на пару недель? Он нормально относится к тому, что с тобой будет другой? Ведь Кери не настолько глупа, чтобы поверить, если мы будем просто вести светскую беседу и держаться за руки.

— Его больше нет на горизонте, — говорю я, не желая думать об Уэсли или о том, что Джейк «все время» будет со мной. Лучше избегать и того, и другого. — Полагаю, для тебя

это приятная новость, поскольку моего жениха подобное не обрадовало бы. Его бы беспокоила такая беспечность и возможное покушение на убийство, но учитывая, что ты слишком упрям, чтобы пойти к врачу, а я не такая большая, чтобы закинуть тебя на плечо и отнести, думаю, осмотр ветеринара, желающего, чтобы ты жил, лучше, чем ничего.

Я ожидаю новых упрямых возражений, но вместо этого Джейк улыбается.

Он улыбается настоящей, широкой улыбкой от уха до уха, обнажая слегка искривленные зубы и идеально расположенные ямочки. Я забываю о том, что это самый неприятный мужчина на планете. Просто Джейк такой красивый, невероятны и сексуальный, что мои трусики снова тлеют.

— Ну, спасибо, — говорит он глубоким, обжигающим голосом. — Я ценю это. Женщина, с которой я встречаюсь, хочет сохранить мне жизнь... Не скоро я к такому привыкну.

— Мы не встречаемся, Фальконе, — твердо говорю я. — Мы притворяемся, что встречаемся. Есть правила, которые нужно обсудить прежде, чем двигаться вперед, но сперва тебе нужно провести медицинский осмотр, поэтому остальное подождет, пока я обследую тебя.

— Все хорошо, — Джейк потянулся к полам рубашки. — Хочешь провести осмотр здесь, доктор? Или в более интимном месте? Я в любом случае не возражаю.

Я выгибаю бровь, притворившись, что меня не прельщает перспектива любоваться на его обнаженную грудь.

— Значит, ты не боишься обнажить свою грудь, лишь грязное белье?

Он снова усмехается.

— Верно. Никогда не стеснялся, когда приходилось раздеваться.

Мои щеки вспыхивают, но мне как-то удается сохранить голос твердым, указывая на дверь.

— Давай поднимемся ко мне. У меня там есть все необходимое. В саду я для тебя мало что могу сделать, а кто-нибудь из членов ТСЖ увидит меня с полуобнаженным мужчиной и добавит в мой список достижений очередное дерьмо.

— К тебе, — мужчина кивает и улыбаясь, встает рядом со мной на извилистую мощенную дорожку, ведущую к зданию. — И спасибо еще раз. Рад, что ты взялась за мое дело.

— Рада помочь, — я киваю, пытаюсь сохранять хладнокровие, хотя жар разливается по моему телу, а голосок в голове предупреждает, что из этого ничего хорошего не выйдет.

Но сейчас я не могу отправить Джейка, как и собаку с шипом в лапе.

В режиме «Дракона» Джейк Фальконе мрачный, сексуальный, устрашающий от природы, но Джейк, который полон надежд и улыбается в благодарность за мою помощь, абсолютно неотразим.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Шэйн

Поднявшись домой, я указываю Джейку на кухню, устроенную в виде камбуза, и направляюсь в спальню тети Тэнси.

— Сними рубашку и положи на островок. Я осмотрю тебя.

Намеренно не отрываю глаз от книжных полок и картин на стене, пока прохожу по широкому, открытому пространству, глядя на все, что угодно, кроме потрясающего полуобнаженного хоккеиста на моей кухне.

Оставив его, прохожу в ванную, чтобы взять свою сумку с медикаментами.

Мне приходится держать при себе нечто большее, чем аптечка первой помощи. Это побочный эффект от того, что рядом со мной часто умирают люди. В моей сумке собрано все, что нужно, чтобы провести легкую операцию и прибраться за собой беспорядок, а также некоторые фармацевтические средства, которые были добыты незаконным путем. С властями у меня могли бы возникнуть проблемы из-за некоторых вещей, но не стоит беспокоиться о том, что Джейк побежит в полицию, если от моего лечения будет больше вреда, чем пользы.

Раз этот парень позволяет кому-то пырнуть себя и молчит, то уж о том, кто пытается помочь ему, точно не расскажет.

Мне любопытно, откуда в нем эта фобия относительно полиции. У меня было несколько инцидентов с полицейским департаментом Нью-Йорка: словесные домогательства сексуального характера в то время, когда я грубо запротестовала, и, к несчастью, лицезрение пениса, когда коп напился и слонялся по моей частной школе со своей болтающейся «дубинкой», торчащей из расстегнутой ширинки. И несмотря на это у меня было больше благодарных чувств к полиции, чем пугающих. Без нашей полиции город превратился бы в рассадник хаоса. По большому счету, копы — хорошие парни, мужчины и женщины, которые готовы отдать жизнь за то, чтобы сохранить наш город в безопасности.

Они идеально справляются с каждым делом? Конечно, нет. Они всего лишь люди, но нет никакой логической причины, чтобы Джейк стал таким рьяным противником мальчиков и девочек в форме.

Так что произошло? Почему он оказался настроен против полиции? Ему пришлось столкнуться с одним из ублюдков, который оставил на нем шрамы? Или сделал что-то такое, от чего попал под подозрение полиции?

Баш проверил всю подноготную Фальконе. Ничего кроме пары штрафов за превышение скорости и нарушение общественного порядка за драку в баре во времена колледжа, но все записи, которые Баш достал, относились к моменту, когда Джейку уже минуло восемнадцать. Если бы он совершил преступление в более раннем возрасте, ему не дали бы возможности взглянуть на них.

Я не думала, что подобные записи могли существовать, но теперь задумалась о том, чтобы убедить Баша порыться в прошлом Джейка более тщательно. Ведь Баш не просто обладает милым личиком, он еще и опытный хакер, способный откопать грязные подробности на кого угодно. Если Джейк совершил преступление в юности, Баш раздобудет информацию.

Вытащив из заднего кармана телефон, быстро набираю сообщение.

Можешь достать мне всю информацию об аресте Джейка Фальконе в юности, если таковые были? И как можно быстрее.

Я колеблюсь лишь мгновение, прежде чем нажать кнопку «отправить».

Конечно, Джейк создает впечатление хорошего парня, хоть и напряженного, но мы знакомы всего час. В этот момент я понимаю, что шанс дожидаться от Джейка ответа на столь личные вопросы, ничтожно мал. Он явно не хочет разглашать причину ненависти к копам, но, если мне хочется помочь ему, не навредив при этом себе, нужно знать, что за этим стоит.

Мне приходится подождать лишь пару секунд, прежде чем Баш отвечает.

Понял. Ты в порядке? Если понадобится помощь, в центральном парке сейчас Эйдан. Он тренирует Нэйта, новичка. Они могут прибыть через пять минут. Максимум десять.

Я в порядке, — отвечаю. — Джейк кажется не плохим. Я просто хочу разобраться, почему он не желает обращаться в полицию за помощью. Судя по документам приема, полагаю, ты не знал, что его бывшая пырнула его ножом, прежде чем он ее выгнал?

Какого черта? — пишет Баш. — Нет! Он сказал, что она ворвалась в его квартиру, вела себя агрессивно, а он применил силу и выгнал ее, но я и понятия не о чем таком не имел. Дерьмо! Почему люди считают, что мне можно лгать? Шэйн, у меня что, на лице написано «соври мне»? Или на моем лбу гребанная татуировка «лох»?

Я бросаю чистое полотенце на сумку, зная, что пора возвращаться на кухню.

Расслабься! Вероятно, он просто не решался написать об этом. Джейк очень скрытный. Вероятно, в этом и кроется причина, по которой он не хотел рассказывать им о Керри. Просто хочу убедиться, но слушай, мне пора. Он ждет, когда я осмотрю его рану, потому что к доктору тоже обращаться не желает.

Секундой позже мой телефон звонит, и на экране высвечивается имя Баша.

Я прикусываю губу, борясь с искушением, но, в конце концов, выключаю звук. У меня нет времени на разговор с Башем, и не хочется, чтобы Джейк подслушал личный разговор. Мне сложно завоевать его доверие, хотя он и не знает, что я копаюсь в его прошлом.

Но я не жалею о своем выборе.

Речь идет о личной безопасности. У меня своя жизнь, и мне нужно быть осторожной, особенно когда забираюсь глубже, чем ожидала. Я согласилась сыграть роль чьей-то подружки на пару недель, вот и все.

Я нигде не подписывалась на получение травмы или чего похуже...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шэйн

Успокоив совесть, выхожу из спальни и вижу, что Джейк все еще в рубашке — черт возьми — и листает журнал по йоге, лежавший на стойке.

— Ты занимаешься йогой? — спрашивает он, когда я подхожу и ставлю рядом с ним сумку. — Мой технический тренер убеждает меня попробовать, но мне не хватает времени.

— Да. Каждый день занимаюсь. Всем рекомендую. Эта штука здорово меняет жизнь.

Открываю сумку и достаю необходимые принадлежности, которые могут мне понадобиться, включая материалы для очистки и перевязки раны, термометр, чтобы измерить температуру у Джейка и нитки, чтобы зашить рану, если потребуется по прошествии столь долгого времени.

— Мне нравится заниматься здесь, — я похлопываю прямо по столешнице. — Помогает сосредоточиться.

— Каким образом? — с насмешкой спрашивает он.

— Осознание того, что я могу упасть, помогает сосредоточиться.

— Так тебя заводит опасность, — он хватается за низ футболки. — Буду иметь в виду.

В голове начинает назревать ответ — что-то о том, что я вовсе не наслаждаюсь опасностью, просто использую ее в своих целях, когда мне это необходимо, но Джейк стягивает темно-синий свитер и футболку через голову одним плавным движением, и слова застревают на полпути.

Святые мышцы пресса, Бэтмен.

Мышцы груди и плеч, бицепсы и все остальные. Так много перекачывающихся мышц.

Это просто шведский стол, состоящий из мышц. Мужчина подтянутый и спортивный, идеально сложенный, и мне приходится сделать глубокий вдох, чтобы вспомнить о том, что я смотрю на его грудь вовсе не ради того, чтобы восхищаться ею.

Когда я прихожу в себя, то прокашливаюсь и с трудом сглатываю.

— Итак, нож вошел...

Он слегка приподнимает руку, демонстрируя розовую, припухшую рану чуть выше сгиба рядом с подмышкой.

— Вот.

— Хм, — надеваю перчатки, подходя ближе.

— Как я и говорил, ничего серьезного, — поясняет он, пока я осторожно изучаю область вокруг раны шириной в дюйм, а мои представления о нем, как о высоком, невероятно сексуальном божестве отходят на второй план, стоило мне только перейти в режим осмотра. — Нож прошел под кожу. Возможно, задел мышечную ткань, но это не серьезно.

— Здесь болит? — надавливаю с другой стороны. Рана горячее и краснее, чем ожидалось.

— Немного, но терпимо, — хмыкает он.

— Но боль сильнее, чем вчера? — прощупываю кожу, заметив уплотнение, когда возвращаюсь к раненой плоти.

— Возможно, — он выдыхает, и мои волосы слегка шевелятся от его дыхания. — Когда

ты надавливаешь там, возникают неприятные ощущения.

— Потому что началось заражение. Могу с точностью утверждать это, даже не удосужившись измерить тебе температуру, — я хмурюсь, потянувшись за бутылочкой спирта и бинтом. — Я промою рану и наложу повязку, но тебе нужно пропить курс антибиотиков, чтобы легкое заражение не переросло в нечто большее. Тебе стоит обратиться к терапевту, чтобы...

— Я не пойду к врачу, — Джейк напрягает грудные мышцы, демонстрируя, что боль сильнее, чем он показывает, когда я прикладываю к ране тампон, смоченный спиртом. — Закон обязывает их сообщать обо всех ножевых и огнестрельных ранах в полицию.

Я тяжело вздыхаю, поздравив себя с тем, что добилась тщательного осмотра. Не знаю, что за проблемы у него с копами, но намерена выяснить это до того, как мы перейдем к более близким отношениям.

— Лишь в случае нападения. Разве ты не мог сказать врачу, что сам поранился, когда готовил ужин или что-то в этом роде?

Он приподнял бровь.

— Упал на нож и всадил его себе подмышку?

— Случаются и более странные вещи, — я заменяю проспиртованный тампон сухой марлевой повязкой и тянусь за бинтом. — Слышал бы ты, какие истории мне рассказывали друзья-врачи. Люди попадают в более изощренные проблемы, нежели животные.

— Уверен, так и есть, но мне не нужен врач. И антибиотики тоже, — он задирает подбородок. — Я в порядке. Мое тело само справится с инфекцией.

— А что если нет, упрямый козел? — я поднимаю на него взгляд, и с моих губ срывается разочарованный вздох, когда его лицо оказывается всего в паре дюймов от моего.

Я вдыхаю, но слова снова застревают в горле, когда сосредотачиваюсь на жаре его губ и запахе одеколona, исходящего от сильного в расцвете сил мужчины, нависшего надо мной. От него исходит райский аромат, так что все, чего мне хочется, это склониться к нему, прижаться носом к его обнаженной коже и впитать исходящий от него аромат, проникающий, словно ток, вглубь моей души.

И после того, как мои легкие наполнятся его ароматом, я запечатлела бы поцелуй в центре его груди, прямо над сердцем. Поцеловала бы, высунув язык, чтобы попробовать его на вкус, прикусила бы плоский, светло-коричневый сосок, а затем другой. Склонила бы голову и...

— У меня есть препарат для рыб, — слова походят на сдавленное кваканье, пока я борюсь с жаром, обжигающим мое тело.

Предполагаю, что этот мужчина скрывает мрачную, возможно, преступную тайну о своем прошлом, но даже если это не так, вождельть его все еще опасно. Забудем, что он мой клиент. Фальконе самый величайший бабник. За прошедший год он встречался как минимум с шестью знаменитостями из «списка А». Одна из них даже посвятила ему песню — «Ледяное сердце Дракона», которая рисовала Джейка бесчувственным и ветреным.

Я стану такой же глупой, как пробка, если позволю похоти разгореться внутри меня. Мне нужно потушить пламя, вернуться в игру и вспомнить, что единственный человек, которому могу доверять — я сама.

— Лекарство для рыб, — эхом повторяет он, не сводя взгляда с моих губ и заставляя меня думать, что я не единственная, у кого внизу разгорается пожар.

Дерьмо. Мне нужно успокоить нас обоих. Сейчас же. Пока мы не сделали то, о чем

потом будем сожалеть.

— Препарат для рыб. Антибиотики, — заикаюсь, когда его губы почти касаются моих. Дыхание учащается. — Большинство людей понятия не имеют, что антибиотики, которые применяют на животных, производят на тех же фабриках, что и лекарства для людей. Тот же состав, тот же дизайн и цвет. Отличие лишь в том, что тебе не требуется рецепт, чтобы купить медикаменты для животных.

Он кладет свою руку на столешницу так близко к моей, что наши пальцы соприкасаются, и электрический разряд проходит от самых кончиков пальцев.

— Значит, хочешь напичкать меня антибиотиками для рыб?

— Нет, я не хочу напичкать тебя рыбными лекарствами, — я отступаю, надеясь, что это поможет успокоить, мое бешено колотящееся, сердце, — но раз ты отказываешься пойти к врачу, мне не остается ничего другого, кроме как дать тебе антибиотики для рыб и рассказать о том, как их использовать. Хотя, если честно, мне бы не хотелось заходить так далеко. Я сама принимала препараты для животных, но мне легче экспериментировать на собственном здоровье, чем на твоём.

— Как мило, — он подходит ближе, опаливая мое тело своим жаром. — И ты тоже милая.

— Вовсе нет. Я дура, — фыркаю я. — Не стоило уступать твоему упрямству.

— Ты слишком далека от дуручки, — он протягивает руку и отводит мои волосы назад с такой нежностью, что даже мои кости превращаются в желе. — Несправедливо, что ты, такая милая и прекрасная, оказалась еще и гениальным доктором.

— Я не гениальна, — наклоняю голову на бок, загипнотизированная жаром в его взгляде. — Бесхребетный, бесцеремонный ветеринар, которому следовало заставить тебя обратиться в отделение неотложной помощи.

— Вы не можете ни к чему меня принуждать, мисс Уиллоуби, — он пропустил мои волосы сквозь пальцы, посылая дрожь по моему обмякшему телу. — Я не обездвиженный предмет.

— Но у меня есть непреодолимая сила, — бормочу на автомате, хотя это самая банальная ложь. Прямо сейчас меня загнали в угол, и я стою, боясь вздохнуть, ожидая, каким будет его следующий шаг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шэйн

Джейк улыбается. Его улыбка, сексуальная и таинственная, заставляет меня таять.

— Хотя ты это и говоришь, Шэйн, но мое чутье подсказывает, что это не так.

Я делаю глубокий вдох, потрясенная тем, насколько сексуально он произносит мое имя.

— Чутье подсказывает мне, что ты ищешь повод остановиться, — продолжает он. Его губы так близко, что я могу поцеловать его. — Повод время от времени притормаживать и выбрасывать мусор из своей милой головки.

— Ты меня не знаешь, — шепчу я, заставляя себя отступить, но ноги не хотят меня слушаться. — Мне все это не нравится.

— Друзья никогда не говорили, что ты слишком много думаешь?

— Нет. Я сперва говорю, а потом думаю, когда бывают слишком поздно. Обычно мне не удается сказать то, что необходимо.

— Мне стоит чувствовать себя особенным? — он проводит рукой по моим ребрам сквозь свитер, заставляя мои соски затвердеть. — Или оскорбленным?

— Не знаю.

С трудом дышу, положив руки ему на грудь, наслаждаясь ощущением его обнаженной кожи под моими пальцами больше, чем следовало бы.

Мне настолько сильно это нравится, что я едва не погружаюсь в сексуальную поволоку, но не могу позволить этому произойти. Ни сейчас, ни когда-либо еще. Джейк вне досягаемости по многим причинам. Немаловажно то, что он влияет на меня так, как влиял лишь один мужчина. Лжец, который ушел от меня, вырвав мне сердце, а затем и сам заболел. Настолько серьезно, что у меня не было сил злиться на него.

Вспоминаю день, когда Уэсли признался, что придется отложить нашу свадьбу до тех пор, пока он не пройдет несколько курсов терапии, чтобы справиться с наркотической зависимостью. Вполне достаточно, чтобы упереться в грудь Джейка ладонями и отстраниться.

— Тебе нужно отправиться домой и отдохнуть, — говорю я, схватив выпуск журнала по йоге и держа его между нами, словно щит. — Я рекомендую тебе пойти домой, дам с собой лекарства и напишу инструкцию по дозировке. Рекомендую тебе принять таблетку перед едой, а затем прилечь на диване с журналом. Прочти статью про упражнения для бедер. Прекрасный материал.

— Считаешь, что мне стоит поработать над бедрами? — поинтересовался он с дразнящей ноткой в голосе, от чего мои щеки запылали.

— Время от времени всем следует тренировать свои бедра, — спокойно говорю я, не пытаюсь флиртовать с ним.

— А что насчет остального? — Джейк смотрит на журнал, но не пытается забрать его у меня. — Думаю, нам следовало бы изучить анкету вместе, лучше узнать друг друга, чтобы притворяться влюбленными.

— Да. Так и поступим, — киваю я увереннее, чем чувствую себя. — Можем начать сегодня вечером в СМСках, если у тебя достаточно сил, но отдых тоже важен.

— Мне не нужен отдых. Я прекрасно себя чувствую.

— Тебе необходимо сбить температуру, ведь организм борется с заражением.

— А еще у меня есть бывшая, которая сводит с ума прессу, а времени взять ситуацию под контроль не так много, — говорит он, приближаясь. — Я готов приступить к работе.

— Отдых, лекарства, обильное питье — вот приказ врача, — я протягиваю журнал, прижав его к груди Джейка, сохраняя дистанцию. — Узнать друг друга и продумать план о том, как избавиться от Кери, можем завтра.

Джейк вздыхает, затем, наконец, протягивает руку и забирает журнал.

— Верно, но я напишу тебе позже. Прежде чем мы начнем, хочу обсудить с тобой некоторые вещи.

— Звучит неплохо.

Меня подмывает попросить его прямо сейчас рассказать все, но не могу подвергаться такому риску и находиться вместе с ним еще дольше. Мне нужно держаться от него на расстоянии, обдумать будущее, прежде чем вновь подвергнусь его животному притяжению.

Приношу ему бутылку «Фиш Флекса», быстро пишу дозировку и инструкцию по применению и провожаю Джейка до двери. Тяну за дверную ручку, задерживая дыхание и склоняясь, чтобы вновь не попасть под власть его крышесносного аромата. В этот момент он внезапно обнимает меня за талию.

Секунду спустя меня разворачивают и прижимают к двери, а лицо Джейка Фальконе оказывается напротив моего.

— Надеюсь, ты не возражаешь, — тихо говорит он. — Думаю, нам следует попрактиковаться в поцелуях. Если у нас возникнут с этим проблемы, рано или поздно нас раскроют.

И прежде чем отвечаю, накрывает мои губы своими, заглушая все окружающие звуки. Какая-то маленькая часть меня протестовала, стараясь сохранить благоразумие, но оставшаяся часть была слишком занята ответом.

Я вся горю. Сложно в данном случае сохранить хладнокровие.

Обнимаю Джейка за плечи, а он притягивает меня к себе так близко, что я ощущаю каждый мускул его фантастического тела, крепко прижатого к моему. Моя кожа пылает так, что ощущаю себя в лихорадке. Он проникает языком между моими губами, обхватывает меня за задницу, а я отвечаю ему. Наш поцелуй — это самая эротичная вещь, что происходит со мной за последние годы.

Мы целуемся до тех пор, пока я не превращаюсь в лаву, а мой разум — в кашу. Все, о чем могу думать, это губы Джейка, его язык, его большие руки, пульс, бьющийся где-то внизу живота. Хочется молить его о том, чтобы он применил все свои прекрасные части.

К тому моменту, когда мужчина отстраняется, у меня кружится голова, перехватывает дыхание, и я уже готова полностью раздеться и затащить его в свою спальню.

Или утянуть на пол, прямо здесь у входа.

Кому вообще нужна постель? Явно не мне. В данный момент не нужна постель, милые разговоры или ответы на неловкие вопросы. Мне нужен Джейк. Обнаженный, твердый и готовый к тому, чтобы я проскакала на нем, словно Фаворит на финишной прямой.

Плохо, Шэйн! Плохо!

Никто ни на ком не станет скакать, словно Фаворит или любая другая беговая лошадь. Возьми себя в руки, Уиллоуби!

— Ну, тогда, — шепчу я слишком возбужденная поцелую Джейка, чтобы воспринимать всерьез внутренний голос. — Полагаю, ты прекрасно справился.

— Ты тоже неплохо справилась, — его голос хриплый и низкий вновь посылает видения скаковых лошадей в мою голову. — Думаю, мы хорошо сработаемся.

— Превосходно, — эхом отозвалась я, счастливо вздохнув.

Мужчина усмехается, чем напрочь разрушает мою волю.

— Позже напишу тебе, док. Спасибо за все.

— Обращайся, — бормочу в ответ, как-то умудрившись отодвинуться и пропустить его к двери.

Я стою до тех пор, пока не слышу звук опускающегося лифта. Лишь когда убеждаюсь в том, что он ушел, сажусь на пол, прикрыв глаза и уткнувшись лбом в колени, задаваясь вопросом о том, во что я, черт возьми, ввязалась.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СМС-переписка Эделин «Эдди» Клейн и Шэйн Уиллоуби

Эдди: Как все прошло? Ты в порядке?

Шэйн: Я в порядке.

Эдди: Просто в порядке?

И это все?

Мне нужны детали, женщина! Встреча была продуктивная? Разговор легко дался? Думаешь, сможешь помочь ему?

Шэйн: Я подписала договор о неразглашении, Эдди. А значит, по закону не могу раскрыть детали, но да, думаю, смогу помочь ему.

По крайней мере, постараюсь.

Эдди: Это потрясающе! Он ведь милый? Как считаешь? Теперь, встретившись с ним и разглядев человека под маской дракона...

Шэйн: Милый — не то слово.

Да, встреча с ним изменила мое мнение о некоторых вещах.

Эдди: Например, то, насколько он горяч?

И то, как ты не можешь дождаться, когда приступишь к работе, потому что в твою работу БУДУТ входить поцелуи с ним. Ты счастлива, курица?;

Шэйн: О, перестань! Не глупи.

Эдди: Хотелось бы мне получить работу, частью которой были бы поцелуи с сексуальными хоккеистами.

Я та-а-ак зави-и-идую.

Шэйн: Не стоит. Работа предстоит сложная.

Эдди: И предстоит проявить твердость. Держу пари, у него и пресс столь же твердый, как камень.

Тебе удалось его потрогать?

Шэйн: Аделина!

Я не могу ничего рассказать, а даже если смогла бы поцеловать, не рассказала.

Эдди: О, МОЙ БОГ! Ты уже с ним поцеловалась?!!

Твои губы коснулись самого Джейка «Дракона» Фальконе!

Ты везучая шлюшка! Это было невероятно здорово?

РАССКАЖИ МНЕ-Е-Е!

Шэйн: Кто ты и что сотворила с моей милой, благовоспитанной подругой, которая за всю свою жизнь никого никогда не назвала шлюхой?

Эдди: Прости!

Я выпила слишком много кофе. Вероятно, придется принять «ксанакс», чтобы успокоиться.

Ты ни капельки не шлюха. Я просто пошутила.

Шэйн: Я знаю это, Эдди. И тоже шучу;)

Эдди: О, ладно!

Что ж, я рада, что все хорошо. Даже если ты хранишь в тайне все самое интересное.

Шэйн: Я тоже рада, что все хорошо.

И Эдди...

Эдди: Да?

Шэйн: Все, что я могу тебе сказать, так это то, что этот мужчина — настоящая гора мышц.

Эдди: О, МОЙ БОГ, Я ТАК И ЗНАЛА!! *победный смайл*

Шэйн: Очень смешно. Я пойду, Баш пишет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Из переписки Шэйн Уиллоуби и Себастьяна «Баша» Принца

Баш: Полагаю, ты прослушала мое голосовое сообщение, Неприятность?

Шэйн: Да, и я согласна с тобой. Если будет применено еще раз насилие, заставлю Джейка обратиться в полицию. Обещаю.

Баш: Хорошо.

И в следующий раз, когда я звоню, отвечай. Мне не нравится оставлять волнительные голосовые сообщения.

Чувствую себя из-за этого стариком.

Шэйн: Ну, ты же стареешь. В следующем месяце уже тридцать три исполнится, верно?

Баш: Бл*ть, не напоминай.

И скажи Пенни, чтобы не планировала никакой праздничной вечеринки. Я нашел у себя седой волос, а это совсем не то, что мне хотелось бы отпраздновать.

Если стану отмечать подобное дерьмо, которое устраивает мое тело, то на следующий год облысею. Или зрение испортится. Или метаболизм ухудшится, желчный пузырь станет слабым и мне придется довольствоваться шербетом вместо мороженого.

И если такое произойдет, я умру, Шэйн.

Умру.

Шэйн: Понятно. Прямо сейчас сделаю заметку...

Сказать Пенни, что у Баша мелодраматическое состояние и ему необходима вечеринка с мороженым. И никакого шербета.

Баш: Идеально.

И держи меня в курсе, хорошо? Я хочу узнавать обо всем первым, поскольку ты впервые проходишь через это.

Шэйн: Поняла, босс.

Кстати, Джейк только что написал. Мы собираемся поработать над анкетой.

Баш: Превосходно. Хорошая работа. И спасибо еще раз за то, что согласилась.

Могу с уверенностью сказать, что ты великолепно справляешься.

Шэйн: смайлик *скрещенные пальцы*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Из переписки Шэйн Уиллоуби и Джейка «Дракона» Фальконе

Джейк: Привет. Это я.

Полагаю, мы могли бы ответить на некоторые вопросы. Ты занята?

Шэйн: Не-а. Я — Шэйн Франческа Уиллоуби. Тридцать два года. Скорпион.

Джейк: Джейк Энтони Тобиас Фальконе. Тридцать лет. Телец.

Полагаю, мне стоит уважительнее относиться к тебе.

Шэйн: Потому что я старше?

Джейк: Потому что ты скорпион. Мама составляла гороскопы для местной газеты и всегда говорила, что не стоит переходить дорогу скорпионам.

Шэйн: Верно, Фальконе, не переходи мне дорогу. И не важно, как сильно твоя упрямая бычья голова этого захочет.

Джейк: Быки также склонны к дружелюбию и терпеливости.

Шэйн: Постараюсь вспомнить об этом, когда ты проявишь дружелюбие или терпение.

Джейк: Ой, но, полагаю, после того, как я вел себя сегодня, это заслуженно.

Шэйн: Ты хорошо себя вел. Я просто пошутила.

Перейдем ко второму вопросу: у тебя есть аллергия на что-нибудь?

Джейк: Не-а.

Шэйн: Хорошо. А у меня аллергия на мохнатых гусениц. Если я их вдохну.

Джейк: Очередная шутка?

Шэйн: Неудачная, лол. Прости.

Но с долей правды.

Если вдохнуть волоски гусениц, то можно получить анафилактический шок, если ты чувствителен к токсину. А я чувствительна.

Джейк: И что это за дикость? Как ты узнала о том, что у тебя аллергия?

Шэйн: Мы отдыхали на природе с родителями в детстве. Наблюдали за древесными гусеницами, ползущими по коре, и внезапно у меня стало распухать лицо. Мой отец был аллергиком и носил с собой препарат «ЭпиПен». Если бы не он, шансов выжить у меня до того, как попаду в поликлинику, не осталось бы.

Джейк: Значит, ты постоянно носишь ингалятор с собой?

Мне стоит научиться обращаться с ним? На всякий случай.

Шэйн: Да, я все время таскаю его с собой, но тебе не стоит учиться обращаться с ним. В Нью-Йорке не так уж много древесных гусениц. Аллергической реакции не было у меня с того самого дня.

Но это довольно мило с твоей стороны.

Джейк: Дружелюбный, задумчивый и терпеливый. Типичный телец.

А еще надежный и стабильный.

Знаю, что прежде упустил пару важных вещей.

Шэйн: Еще и скромный.

Джейк: Я стараюсь.

Люди, которые во время кашля не прикрывают рот.

Шэйн: Что, прости?

Джейк: Номер три. Раздражающие факторы. Не могу оставаться спокойным, когда люди не прикрывают во время кашля рты. Ублюдки, что стоят перед дверями в метро, вместо того, чтобы сесть в транспорт, тоже возглавляют мой список.

Шэйн: Бог мой! Терпеть не могу таких людей. Они слишком раздражают.

Также, как люди, которые выбрасывают мусор на улице, когда за углом стоит чёртова мусорка.

Джейк: Да! Черт, ленивые ублюдки.

Мы вовсе не хотим жить в твоей мусорной корзине, ублюдок.

Шэйн: Верно! А еще люди, которые не убирают за своими собаками!

Ахгр! Что с ними не так?

Джейк: Именно! Каким же жалким человечешкой нужно быть, чтобы оставить на дороге еще парящую кучу дерьма, чтобы кто-то наступил в нее?

Шэйн: Вонючая кучка тупых людей.

Гигантская живая какашка, как смайлик, но без улыбающегося лица.

И не начинай даже говорить о тех, кто отказывается перерабатывать отходы. Возможно, их не волнует, какая планета достанется их внукам, но остальным хотелось бы оставить следующему поколению не раскаленный дворец с отходами, зараженный мором и чумой, а нечто лучшее.

Джейк: Да!

Да, все так.

Ты мне нравишься...

Шэйн: Тебя привлекает то, как меня раздражают другие люди?

Джейк: Да. Люди — это самое худшее. Я стараюсь избегать их по возможности.

Шэйн: Да, я слышала...

Полагаю, поэтому я не могу найти ни одного фото тебя на свидании, где ты не выглядел бы сердитым и раздраженным?

Джейк: Папарацци мне тоже не нравятся.

Или те, кто хотят сделать мое фото, не предупредив об этом хотя бы за неделю.

Шэйн: Понятно. Но ты постоянно хмуришься, приятель. Даже в момент, когда вроде и не подозреваешь о том, что тебя снимают.

Джейк: Мне нравится сохранять лицо. Остальное приберегаю до момента, когда останусь с партнершей один на один.

Шэйн: Удивительно, что они согласны оставаться с тобой наедине, если ты не можешь даже улыбнуться пока не останешься за закрытыми дверями.

Маньяк-убийца «Дракон».

Джейк: Нет, маньяки-убийцы хороши с виду, а уже после раскрывают свое безумство. Как кефаль.

Шэйн: Лол.

Джейк: Кроме того, я не веду себя с женщинами, как клоун. Просто не часто улыбаюсь.

Шэйн: Позорище. У тебя красивая улыбка.

Джейк: Ну... Спасибо.

В последнее время я мало улыбался. До сегодняшнего дня.

Было здорово.

Шэйн: Ты милый, но не заинтересовал бы меня, если бы хоть немного не улыбался. И не вел себя, как придурок. Я поражаюсь, что ты пользуешься таким успехом у женщин.

Видимо, я недооцениваю привлекательность профессионального хоккеиста.

Джейк: В этом есть польза. Не стану лгать.

Но мне нравится считать, что я привлекаю их не только этим.

Еще я хорошо целуюсь, например...

Шэйн: Я серьезно, Фальконе. Не старайся сменить тему.

Нам необходимо избавиться от мрачной и заставляющей задуматься штуки.

Мы же хотим убедить Кери, что я — та самая женщина, что смогла разрушить твои грубые, прочные драконьи чешуйки, добраться до монстра, что скрывается внутри, но ничего не выйдет, если ты будешь выглядеть, словно у тебя запор, и хмуриться, когда мы вместе.

Джейк: Нет ничего сексуальнее запора.

Шэйн: Для этого процесса сексуальность не требуется.

Джейк: Очень жаль.

Ты все еще носишь тот пушистый свитер?

Шэйн: Нет...

Зачем?

Джейк: Я, вероятно, мог бы улыбаться чаще, если бы ты носила этот свитер каждый раз, когда мы будем вместе. Он был чертовски мягкий.

Хочется прикоснуться к нему вечно.

Шэйн: Ну... хорошо.

У меня есть похожий светло-голубого цвета. Надену его завтра.

Возможно, это поможет тебе выбраться из защитной оболочки.

Но на случай, если мы попадем в беду, я взяла на себя смелость сделать нашу публичную часть операции лишь наполовину достоянием общественности. И в толпе будут присутствовать люди, которых я хорошо знаю и могу доверять.

Если нам не удастся разыграть безумную любовь с первой попытки, не хотелось бы, чтобы папарацци наделали фото наших попыток.

Джейк: Удачи с этим. Ублюдки сейчас повсюду.

Но я не волнуюсь о провале. Думаю, мы справимся.

В худшем случае, я мог бы постоянно тебя целовать.

Кажется, это нам хорошо удастся.

Шэйн: Не думаю, что нам стоит два часа к ряду целоваться. Мы же разыгрываем влюбленность, а не похотливых подростков, сосущихся в парке.

Джейк: Ужасное сравнение, Уиллоуби. Вернемся к разговору о запорах...

Шэйн: Ха-ха.

Если серьезно, у меня есть для нас безопасное место.

Хороший друг из Метрополитен-музей задолжал мне. Встретимся на крыше завтра в шесть вечера. Принеси свои бумаги, и мы сможем пройтись по остальным вопросам лично. Переписка — это хорошо, но я устала. Отношусь к тем, кто встает в пять утра, а после десяти выдыхаются.

Джейк: Я, знаешь ли, тоже не отношусь к совам.

Готов отпустить тебя, но сперва обсудим восьмой пункт.

Шэйн: Фобии? Да, давай.

Мне это явно будет полезно знать.

Джейк: У меня нет настоящих фобий, но я очень скрытная личность. Не потому что у меня есть какие-то скрытые тайны, а из-за своей семьи.

В детстве все мои соседи что-то говорили о Фальконе — мерзкие истории, которые не несли в себе и крупинцы правды, но причиняли боль близким людям.

Хотя теперь это не так.

Сейчас люди относятся к маме и братьям с уважением. Я не хочу, чтобы мои действия повлияли на это. Поэтому, чтобы мы не делали на публике, хочу быть уверенным в том, что дорогих мне людей не оскорбит мое поведение.

Шэйн: Конечно. Все будет здорово. Обещаю.

Но то, что ты сказал, заставляет задуматься...

Джейк: Задуматься о чем?

Шэйн: Как такой милый мужчина получил прозвище «Дракон»?

Джейк: Потому что я зажигаю на льду, детка.

Шэйн: *огонь*, *снег* Конечно. Я могла бы догадаться.

Джейк: И я совсем не милый, Шэйн.

Когда это касается того, что мне принадлежит, я беспощаден. И готов на все, чтобы убрать из моей жизни Кери, а также убрать заголовки о том скандале.

И мне вовсе не хочется, чтобы ты тянула время. Ладно?

Шэйн: Ладно.

Доброй ночи, дракон.

Джейк: Доброй ночи, котенок. (Так вот из чего был сделан тот свитер. Из котят?)

Шэйн: Из альпаки.

Джейк: Всего хорошего.

Шэйн: *улыбающийся смайлик* Увидимся завтра. Ровно в шесть.

Джейк: Заметано.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Джейк

До того, как встретил Шэйн Франческу Уиллоуби, я не был уверен, что свяжусь с женщиной по прозвищу «чудесная неприятность», чтобы исправить чертову любовную судьбу.

Звучит как неудачный комикс про супергероя. Один из тех пятицентовых, плохо прорисованных, которые я проглатывал, будучи ребенком, потому что мы не могли позволить себе постоянно смотреть кабельное. Скучная рисовка. И даже мой младший брат Джастис, добродушный и отзывчивый, назвал бы это мусором. Он порвал бы «Приключения чудесной неприятности» и использовал бы страницы для того, чтобы завернуть рождественский подарок или поджечь мусорную корзину на заднем дворе. Джастис был добрым и отзывчивым, но еще и пироманом, который дважды едва не спалил наш дом, пока рос.

«Чудесная неприятность» звучало словно шутка, и я боялся, что Шэйн не понимает, насколько серьезно я отношусь к тому, чтобы скрыть фальшивость наших отношений. Меня беспокоило, что ее впечатлит моя известность и карьера, или она поведет себя как одна из тех женщин, которые хорошо выглядят, но у них всего три функционирующих мозговых клетки. Кери слишком умна, чтобы поверить, будто смазливая глупышка, которая больше интересуется моей карьерой, нежели тем, кем являюсь я сам, заинтересовала меня.

В принципе, у меня были оговорки с большой буквы «О», и я при первом же сигнале мог отказаться от услуг этой фирмы по вмешательству в романтические отношения, если вдруг она окажется совсем не такой великолепной, как уверял помощник тренера лучшего друга жены моего двоюродного брата.

Но из всех проблем, с которыми мне прежде пришлось столкнуться, никогда не возникало сложностей, чтобы держаться подальше от женщины, играющей мою любимую. Никогда и представить себе не мог, что от ее запаха мне до боли захочется попробовать и вкус, а от того, как она облизывает губы, невозможно думать ни о чем, кроме бессмысленных поцелуев.

И если кто-нибудь пару дней назад сказал бы мне, что я выйду из квартиры Шэйн с огромным стояком, мечтая трахнуть ее прямо у дверей, я бы назвал его грязным лжецом.

Но это было до того, как ее губы коснулись моих, руки обняли меня, а ее прекрасная задница... Я обвел букву «С», хотя готов был написать целую поэму о заднице Шэйн Уиллоуби. Ее мягкая грудь, чувственный рот, из-за которых я не мог сдержаться. Сложно было не провести рукой по брюкам Шэйн, чтобы проверить, влажная ли она. Мне до смерти хотелось почувствовать ее гладкую, нежную кожу вокруг своих пальцев, зайти дальше обычного поцелуя.

Вместо этого я взял себя в руки и вышел из ее квартиры до того, как выставил себя еще большим идиотом, чем прежде.

Безумство...

Я не думал, что смогу чувствовать такую потребность. Полагал, что перерос всепоглощающее желание, как и любовь к американским горкам и выпивке на работе, за сараем с инструментами. В семнадцать лет я был полным идиотом. Ребенком, который

постоянно меняет желания.

Я опускался на самое дно, много пил, тратил деньги на абонемент в парк «Кеннивуд», чтобы покататься на аттракционе «Месть призрака» сотню раз за лето и перетрахал половину старшекласниц. Мне было неважно, красива эта девушка или нет, опытная или невинная, желающая переспать со мной со скуки или потому что до нее дошли слухи о том, что у меня большой член. Каждый раз, оказавшись в такой девушке, я забывал обо всем. Она становилась для меня той, о ком я думал и кого желал. Она становилась смыслом жить и умереть, по крайней мере, до тех пор, пока мы не кончали, но затем отстранялись друг от друга и становились всего-навсего незнакомцами.

Моей истинной любовью был хоккей, а киски — всего лишь зависимость.

Но, в конце концов, это прошло. Не поймите меня неправильно, секс все еще важен для меня и является одной из главных вещей в моем списке, ради которых стоит просыпаться по утрам, или в любое другое время, но теперь я могу бороться с желанием. Я взрослый, вполне могу сказать «нет, спасибо» на предложение о ночи, когда у меня есть другие дела, или мне известно, что женщина захочет попросить о большем. Я взрослый мужчина и владею своим членом. По крайней мере, до тех пор, пока одна блондинка не коснулась моего языка своим и не заставила почувствовать себя семнадцатилетним юнцом.

И это настоящий скандал? Женщина столь же сексуальная, как и интригующая, и забавная.

Нет, Шэйн Уиллоуби совсем не такая, как я опасался.

Она еще хуже. Стрела, что проникает сквозь мою броню, выбрав целью сердце.

Как только мы расстались прошлой ночью, я отправился в постель, ломая голову над тем, какие чары она на меня наложила. Полночи я провел в мыслях о том, как убедить ее, что если мы потрахаемся, это не будет противоречить политике ее компании. Если мы оба согласимся на работу и будем играть по отдельности. А другую половину ночи мне снилась она. Обнаженная, скачущая на мне, пока мы оба не достигли оргазма и не унеслись к звездам.

И когда я смотрю на нее сегодня, стоящую на закате, в своем облегающем золотом платье, на крыше в центре города, она выглядит настолько красивой, что дыхание перехватывает, очень хочется притянуть ее в свои объятия и целовать до потери пульса.

Все, что требуется мне для оправдания — желание, которое я не могу контролировать.

Но это и хороший довод, что наша работа окажется успешной.

Я хочу Шэйн. Хочу до боли. Хочу так сильно, что едва замечаю официантов и официанток в белых рубашках и фартуках, разносящих шипящее шампанское на подносах. Не замечаю хорошо одетых людей, наслаждающихся статуями и видом. Меня не волнует, что кто-то может нас увидеть. Этого не случалось с тех пор, как я вырвался с юношеской лиги, ощущая себя муравьем под увеличительным стеклом.

С первого же матча за «Рэйнджерс» мне приходилось следить за своими действиями, словами, выражением лица, когда рядом сновали камеры. Людям нравятся истории о прославившихся неудачниках, но также им нравится испытывать ненависть к ним. На каждого человека, кто радовался моим успехам, найдется тот, кто посчитает меня удачливым сукиным сыном, который не заслужил места в команде NHL.

И эти люди возмущенно кричат на каждом углу из-за того, какой я быстрый, точный и аккуратный.

Кажется, они находятся в поиске любого предлога, чтобы возненавидеть меня, но я не

даю им его. Справедливый, но жестокий, щедрый, но бескомпромиссный, я стараюсь избегать любого скандала вокруг моего имени. Фото со мной скучные до безобразия, поэтому оскорбления скатывались по спине. И мне удавалось сохранять в тайне все свои романтические отношения.

До сегодняшнего дня.

Теперь мое будущее висит на волоске, и все зависит от того, смогу ли убедить психически неуравновешенную особу в том, что я для нее не очень хороший объект вожделения.

Но в миг, когда встречаюсь с Шэйн взглядом, беспокойство исчезает, и все, о чем я могу думать, это то, как сильно я хочу женщину, которая обещала мне помочь, нарушила несколько законов, чтобы залатать мне руку, и выглядит так, словно знает обо всех злобных помыслах, что проносятся в моей голове.

Возможно, так и есть.

И может у нее есть собственные порочные мысли...

Я чувствую ее прожигающий взгляд, когда она начинает изучающе рассматривать мои начищенные туфли, облегающий черный костюм, явно довольная тем, что видит.

— Неплохо, неплохо...

Шэйн кивнула, когда я остановился перед ней достаточно близко, чтобы уловить цветочный аромат ее парфюма, ощутить тепло от лампы позади нее, согревающее прохладный осенний воздух.

— Не стал прихорашиваться?

— А ты снова выглядишь потрясающе, — я посмотрел вниз, оценивая, как свет проникает сквозь платье, подчеркивая изгибы тела, но быстро отвожу взгляд. Сосредотачиваться на формах плохая идея. — От этого платья у ребят постарше сердечный приступ будет, но кажется, что мне был обещан свитер из котят. Где он, Уиллоуби?

Она улыбнулась, и мое сердце ударилось о ребра.

Черт возьми, она прекрасна.

В миг, когда я увидел фото в ее портфолио, понял, что красота Шейн натуральна и заставит Кери ревновать, но фото не передавали ее истинной сущности. Не передавали ее доброту, ее уверенность, то, как ее улыбка заставляла вас чувствовать себя частью ее круга. Она притягивала к себе. Человек, с которым хочется быть ближе.

— Это шерсть альпака, — когда я выгибаю бровь, она продолжает, — с виду похожа на ламу, но не она. Меньше, милее, не станет плевать в тебя.

Я улыбаюсь.

— Кажется, я слышал.

— Позже пришлю тебе несколько фото. А насчет платья... — она жестом указала на свою одежду. — Прости, что не сдержала слово, но способа сделать свитер полуофициальным не нашла, а Мари придиричива к дресс-коду на подобных мероприятиях.

— Что за мероприятие?

Я оглядываюсь через плечо, рассматривая хорошо одетых людей, большинство из которых пожилые, медленно блуждающие между статуй, украшающих террасу на крыше. Они походили на людей, больше интересующихся оперой, чем хоккеем, что успокаивало меня еще больше.

— Вроде как открытие выставки таинственных скульптур, — тихо произнесла Шэйн, прикрыв рот бокалом шампанского, — но на самом деле моя подруга Мария вытащила эти

скульптуры из подвала, простоявшие там более десяти лет, и решила организовать сбор средств. Это прикрытие для нас, чтобы мы смогли попрактиковаться на публике, которую не волнует хоккей или таблоидные скандалы.

Я удивленно приподнимаю брови, когда маленькое скопление официантов, обильные подносы с вином и буфет на дальнем конце крыши приобретают новое значение.

— Она сделала все это для нас?

Шэйн пожала обнаженным плечом.

— И чтобы собрать деньги на поездку в Грецию. Но да. Больше всего из-за нас. Я же говорила тебе, что она мне задолжала.

— И что же ты сделала? Отдала ей почку?

Шэйн рассмеялась.

— Нет. Я принимала роды у кошки Синди Кроуфорд.

— Синди Кроуфорд... Кошка супермодели?

Она серьезно кивает, но в глазах появляются искорки.

— Ты слышал о ней?

— А кто не слышал? — говорю я с серьезным видом. — Мне нравится ее работа. В прежние дни у меня в комнате висели постеры с ней.

— Безусловно! Она великолепна, — Шэйн усмехается, явно довольная тем, что я ей подыгрываю. — Так что можешь себе представить, как благодарна была Мария, что я помогла Синди пережить роды. Мария привыкла собирать десятицентовые вещи. Она одна из лучших организаторов, кто планирует небольшие мероприятия в городе. Я пользуюсь ее услугами, когда устраиваю благотворительные вечеринки для своей семьи.

— Семейный фонд Уиллоуби, верно? — спрашиваю я, радуясь тому, что прошлой ночью выделил немного времени для домашней работы. — Финансирует медицинские исследования и программы для брошенных детей?

Она выгибает бровь.

— Проверял меня?

— Немного, — признал я, засунув руки в карманы. — Достаточно, чтобы почувствовать себя идиотом, посчитав, что ты интересуешься моими десятью тысячами, в то время как на самом деле принадлежишь к королевской семье Нью-Йорка.

— Я не знала об этом, — говорит она с застенчивой улыбкой, — но моя тетя была оскорбительно богата.

Я выгибаю губы в усмешке от неожиданного слова.

— Оскорбительно?

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Иногда я нахожу это немного оскорбительным. Управлять состоянием, распоряжаться им в благих целях стало моей полноценной работой, — она тянет руку, берет бокал с шампанским у проходящего мимо официанта и протягивает мне. — Эгоистичная часть меня испытывает желание отдать все, но для моей тети состояние имело большое значение. А детская программа имеет большое значение также и для меня. Так что продолжаю вести бескорыстную борьбу.

— Думаешь, отдать несколько миллиардов долларов — это эгоизм?

— Да, — говорит она, глядя на меня открытым взглядом. — Не пойми меня неправильно. Мне нравятся красивые вещи, но я больше люблю свободу. И в последнее время мне кажется, что мне ее не хватает.

Я спрашиваю ее о том, чем бы она занялась, если бы не получила наследство, но она со смехом отмахнулась.

— Сегодня речь не обо мне. Ты должен научиться вести себя, как безнадежно влюбленный человек, — она немного приблизилась. — И хотя мне ненавистно признавать это, Фальконе, но пока у тебя дерьмово получается.

Не смешно, но я улыбаюсь.

— Думаю, я справлюсь. Делаю же я тебе комплименты, поддерживаю разговор и даже не хмурюсь.

— Но ты даже не прикоснулся ко мне, — говорит она, тихим, сексуальным голосом, от которого мой член затвердел. — Как насчет приветственного поцелуя.

Ее приветственный поцелуй...

Бл*ть, как я мог упустить этот момент? Особенно после того, как хотел сделать это снова сразу, как перестал целоваться с Шэйн вчера.

Серьезная оплошность.

Я должен немедленно ее исправить.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Джейк

Я придвигаюсь ближе к сексуальной женщине, смотрящей на меня так, словно она не может дождаться, когда попробует меня на вкус. Напоминаю себе не давать волю рукам в порыве страсти.

— Если бы мы действительно встречались, — сказала она, хлопая ресницами, — ты бы ужасно соскучился. Мы двадцать шесть часов провели в разлуке.

— А кто говорит об обратном? — я обнимаю Шейн за талию, притягивая ближе к себе и едва сдерживая стон, когда ее грудь касается моей. Черт, она великолепна. — Возможно, я полночи провел в гугле, разыскивая информацию о тебе, а еще полночи старался не думать о тех ощущениях, что вызвал во мне наш поцелуй.

Она обняла меня за шею, от чего мой пульс участился.

— И почему же ты старался не думать об этом?

— Потому что если бы слишком много об этом думал, — я склоняюсь к ней, шепча, и ощущаю нежное, теплое дыхание на своих губах, когда ее дыхание участилось, — тогда я не смог бы уснуть. Пришлось бы позвонить тебе и попросить приехать и поцеловать снова. — Провожу пальцами по ее бедру. — И снова. — Член затвердел, когда я представил места, которые хотел бы поцеловать. — И снова.

Она прикусывает нижнюю губу.

— Кажется, для этого потребовалась бы вся ночь.

— Именно, — сообщаю я, прижимаясь к ее губам и желая этой ночи больше, чем следовало.

Мы должны притворяться, но стоило моему языку проникнуть в рот Шэйна и услышать стон наслаждения, я забыл, что она всего лишь наемный работник. Забыл, что ей платят за нахождение со мной, и мы никогда не встретились бы, если бы не Кери. Забыл, что нас окружает толпа представителей голубой крови, годящихся нам в бабушки и дедушки, которые не видели целующихся пар с тех самых пор, как мальчики вернулись со Второй мировой войны.

Я забываю обо всем, кроме того, как приятно ощущать ее в своих объятиях, как прекрасна она на вкус и как сильно мне хочется большего.

Мне хочется провести ладонью по платью, обхватить грудь, почувствовать, как сосок твердеет под моими пальцами, услышать стон удовольствия, перерастающий в мольбу, чтобы я прикоснулся к ней. Мне хотелось, чтобы длинная шелковая юбка поднялась до бедер и дала мне возможность просунуть ладонь между ее ног. Хотел ощутить, каким влажным и напряженным станет тело, когда она кончит, как вопьется ногтями в мои плечи, когда я опущусь между ее бедер, проведу языком по центру ее киски и впервые попробую на вкус.

Могу с уверенностью сказать, что на вкус она словно рай. Словно весенний дождь, смешанный с чистыми капельками пота, и мне не захочется останавливаться, пока она не оросит своей влагой мое лицо.

Я хотел оказаться на ней. Полностью. Мы переплетенные и страстно желающие друг друга...

— Шэйна! Как я рада тебя видеть! Особенно в такой ситуации!

Звонкий, кристально чистый голос раздался в паре сантиметров от нас, слишком близко к нашей зоне комфорта.

Мы с Шэйн отстранились друг от друга, удивленно вздрогнув.

— Бог мой, — со смехом произнесла Шэйн. — Ты меня напугала!

Я смотрю вниз на миниатюрную старушку в шляпе, с чучелом кардинала, окруженным маленькими тыковками и початками кукурузы.

Выражение ее лица говорило о том, что она знала о чем-то важном, сияющим взглядом рассматривая нас с Шэйном, словно сама стала причиной произошедшего.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Шэйн

— Привет, Швайцбурглар. Как ты, черт возьми? — я приветствую Хиллари с привычным энтузиазмом, но умираю внутри.

И паникую.

Я желала продолжить общение с Джейком вчера ночью, вместо того, чтобы притвориться уставшей. Я могла бы перестать флиртовать с ним до того, как выставить себя полной дурой.

Из всех людей, что застали нас целующимися до того, как мы смогли обсудить детали наших фиктивных отношений, Хиллари была худшей. Она очаровательная, шустрая, любопытная охотница за сплетнями, которая была лучше подружкой моей тети. В детстве Хиллари каждую субботу приходила к нам на обед. Она довольно хорошо изучила меня и могла раскусить мою ложь прежде, чем у меня появилась бы возможность даже придумать, что рассказать ей.

Мы с Джейком облажались. Если только...

Кажется, он быстро соображает на ходу. Надеюсь, мужчина последует за мной, и мы сбежим до того, как нас раскроют.

Хиллари была моей семьей. Было время, когда я могла рассказать ей правду и поклясться, что она сохранит все в тайне, но теперь ее разум ей не подвластен. Хиллари перевалило за девяносто, и она запросто могла забыть, какие лакомые кусочки стоит сохранить в тайне, а какими можно поделиться.

И она до сих пор консультирует колонку сплетен, для которой писала пятьдесят лет назад. Если она расскажет ни тем людям о том, что я работаю подставной подружкой известного хоккеиста, мы с Джейком окажемся на «шестой странице». Наша миссия окажется провальной еще до начала, а Джейку будет еще хуже, чем прежде.

Значит, у нас нет выбора, кроме как нанести удар первыми.

— Почему именно сейчас? — с усмешкой наклоняюсь к Джейку. — Я сотню раз говорила тебе, Хиллз, что не позволю написать целую книгу о моей сексуальной жизни.

Джейк поперхнулся напитком, но вовремя прикрыл рот, прежде чем шампанское выплеснулось на голову Хиллари.

— Мы друзья, а ты по возрасту годишься мне в бабушки. Это слишком странно.

— Никогда не знаешь наверняка. Все меняется, дорогая, — сказала Хиллари, поправляя седые волосы, выбивающиеся из-под ее странной шляпы. — Когда мне будет сто сорок, а тебе девяносто разница в возрасте будет не столь значительна.

— Какая же ты извращенка, — я прищелкиваю языком в притворном неодобрении. — А Мария знает о твоих пристрастиях? Полагаю, что нет, иначе не пригласила бы тебя на собрание цивилизованных людей.

— Она понятия не имеет. Шляпа сбивает людей с толку, заставляя думать о том, что я милая старушка, — Хиллари улыбнулась Джейку, явно довольная собой. — А что насчет тебя, красавчик?

— А что насчет меня, мэм? — спросил Джейк с идеальной смесью уважения и веселья в голосе. Я посмотрела на него, с облегчением заметив, что он остался вместо того, чтобы

бежать в ванную и скрыться от нашего с Хиллари сумасшествия.

— Ты безопасен? — Хиллари прищурилась. — Будешь хорошим парнем? Или втянешь нашу Шэйн в неприятности?

— Я бы не сказал, что безопасен, но знаю, когда нужно вести себя достойно, — сказал Джейк, добавив отрезвляющим тоном, — и обещаю, что доставлю Шэйн только хорошие неприятности.

— Те, что мне нравятся? — я склоняю голову на бок, заглядывая в его темные глаза.

— Те, что тебе нравятся, — отвечает он, и мне хочется, чтобы Джейк сдержал свое обещание.

Черт возьми, этот мужчина такой сексуальный. И с каждой минутой становится более привлекательным. Я никогда не представляла, что его большое, мускулистое тело обладает острым умом, пронизательностью и острым языком, заставляя меня чувствовать себя так, словно он все еще целует меня.

Боже, этот поцелуй...

Я полностью растворилась в диком, безрассудном голоде, который он пробудил во мне. Если бы Хиллари не прервала нас, я бы трахнула ногу Джейка на крыше здания, окруженная толпой толстосумов, которых не могла лишиться. Фонд Уиллоуби зависел от таких людей, которых не интересовали все эти публичные хоккейные разборки.

Я должна была поблагодарить Хиллари, поэтому наклонилась и обняла ее.

— Спасибо, леди.

— За что, подруга?

Она нежно похлопала меня по спине своими костлявыми руками, посылая по моему позвоночнику волны тоски к груди. Хорошее чувство, когда тебя любит кто-то старше и мудрее, а Хиллари была одной из немногих таких людей, оставшихся у меня.

— За то, что не дала мне опозориться с новым красавчиком-бойфрендом, — я отстранилась. — И за то, что снова подшутила надо мной и книгой о сексе. Знаю, что пришло время для нового материала, но мне вполне нравится этот.

— Хорошая шутка, — говорит Хиллари, усмехаясь, — Зачем искать новую шутку, если старая все еще заставляет людей плевать собственными напитками.

Джейк рассмеялся.

— Этого не было! Я проглотил. Было сложно, но я проглотил.

— Вот и она так говорит, — сказала Хиллари, заставляя Джейка вновь усмехнуться.

— Ох, и за это тоже спасибо, — рассмеялась я, похлопав Джейка по спине. — И за то, что так волнуешься о моем новом мужчине. Ты лучшая, Швейцбурглар. Я тебя люблю.

Хиллари улыбалась, ее глаза сияли.

— Я тоже люблю тебя. Не волнуйся о том, что поставишь себя в неловкое положение. Здесь все рады видеть тебя счастливой с этим парнем, но ты нас даже не представила. У тебя ужасные манеры, знаешь ли.

— Знаю, — я пожимаю плечами. — Можешь звать его красавчиком, — указываю на Джейка рукой и улыбаюсь, удивленная тем, что он смотрит на меня с настоящей любовью. — Или Джейк. — добавляю я, чувствуя, как по-особенному его имя звучит. — Иногда он на него откликается.

— Мне нравится и так, и так, — говорит Джейк, протягивая руку Хиллари. — Джейк Фальконе, мэ. Рад знакомству.

— Хиллари Швейцбургер, — она пожимает его ладонь. — Она зовет меня

Швайцбурглар, потому что я отобрала у нее картошку фри, когда она была маленькой, но ты можешь звать меня Хиллари.

— Рад знакомству, Хиллари, — говорит Джейк. — И спасибо за предупреждение. Я буду приглядывать за своей картошкой, когда вы будете рядом.

Хиллари отпускает руку Джейка, сморщив нос и отмахиваясь.

— Не стоит, милый. Я больше не могу есть жареную пищу. От нее у меня каждый раз начинается фокстрот по-мексикански.

Джейк хмурится, желая что-то сказать, но я качаю головой.

— Не спрашивай, — шепчу я. — Тебе это не нужно.

— Когда мы с Шэйн только познакомились, она называла это оргазмической струей, — радостно говорит Хиллари, вызвав у меня стон. — Такой грязный ротик у этой малышки. Я смеялась так, что едва не потребовалось швы накладывать.

— Прекрати, — умоляю я, — Никаких историй о десятилетней Шэйн. Признаю, что я была непослушной. На этом закончим.

— Не знаю. Думаю, мне бы понравилось несколько историй, — говорит Джейк с ехидной усмешкой.

— Нет! — я пронзаю ее тяжелым взглядом, прежде чем продолжить. — Я серьезно, женщина. Хочу сохранить хоть немного загадочности, но этого не случится, если ты станешь рассказывать о том, какой вредной я была.

— Ты вовсе не была вредной, — улыбка Хиллари исчезла. — Всего лишь маленькой девочкой, которая старалась показать себя сильной в ужасное время. Ты была очень храброй. — Она коснулась локтя Джейка. — Шэйн одна из самых храбрых людей, что я знаю. Она сполна хлебнула горя, мальчик. Обращайся с ней достойным образом, иначе мне придется убить тебя во сне.

Джейк серьезно кивнул, пока я боролась с огромным желанием сбежать и спрятаться.

— Обещаю. Так и будет.

— Все хорошо. Довольно об этом, — говорю я, стараясь выдавить улыбку. Разговор напряженный, но этого следовало ожидать. После смерти тети Тэнси Хиллари взяла на себя обязанность моей матери. — Угостить тебя выпивкой, Хиллари? Или поешь что-нибудь?

— Нет, спасибо, куколка. Я собираюсь обойти выставку и найти что-нибудь пикантное, — Хиллари подмигивает. — Бог создал прекрасные вещи, и мне нравится смотреть на них. Даже если обнаженная фигура вырезана из мрамора.

Джейк смеется. Я снова наклоняюсь, чтобы обнять Хиллари, а затем остаюсь наедине с Джейком.

И впервые за сегодняшнюю ночь я не знаю, что сказать. Общение с Джейком было легким, но сейчас, кажется, я потеряла контроль над веселой и игривой Шэйн, которой решила быть с ним.

Прежде чем успела расслабиться и вздохнуть, Джейк нежно похлопал меня по спине теплой рукой.

— Я читал о твоих родителях, об аварии, пока гуглил прошлой ночью. Мне жаль.

Я киваю, не сводя взгляд с полупустого бокала.

— Или он наполовину полон? — бормочу я, борясь с подступающей волной эмоций.

Я не предполагала, что сегодня придется иметь дело с чувствами, не полагала, что прикосновение Джейка может быть успокаивающим и возбуждающим одновременно. Это хорошо, потому что мне хочется помочь ему еще больше, но мне хочется спокойствия.

Утешение связывает намного быстрее секса, но ничего из этого не подходит для наших с Джейком отношений.

— Думаю, наполовину полон, — говорит он, как будто ему не составляет труда проследить цепочку моих мыслей. — И думаю, что ты довольно милая.

Я смотрю вверх, не отводя от него взгляд, хоть и хочу отвернуться.

— Я не удивительная. Обычная.

— Не согласен.

Я снова качаю головой.

— Ты не понимаешь. Все не так. Люди, которым никогда по-настоящему не везло, считают, что нужна нечеловеческая сила, чтобы продолжить жить после того, как все летит под откос, но это не правда.

Я смотрю вниз, проводя пальцем по краю бокала, задаваясь вопросом о том, не будет ли это пошлостью, если допью остатки шампанского.

— Люди запрограммированы на жизнь. Мы продолжаем двигаться вперед, продолжаем жить, даже когда жизнь причиняет боль. Это не сила, не чудо, а всего лишь биологическая необходимость. Равносильно тому, когда ты стараешься вынырнуть, даже если перед этим имел твердое желание навечно уйти на дно.

— Чушь собачья, — говорит он, вынуждая меня удивленно моргнуть.

— Это не чушь, — к черту пошлость. Одним глотком допиваю шампанское и оглядываюсь в поиске официанта с подносом, но конечно, когда мне действительно потребовался второй бокал шампанского, весь персонал столпился на другом конце выставки. — Кроме того, многие дети теряют родителей, но большинство из них не имеет милых, чудесных тетюшек, которые купаются в деньгах и могут позаботиться о них. Мне было легче, Джейк. Я оказалась одной из счастливчиков.

— А теперь ты помогаешь собрать деньги для помощи тем, кому не повезло так, как тебе, — говорит он, вынуждая меня заерзать на месте.

— Перестань делать из меня святую. Я не такая, — я ставлю стакан на камень и постукиваю пальцами по перилам. — Боже. Кого бы мне убить, чтобы получить выпивку?

— Я не пытаюсь выставить тебя святой, — он обхватывает мое запястье пальцами, протягивая стакан с шампанским. — Стараюсь дать понять, что считаю тебя классной. Милой. Забавной. Так что перестань убеждать меня в обратном. Не получится. Я хорошо разбираюсь в людях.

— Кроме Кери, — говорю я. Колкость сорвалась с языка прежде, чем я успела остановиться. Вздрагиваю, мысленно сожалея о сказанном. — Прости. Я не то имела в виду. Иногда я говорю не то, что думаю, когда люди заставляют меня чувствовать себя не в своей тарелке.

— И что они делают? — спрашивает он, добродушным, спокойным тоном, от чего я чувствую себя еще хуже.

Я пытаюсь вернуть ему стакан, но он скрещивает руки на груди, отказываясь его забрать.

— Не знаю. Предлагаю не акцентировать внимание на мне.

— Почему если кто-то говорит тебе о своей симпатии, ты чувствуешь себя не в своей тарелке?

— Я не должна тебе нравиться. Наши отношения — фальшивка.

— Но это не значит, что ты не можешь нравиться мне как друг, — говорит он. —

Верно? В контракте ничего не сказано о том, что мы не можем стать друзьями.

Я хмурюсь, поскольку мне не нравится мысль о том, что мы будем друзьями.

И по какой же причине? Ха!

Как будто не знаешь, что быть просто «друзьями» не выйдет.

Ты не хочешь быть его другом. Хочешь, чтобы он целовал тебя до тех пор, пока трусики не запылают, а одежда не превратится в пепел. Вы оба разденетесь, и он предложит слизнуть шоколадный крем с его кубиков.

Я закрываю глаза, проклиная себя. Внутренний голос готов прорваться наружу. Нужно признаться.

Если мы продолжим проводить вместе время, то я не смогу скрывать свое влечение к Джейку. Лучше признаться прямо сейчас и дать ему возможность отступить до того, как все пойдет прахом. Продолжать притворяться, пока не потеряю контроль и признаюсь, что у меня стояк на него, что я не могу дождаться, когда проведу эксперименты с его невероятным прессом.

— Но если тебя не интересует дружба, отлично, — говорит он тихо. Я наблюдаю за ним, как он обводит мрачным взглядом лабиринт статуй, и впервые за эту ночь на его лбу пролегает морщинка. — Я не привык к тому, что люди готовы были блевать при одной лишь мысли о том, чтобы пообщаться со мной, но сейчас не так часто выхожу.

— Прости, — я протягиваю ему выпивку. — Вот твое шампанское. Я не хотела тебя огорчать.

— Я не огорчен. Я играю в NHL, — он выпрямляется, расправив плечи и выпятив грудь. — Я злюсь. Я в бешенстве, черт возьми, но не огорчен.

Я улыбаюсь.

— Это чертовски мужественно.

— Знаю, — говорит он, продолжая хмуриться, пока я не перестану улыбаться.

— Ну, мистер Мужественность, тогда знай... Я тоже считаю тебя классным.

Он, прищурившись, смотрит на меня.

— Да?

— Да. У тебя хорошее чувство юмора. Лучше, чем я думала.

— Потому что ты предвзято относишься к спортсменам.

— Вовсе нет, — говорю я, все еще улыбаясь.

— Конечно же, так и есть. Это называется атлетизм. Не путать с видом спортивной деятельности, обозначающей успешного спортсмена или атлета.

— Тебя так переполняет гордость, что даже глаза стали карими.

— Это передается по наследству. Мужчины в моей семье были наполнены подобным дерьмом.

Я довольно громко смеюсь, потому что некоторые поворачиваются к нам, но тут же отворачиваются с улыбками на лицах.

— Знаешь, — тихо говорю я, — кажется, нам неплохо удастся притворяться. Как считаешь?

— Я тоже так думаю. А еще мне кажется, что нам стоит больше целоваться, — он придвинулся ближе. — Просто необходимо, чтобы люди поверили в то, что мы не можем держать себя в руках.

Я собираюсь рассказать ему правду, что мне сложно держать себя в руках рядом с ним и не смогу изменить этого, но в этот момент яркая вспышка ослепляет меня. Я понимаю, что

недооценила папарацци.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Из переписки Шэйн Уиллоуби и Джейка Дракона Фальконе

Шэйн: Ты все еще не спишь?

Джейк: Ага. Не могу уснуть. Слишком много мыслей в голове.

Я надеялся, что у нас будет больше времени до того, как репортеры завалят меня вопросами о моей новой «таинственной» подруге.

Шэйн: Так ты видел статьи?

Джейк: Да.

Поздравляю с первым появлением на «Celebitchly»¹.

Шэйн: Эх. Знаю! И в блоге «Голливудской улитки»² тоже!

И ничего обо мне — бр-р.

Серьезно, я даже не могу написать об этом.

Не могу употребить ЭТО слово в ТАКОМ контексте. Оно слишком мерзкое, но довольно того, что никаких интимных частей моего тела не было видно.

Голливудская улитка была близко, но я надеюсь, что они не смогут опознать меня по моим трусикам, которые выделялись через платье.

Меня не волнует, что это модная тенденция.

Мне не хочется использовать трусики из зубных нитей, и если из-за этого меня нарекут «задротом», стану с гордостью носить это звание.

Джейк: Ты не катастрофа, ни в каком смысле этого слова.

Шэйн: Я лишь говорю о том, что моя подруга провела биологический тест по теме, насколько больше фекалий остается на стрингах, чем на обычных трусиках. Результаты оказались ошеломительными.

Я никогда не взгляну на стринги без мысли о том, какое количество какашек на них остается.

Джейк: А теперь и я тоже...

Спасибо, Шэйн. Ты изменила мою жизнь одним сообщением.

Шэйн: Я не пытаюсь изменить твою жизнь. Лишь хочу защитить тебя от контакта с фекалиями.

Поделилась этим лишь потому, что волнуюсь, Дракон.

Джейк: Я ценю это.

Ты выглядела сегодня прекрасно. Никому не следовало обращать внимание на твои выделяющиеся трусики или еще что-то.

Жаль, что все так закончилось.

Шэйн: Нет, это мне жаль! Думала, что на крыше мы будем в безопасности. Я забыла об объективах телерепортеров и явно недооценила безумных папарацци.

Джейк: Нет, это моя вина. Мне следовало убедиться, что за мной не следили у квартиры. Обычно я меняю такси хотя бы один раз, а сегодня опаздывал и потерял бдительность.

В этом есть и хорошая сторона. Мы выглядели сексуально в глазах друг друга.

Это не настоящая любовь, но уже начало...

Шэйн: Верно, но там было несколько пикантных снимков, да?

Должна признать, эм...

Ну... Я понятия не имела о том, что твоя рука... Была там, где была.

Джейк: На твоей неотразимой заднице?

Я понимаю. Старался держать под контролем, но искушение одержало верх.

Прости, ведь я ничуть не сожалею.

Шэйн: От тебя одни неприятности, Фальконе...

Джейк: Не просто познать, что значит неприятность, Уиллоуби.

Так как нам поступать дальше?

Стоит ли мне игнорировать репортеров, ожидающих меня перед домом завтра утром, когда пойду на тренировку, или нужно сделать заявление?

Шэйн: Пока не обращай на них внимания. Я увижусь с Башем, обдумаю лучший путь, а затем встречу с тобой после тренировки.

К обеду освободишься?

Джейк: В одиннадцать тридцать, если мне повезет. Можем встретиться в полдень. Почему бы тебе не подождать меня на трибуне с женами и подругами? Я внесу твое имя в список, чтобы ты смогла посмотреть тренировку. Тогда нас не станут фотографировать или подглядывать за нами. Охрана там серьезная.

Шэйн: Идеально.

У меня есть пара стратегических идей, одна из которых может сыграть нам на руку и решить твою проблему с Кери и твоим имиджем в целом, но приступить к ней без одобрения Баша не хочу. Вдруг слишком далеко зайду.

Джейк: Теперь я заинтригован. Расскажи мне больше.

Шэйн: Нет. Пока не проясню все с начальником.

Джейк: О, ладно. Расскажи мне.

Когда дело касается Кери, понятие «слишком далеко» не приемлемо. Вот почему я рассказал Башу про фальшивую беременность во время первой встречи.

Шэйн: Что?! Я думала он шутит!

Джейк: Он мог бы пошутить, но нет.

Я рассказывал, что у Кери было тяжелое детство. Ее отец оставил мать ради другой женщины, когда ей было пять.

Все оставшееся детство она выслушивала сетования, что только чудовище могло оставить семью ради того, чтобы трахнуть очередную сексуальную суку.

Шэйн: Ох. Бедный ребенок.

Джейк: Ага, ее мама не была идеальной, но научила Кери, серьезно относиться к семье. Очень серьезно.

Если Кери поверит, что я с той, о ком забочусь, и мы ждем ребенка, думаю, она отступится. Честно, это может стать единственным, что может ее убедить. Пока она считает, что у нее есть шанс вернуться ко мне, она не отступит.

За сегодня она уже оставила мне пять голосовых сообщений. А я сменил номер всего два дня назад.

Шэйн: Господи. Как она узнала новый номер?

Джейк: Понятия не имею. Я дал его тренеру и еще паре людей, которым могу доверять.

Шэйн: Ах, спасибо.

Я рада, что ты мне доверяешь.

И обещаю, что сделаю все возможное, чтобы помочь тебе вернуться к нормальной жизни, но притворяться беременной неправильно. По крайней мере, не сейчас.

Думаю, для этого в наших «отношениях» слишком рано, чтобы быть правдоподобным и... от всего этого у меня сжимается нутро.

Я суеверна.

Джейк: Суеверна?

Шэйн: Мне бы хотелось когда-нибудь родить ребенка. Надеюсь, это «когда-нибудь» не так далеко, ведь я не молодею.

Маленький голосок в моей голове говорит, что я могу лишиться этого шанса, если солгу о том, что беременна. Знаю, это безумие, но перестать думать об этом не могу.

Джейк: Нет, я понимаю. Это не безумие.

Шэйн: Но это так. Никакой логики и не подкреплено фактами. Очевидно, что это безумие.

Джейк: Ладно, немного безумно, но все равно понимаю. Я перед каждой игрой трижды снимаю и надеваю коньки, а в колледже не брился пять месяцев, считая, что моя бородка дает мне сверхспособности.

Шэйн: Мне нравится!

Когда ты, наконец, побрился, то сохранил клочок бороды и положил в амулет на удачу? Или в медальон для своего первенца, чтобы передать свою силу следующему поколению?

Джейк: Все верно. Ты выиграла.

Ты самая безумная в наших «отношениях».

Шэйн: Прекрасно!

Но если честно, в колледже у меня были счастливые трусики, которые я надевала перед тестом. К моменту окончания колледжа, резинка лопнула, сзади были дырки, но я все еще храню их для непредвиденных случаев.

Джейк: Звучит сексуально...

Шэйн: Это вовсе не сексуально. Скорее похоже на нижнее белье для бездомных.

Джейк: Держу пари, ты все еще чертовски хорошо в нем смотришься.

Шэйн: Если бы я не знала, считала бы, что ты заигрываешь со мной, мистер Фальконе.

Джейк: Просто тренируюсь для того, чтобы реалистичнее притворяться в следующий раз, играя влюбленных, котенок.

Что ты об этом думаешь? Котенок подходит?

Я пытался придумать что-то особенное, а не просто крошка или любимая.

Шэйн: Не знаю. Котенок слишком мило. Мне кажется, что я слишком взрослая для такого имени.

Как насчет адского котика?

Или стального когтя?

Джейк: Ты заходишь слишком далеко в противоположном направлении. Никто не поверит, что мы безумно влюблены, если я стану звать тебя моим маленьким стальным когтем.

Шэйн: М-м-м... Ты, вероятно, прав.

Джейк: Как насчет принцессы?

Ты же член королевской семьи Нью-Йорка. Принцесса и Дракон прекрасно ладят друг с

другом.

Шэйн: Точно? Уверен?

Хорошо, Дракон, я стану твоей принцессой.

Вот мы и прошли двадцатый вопрос в анкете.

Может, проработаем оставшиеся вопросы? Думаю, завтра нам придется увязнуть в этом спектакле обеими ногами.

Джейк: Почему бы тебе не рассказать что-то о себе? То, что ты могла бы рассказать тому, с кем встречаешься. А затем я сделаю то же самое.

Мне кажется, это более естественный способ узнать друг друга, нежели дать тебе список моей любимой еды или фильмов.

Шэйн: Можно сыграть в правду или действие. Я долгие годы не играла в нее!

Джейк: Верно, но я не собираюсь выходить из квартиры. Там уже рыщут парни с камерами.

Шэйн: Ясно. Так что доставит тебе удовольствие: правда или действие?

Джейк: Правда. Хотя ты уже и так знаешь много моих секретов.

Шэйн: Верно. Так чего ты мне о себе не рассказывал?

И никому об этом не говорил?

Джейк: Вот дерьмо. Я все же решился на это.

Шэйн: Ты действительно это сделал, и я этому рада. Даже готова со злобной усмешкой потирать ладони, как только закончу набирать сообщение.

Джейк: Держу пари, так и будет.

Ладно... Что-то, что никогда никому не рассказывал...

Дерьмо...

Когда учился в старшей школе, то воровал лезвия, крем для бритья и подобные вещи из местного аптечного магазина. Не важно, как сильно я сэкономил деньги, к концу месяца они заканчивались. А у мамы я не мог просить. Обычно она была измотана, как и я, а то и хуже.

Меня ни разу не поймали, но чувствовал я себя хреново.

Как только у меня стало достаточно денег и больше не приходилось жить впроголодь, я пришел и выписал чек владельцу магазина.

Шэйн: Ого. И как он это воспринял?

Джейк: Он слегка всплакнул.

Оказывается, он знал о моем воровстве, но закрывал на это глаза, потому что ему было известно о плачевном положении нашей семьи, и о том, что мама едва могла заплатить за лекарство от астмы для моего младшего брата.

Он старался отказаться от чека, но я засунул его в карман, пока мы ходили за пивом и пиццей, и приложил записку, где говорилось о том, как много будет значить для меня, если деньги обналичат.

Он так и поступил, прислав в благодарность письмо с моим фото, где я сидел на коленях Санты. Мистер Грир каждый год исполнял роль Санты. Оказывается, его жена собирала все снимки.

Шэйн: О, это прекрасная история, Джейк. Какой милый мужчина.

Джейк: Он на самом деле хороший человек, но мне все еще стыдно за себя. Мне следовало найти способ заплатить за то, что мне было нужно, или обойтись без этого.

Шэйн: Ты был ребенком, который действовал быстро в сложной ситуации. Ты

справлялся с этим, так как мог. Не стоит винить себя. Стоит гордиться. Большинство людей никогда не вернулись бы на место преступления, чтобы выписать чек.

Так у тебя есть младший брат?

Джейк: Трое. Джейми, Джудд и Джастис. У мамы тяга к именам на «Дж».

Шэйн: «Дж» очень сексуально. Одно из моих любимых.

Сколько им? Вы близки?

Джейк: Стараешься выжать все возможное?

Шэйн: Я единственный ребенок в семье. Меня всегда интересовали люди из больших семей.

Мне очень хотелось старшего брата, который бы учил меня драться, и младшую сестру, которую я могла бы научить всему. Той, кто считала бы меня самой крутой и стала бы моим самым лучшим другом.

Джейк: Мило. Мы с братьями не являемся лучшими друзьями. Слишком часто я лупил их по задницам вместо отца, но мы близки. Они все еще живут в Пенсильвании, но приезжают сюда пару раз в год. А я приезжаю к ним на Рождество, и половить рыбу летом.

Шэйн: А почему вместо отца?

Джейк: Ай-яй. Твоя очередь. Правда или действие?

Шэйн: Полагаю, правда, но лишь потому, что мне лень вставать с дивана.

Джейк: Почему ты хотела научиться драться? В частной школе присутствовала жестокость?

Шэйн: После переезда к тете, я перешла в частную католическую школу вместо школы Монтессори, славившейся хорошими отношениями. Так что было довольно грубо.

Большинство детей были милыми, но только не монахини. Ничто не сравнится с фройляйн Марией в «Звуках музыки». Нас частенько били по коленям за короткие юбки и за то, что общались не с той компанией.

Огромное разочарование.

Джейк: Так ты планировала прибить пару монашек? Это слишком жестоко.

Шэйн: Нет, я вовсе не хотела прибить их!

Боже. Я знала, что лучше не связываться с женщинами в балахонах. СМИ предупреждают, что люди, которые носят такую одежду, являются членами банд, Джейк, а монахини принадлежат к одной из самых древних группировок.

Я слишком боялась сказать «бу» сестре Мэри Юстис и с яростью наброситься на нее.

Джейк: Тогда для чего? Или для кого?

Если не ответишь, тогда я победил.

А ты, готов поклясться, ненавидишь проигрывать, верно, принцесса?

Шэйн: Я этого терпеть не могу, мерзавец...

Хорошо... Никого конкретного я убивать не собиралась.

Просто... злюсь.

Все время.

Бег и футбол помогали, но, думаю, если смогла бы выучить несколько приемов, то вытрясла бы всю злость и снова стала нормальной.

Джейк: Почему ты все время злишься?

Из-за того, что потеряла своих родителей?

Шэйн: Да.

Это было до того, как узнала, что подобное не зависит от человека.

Джейк: А от чего?

Шэйн: Все дело в жизни.

Она не справедлива, но и не выбирает кого-то конкретного.

Я не была избранной для дерьмовых ситуаций. Просто такое произошло, а я случайно оказалась на пути.

Джейк: Понимаю. Мне жаль.

Шэйн: Ты уже говорил об этом. И не стоит жалеть. Звучит так, словно ты поделился своим дерьмом.

Джейк: Так и есть, но у меня очень хорошая мама. Она спасала мне жизнь сотни раз, когда нужно было, чтобы меня выслушали и продолжали любить независимо от того, какие глупости я совершал.

Шэйн: О. Это тоже прекрасно.

Нормально то, что я нахожу очаровательным — Дракон на самом деле маменькин сынок?

Джейк: Да. Очарование — первый шаг на этом пути.

Шэйн: На пути куда?

Джейк: Увидишь, когда мы там окажемся.

Шэйн: Ты загадочнее всех хоккеистов, которых я знаю.

Джейк: Судя по тому, что ты считала шайбу пластиковой, полагаю, их не так много.

Шэйн: Вовсе нет. И на самом деле ты не таинственный, просто немного... сбиваешь меня с толку.

Джейк: И что же сбивает тебя с толку, принцесса?

Шэйн: Много всего. Жизнь очень запутанная штука, не так ли?

Джейк: Ты снова избегаешь вопроса.

Шэйн: Потому что не моя очередь. И, к сожалению, на очередной раунд «правды» меня не хватит. Стоит позволить мозгу восстановиться, чтобы завтра я была полноценным членом общества.

Доброй ночи, Пафф³.

Джейк: Доброй ночи, принцесса.

И прошу, зови меня Дракон. По крайней мере до тех пор, пока я не докажу тебе, что обладаю магией.

Шэйн: «смайлик дракон» Хорошо, договорились...

Шэйн

Ночь прошла туманно. Кожа покрылась потом, простыни спутались, и все из-за снов о Джейке, где он всяческими способами доказывал мне, что является волшебником с помощью языка, рук и рта, извиваясь у меня между ног, трахая меня не-может-быть-столь-большим-как-ощущается-под-джинсами членом, пока я превращалась в расплывающуюся по полу лужицу из счастливой женщины.

Я просыпаюсь чуть позже четырех часов. Все мои нервные окончания горят, трусики намокли, и я проклинаю свое разыгравшееся воображение и проснувшееся либидо. Откинув одеяло, иду в гостиную, выпиваю стакан холодной воды и переключаю мысли на насилие с применением огнестрельного оружия, терроризм, щенячьи фермы и детский рак. Возвращаюсь в постель, стараясь отогнать все сексуальные фантазии поспать хотя бы пару часов, прежде чем начать новый день.

Но в следующий миг, стоило закрыть глаза, образ обнаженного Джейка, готового показать мне, за что его выбрало агентство, появился на моем мысленном телеэкране.

Наконец я поднимаюсь и тянусь за «Шреком», доставая зеленый вибратор из верхнего ящика, стараясь не думать о том, что неправильно использовать секс-игрушку, потому что завелась из-за фантазии о своем клиенте.

Я ложусь на спину, мысленно представляя Виго Мортенсона в образе Арагорна из «Властелина колец». Меня сводит с ума парень с мечом, длинными волосами и потерянными голубыми глазами. У меня есть несколько других мужчин для фантазий, которые время от времени появляются в ротации, но Арагорн почти никогда меня не оставлял.

По крайней мере, он помогал, чтобы «Шрек» смог закончить работу.

Я закрываю глаза, представляя, как лежу в палатке Арагорна на тюфяке, одетая лишь в меха, покрывающие мое обнаженное тело с выражением «приди и возьми меня». Кровь пульсирует. Течет по венам, густая и тяжелая, а пульс отдается между ног.

Не могу дождаться его прихода.

Иди сюда, возьми меня, доведи до оргазма, утоли голод, что скручивает меня изнутри, не давая возможности здраво мыслить.

Наконец, когда, кажется, что прошла вечность, звериная кожа сдвигается в сторону и внутрь входит мужчина, но не тот, которого я ожидала...

Это был Джейк, одетый в мягкие кожаные штаны, обтягивающие его впечатляющие бедра, тяжелые ботинки и больше ничего. Его великолепная грудь и ошеломляющие бицепсы были выставлены на всеобщее обозрение, мускулы перекатывались, когда он прикрыл дверь за собой.

— Тебя не должно здесь быть, — говорю я с бешено бьющимся сердцем.

— Не важно, — по его тону ясно, что он пробрался в Средиземье не для того, чтобы получить отрицательный ответ.

— Нам не следует, — шепчу я, но мех соскальзывает, обнажая верхнюю часть груди. — Мы обещали друг другу.

— К черту обещания.

С его волос стекают капли дождя, но он не останавливается, чтобы высушить их, а толкает меня обратно на тюфяк.

Холодные капли падают на мою разгоряченную кожу, а спустя мгновение он овладевает моими губами, грубо целует меня, стаскивая с тела меха, обнажая, чтобы прикоснуться. А затем его крупные, мозолистые руки согревают мою грудь, дразня соски, пока я борюсь с застежкой на его штанах. Из-за охватившего меня желания мне тяжело бороться с завязками, но я, наконец, освобождаю его член, простонав ему в рот. Ощущаю, какой он твердый и горячий.

Подтверждение того, что он отчаянно хочет того же, что и я, помогло отбросить чувство вины и воспользоваться моментом.

— Да, — бормочу я, чувствуя, как учащается пульс, пока он раздвигает коленом мои ноги, — Я хочу тебя.

— И ты получишь меня, — обещает он, — но сначала я получу тебя.

Он пронзает меня. Первое проникновение такое глубокое и крепкое, что я заплакала, но не от боли. Боже, совсем не от боли.

Потому что он так хорош, так чертовски хорош, что стоило нам начать, как я внезапно сжимаюсь, мое тело крепко обхватывает его член, кончая и кончая. Волны блаженства накатывают на меня до тех пор, пока я не становлюсь безвольной и бесполезной... И... звук жужжащего между ног «Шрека» вернул меня к реальности.

Щеки пылают, я убираю вибратор и прикрываю глаза рукой.

Дерьмо. Это плохо. Очень плохо. Мне будет сложно скрывать по лицу, которое так и кричало «нет, я вовсе не фантазировала о том, как трахаюсь с тобой».

Невозможно будет скрыть это от Джейка. Стоит ему только бросить взгляд на меня, и он поймет, что был героем моих фантазий.

С таким же успехом мужчина смог бы поймать меня с поличным.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Шэйн

— Нет-нет-нет... — бормочу я, направляясь в ванную и включая душ. У меня еще полдня, чтобы прийти в себя. — К полудню ты будешь измотана бессонницей и размер «хоккейной клюшки» Джейка будет не важен. Все, что тебе нужно, двенадцатичасовые объятия с подушкой.

Я стягиваю через голову ночную рубашку и со вздохом ступаю под теплые струи, жалея, что у меня нет четвероногого друга. Когда рядом нет пушистика, разговоры с самим собой выглядят странно.

Я скучаю по своей мохнатой племяннице Фэнг, чихуахуа моей подруги Кэт. В последний раз видела ее, когда она оценилась. Скучаю по кошкам — Счастливику, Соне, Трусинке, Упрямыце, Капитану Пиклзу, Пирату, Персефоне, Смертельному когтю и мистериу Твитчу. Интересно, скучают ли они по мне...

Скорее всего, нет. Ведь это кошки.

Для них этапы кошачьей скорби проходят быстро.

Горькая тоска, чуть затяжное негодование, которое быстро перерастает в обычное состояние и им становится наплевать на все.

Кроме того, сейчас им отведен амбар моей подруги Беатрис в пригороде Атланты, лучший корм из моего любимого зоомагазина в Нью-Йорке, а еще старая овчарка Беатрис для того, чтобы скоротать время. Они, вероятно, счастливее наркоманов в опиумном притоне.

Одинока лишь я. Именно поэтому безнадежно влюбляюсь в первого попавшегося сексуального и умного мужчину, который встретился мне на пути.

Он не просто привлекательный, психопатка.

Он — сочетание всех фантастических героев из твоих грез в одном ароматном флаконе. Кроме того, он остроумен. Заметила, как быстро он подхватил ту шутку с Паффом прошлой ночью? Этого уже достаточно для того, чтобы ты кончила.

Ты не можешь устоять перед красавчиком с острым умом.

— Довольно, — простонала я, яростно потирая затылок. Пора перестать думать о невероятном теле Джейка и его остром уме.

Необходимо контролировать тело и разум, чтобы вернуть всеми любимого пламенного «Дракона», центрального нападающего. Это намного важнее, нежели заставить психически нездоровую женщину оставить его в покое. Простой ночью на сайтах появились фотографии, демонстрирующие то, что произошло с последней женщиной Джейка. Снимки Кери с синяками на шее смешивались с взбросами, плавающими по сети. И у фанатов Джейка складывалось собственное мнение о нем, по слухам и обсуждениям на форумах и в чатах.

Имидж Джейка был под угрозой, а дальше последовала бы и карьера. Нам необходимо заглушить эти сплетни, пока они не набрали обороты.

Самый простой способ, конечно, обратиться в полицию, но тогда начнется перекидывание вины друг на друга, что совсем не поможет Джейку в суде присяжных. И, конечно, стоит учитывать тот факт, что Джейк терпеть не может копов. Они для него, как

шило в заднице. Он избегает полицейских участков.

Моя интуиция говорила, лучшее, что я смогу сделать для своего клиента — сменить тему разговора. Не лучше ли получить четырехстраничное повествование в глянцевого журнале «GQ»⁴? У меня есть связи в издательстве, и Дениза уже обещала убрать статью о представителе штата, который разослал изображение своего змеевидного члена половине Нью-Йорка.

А если серьезно, головка члена незадачливого политика действительно походила на змею. Если бы он был моим парнем, я б пририсовала ему маркером глаза. Когда обсуждала это с Эдди, она предположила, что змееподобный пенис с глазами выглядел бы пугающе, но я настаивала, что рисование на членах оказывает абсолютно противоположный эффект. Тогда ей захотелось узнать, как часто я рисовала на мужском «достоинстве», но, как говорила прежде, никому не рассказываю о том, как целуюсь или рисую.

Статья в журнале появится на столе через пару дней. Она практически стучится в дверь. Мы с Джейком обязаны воспользоваться ситуацией.

Придется, конечно, подключить к этому Баша.

Учитывая то, что проснулась я от письма, выглядело все не очень удачно.

Кому: Шэйн Буду Твоей

От кого: Привлекательный Подонок I

Ответ: профиль в «GQ».

Определенно нет.

Точно нет. Нет, черт возьми.

Консультанты «КПП» держат в тайне свои личности, Уиллоуби. Мы стараемся воспрепятствовать тому, чтобы наши эксперты засветились в социальных сетях, не говоря уже о том, чтобы появиться в самом крупном журнале страны. Это поставит под удар ваши с Джейком «отношения», выставит на всеобщее обозрение, вручит каждому увеличительное стекло, способное прожечь дыру в вашей любовной истории, и все шансы Джейка пойдут коту под хвост.

Ты еще новичок, а ситуация очень деликатная.

Лучше всего для нас сейчас оставаться как можно дальше от общественных радаров. Знаю, что Джейк — знаменитость, но стоит скрываться, пока есть возможность.

К счастью вчера фотографов больше интересовала твоя задница. Нет четких фотографий твоего лица. Если нам повезет, то твою личность не установят. Нам просто стоит быть осторожнее.

Никуда не выходи без шарфа. Прячь свое личико, хорошо? Сейчас довольно прохладно, а обществу нет нужды видеть твою симпатичную мордашку, чтобы понять, что Джейк от тебя без ума. Он хорошо продемонстрировал свое отношение, положив руки на твою задницу.

Прекрасная работа! Вы двое отлично справляетесь! Теперь нужно лишь убедить Керри, что вы вместе надолго, и надеяться, что она уберется туда, откуда пришла.

Джейк написал о том, что ты не поддержала идею с фиктивной беременностью. Исключим это из списка. Не думаю, что нам это потребуется. У меня есть идеи и список общественной деятельности Керри на последующие несколько недель, так что вам придется показать себя с лучшей стороны.

Заходи завтра утром в офис. Пообщаемся за чашечкой кофе и огромными пончиками. Я

прихватил коробочку из «Доуш» на Девятнадцатой улице. Это не мороженое, но скоро пончики станут вторым моим любимым блюдом на земле. Вечером я пробежал три мили, чтобы подготовить пищеварительную систему, так что приходи голодной и приготовься к тому, что сахар подскочит.

О, и я все еще копаюсь в прошлом Джейка. Пока не нашел никаких сведений в базе о несовершеннолетних, но покопаюсь в более темных уголках.

И Пенни сказала, чтобы не переживала о посте в «голливудском моллюске». Говорит, что выделяющиеся под бельем трусики были популярны в 1994 году... Не знаю, что это значит, но послушай ее, потому что она умница, а сайт был крут, когда назывался «голливудский тако».

Не то, чтобы я когда-нибудь просматривал его...

Поспеши, Неприятность. И прости, что не одобрил идею с твоим профилем, но ты справишься! Я чувствую!

Баш.

Закончив одеваться, сосредотачиваюсь на электронной почте, чтобы не думать о мужчине, что преследовал меня в порнографических снах. К моменту, когда я выхожу, во мне закипает злость.

Мне не нравится, когда мной командуют. Особенно Баш.

Он добрый, умный и хороший во всех отношениях парень, но также чертовски неосторожен. Считает, что держит все под контролем, но наступает момент, когда он лажает и тянет всех за собой. Если честно, он редко ошибается. Когда это происходит, то поступает как взрослый человек и берет всю ответственность на себя, но это неважно. Баш до сих пор напоминает мне другого красивого, высокомерного, обаятельного мужчину, который считал — он знает, что для меня лучше.

Я называла Уэсли «деревенщиной» на манер героя «Принцессы-невесты», а он звал меня «лютиком» и шептал каждый раз «как пожелаешь» на любую мою просьбу, о чем бы я не попросила — от пульта дистанционного управления до очередной кошки, завоевывая его сердце на следующие пятьдесят или шестьдесят лет.

Но на самом деле все было не так, как я хотела.

Всегда исполнялись желания Уэсли, даже когда он уходил.

Больше никогда ни один мужчина — друг или любовник — не станет решать, что для меня лучше. Знаю, что на самом деле непонимание — это несчастье. И даже людям с самыми лучшими намерениями не всегда можно доверять.

Профиль в «GQ» мог бы стать огромным преимуществом в деле Джейка, и мне стоит заставить Баша посмотреть на вещи моими глазами. Или втянуть его в такой спор, то он дважды подумает в следующий раз, прежде чем попросить меня снова стать «Чудесной неприятностью».

Я так увлечена придумыванием аргументов и застегиванием четырех тысяч пуговиц на своем новом пальто — за ночь заметно похолодало, и аромат зимы витал в воздухе — что не заметила притаившуюся за углом женщину, пока не налетела на нее.

— О, бог мой, простите, — говорю я, отстраняясь как раз вовремя, чтобы не наступить на ее дорогие туфли.

Я не одеваюсь, как шлюха, следуя примеру многих моих друзей, но узнаю на ней обувь от Кристиана Лабутена.

— Не могу, — хрипло произносит она, напоминая мою учительницу хора, которая от напряжения порвала голосовые связки. — Хоть ты и кажешься довольно милой.

Я тщательно изучаю ее лицо, ощущая острое покалывание от незримого осознания, что здесь что-то не так.

Совсем-совсем не так...

И прежде чем я сопоставляю приятные черты лица, оливковую кожу и медово-шоколадные глаза с фотографиями, увиденными ранее, по телу проходит легкое покалывание, предупреждая об опасности.

Кто-то все же смог признать меня по тем размытым фотографиям. И этот кто-то — Кери Уорнер.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Шэйн

Кери выглядела более хрупкой, чем на фото. Не выше пяти футов и двух дюймов и весила порядка пятидесяти четырех килограмм. Когда она приблизилась, мне пришлось прижать подбородок к груди, чтобы смотреть ей в глаза. А ее талия... Уверена, она меньше, чем моя икроножная мышца.

Впервые за долгое время я чувствую себя... Крупной.

Я достигла периода, когда больше не тревожусь из-за размера. Хорошо питаюсь, выполняю ежедневные тренировки и чувствую себя вполне хорошо, но никогда не стану сидеть на диете. В компании, где я заказывала купальники, говорили, что у меня пышные формы, но среди клиенток были и те, кто получили бы медаль на Олимпийских играх за голодание. Лично мне не нравилось голодать. Я была здорова, абсолютно счастлива и не тратила время на попытки похудеть, чтобы влезть в одежду.

Кроме того, я знаю, что на самом деле постеры, мотивирующие людей на похудение, лгут. Миндаль, свежий хлеб, бекон и обжаренная брюссельская капуста, стейк, пончики, все виды сыра, сладкое, алкоголь и то, что украшено кусочками ананаса, намного вкуснее того, что едят худышки.

И все же что-то в хрупкой фигурке красавицы Кери заставляло меня чувствовать себя настоящим животным по отношению к ней.

Возможно, злобный голосок в голове нашептывал мне, что если огонь в Джейке разожгла такая женщина, то я точно не в его вкусе. Хотя этот голос не имел права так думать о клиенте.

А может это другой голос, который предупреждал о том, что это может быть ужасно, если я не подготовлюсь к тому, чтобы обезопасить себя от безумной пикси, решившей вцепиться мне в горло. Я дралась раз или два. Но с тех пор, когда выросла из панталон, которые носила под униформой католической школы, больше никогда не дралась, особенно с теми, кто был в два раза меньше меня.

Я защищаю нападающего от женщины, голову которой могу раздавить под своей подмышкой.

У меня возникает ужасное желание повалить Кери на землю и сидеть на ней до тех пор, пока не придет полиция, но как только она направила на меня свой острый палец, мышцы напряглись, а нервы натянулись до предела.

— Я читала о твоей благотворительной деятельности, — продолжила она своим грубым, кошачьим голоском. — Ты помогаешь больным людям и детям. Уверена, ты поступаешь правильно, но тебе стоит покончить с Джейком прямо сейчас. Пока не стало слишком поздно.

— Слишком поздно для чего? — мой пульс подскочил, когда я представила, что это моя первая смертельная угроза.

— Пока твое сердце не разбилось.

Я расслабилась, пульс стал ровнее. Я почувствовала себя глупо, предположив, что эта женщина собирается атаковать меня, когда услышала ее шепот.

— Или что-то еще сломается. Ты видела, что сделал со мной Джейк? — она стянула

шелковый шарф с шеи и груди, обнажив желто-зеленые следы на шее. Синяки исчезают, но они все еще уродливы и кажутся болезненными. И, по-видимому, они оставлены Джейком, но что-то в них не так.

Прежде чем я успеваю понять, что не так, Кери вновь надевает шарф.

— Иногда он проявляет жестокость. Я могу с этим справиться, но для тебя подобное не приемлемо.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — спокойно говорю я, — а мне вот известно, что ты напала на Джейка с ножом, и зашивать рану пришлось мне. Думаю, ему следовало бы обратиться в полицию. Надеюсь, так он и поступит.

Она безмятежно улыбается, а когда снова начинает говорить, голос такой же спокойный, как и у других безумцев, уверенных в своей правоте.

— Джейк не позвонит в полицию. Он любит меня и сделает все, чтобы защитить нас и наше совместное будущее.

— Ты его ранила, Кери, — тихо говорю я. — Он этого не забудет. Ты могла бы серьезно навредить ему, даже убить. Я понимаю, что можно злиться на парня — на любого, у кого есть член — но это не повод, чтобы набрасываться на него с ножом. Особенно если ты его любишь.

— Я не стараюсь убедить себя в том, что люблю его, — сказала она с лихорадочным блеском в глазах. — Я действительно люблю его больше всего на свете, больше, чем кто-то богатый и привилегированный может себе представить. — Она склонила голову, голос перешел на шепот. — Я знаю, как чувствуют себя те, кто всего лишены, когда весь мир пытается побороть их. Так же с Джейком. У нас есть связь, которую ты никогда не сможешь разорвать. Тебе нужно покончить с ним. Сейчас же. Я единственная, кто может дать ему то, что нужно.

Я тяжело вздыхаю, осознав, что с таким же успехом могла пытаться убедить кирпичную стену, но все же складываю вместе пальцы.

— Прошу, Кери, — молю я, — обратись за помощью. Позаботься о себе, о своем здоровье. Прямо сейчас тебе необходимо сосредоточиться на своем самочувствии. Джейк рассказал, что ты перестала принимать лекарства. Я не терапевт, но знаю, что не стоило...

— Да пошла ты к черту, снисходительная сучка, — выпаливает она.

У меня челюсть отвисает от резкой смены тона и уровня конфликта, и прежде чем успеваю опомниться, она толкает меня в плечо, отбрасывая к стене. Я восстанавливаю равновесие, готовлюсь к следующей атаке, но она уже уходит.

— Еще посмотрим, кто посмеется последним, — она поспешно кивнула, словно уже видела эту картину: я плачу, а они с Джейком уходят вдаль. — Обещаю тебе. Джейк просто пытается заставить меня ревновать. Как только он поймет, что вид его, трахающего безмозглую куклу Барби, совсем не воздействует на меня, выставит тебя пинком под зад. — Кери подняла палец. — Даю тебе еще одно, может два свидания, потом ему станет скучно, и он приползет ко мне, начнет умолять, чтобы я дала ему второй шанс.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Уходи, Кери. Ясно, что мы не придем к единому мнению, и я не скрываю того, что ты мне не нравишься.

— Взаимное чувство, — она усмехается, на щеке проступает ямочка. — Береги себя, Шэйн. И помни, что не следует наживать врага вроде меня. Я плохая, и у меня нет желания переходить на другую сторону.

Я поднимаю руку с дрожащими пальцами.

— Ясно. Угроза и все признаки, указывающие на настоящий обман.

Она сжала челюсть, но улыбка все еще не покинула ее, когда Кери кивнула.

— Мы еще посмотрим, кто из нас псих, милая.

А затем она уходит, оставив меня с таким чувством, будто я вот-вот вынырнула, прoderжавшись под водой слишком долго.

Святые. Угодники.

Истории Джейка не могли описать эту женщину. На самом деле она на все сто процентов помешанная. Обманчивая, жестокая, параноидальная и бог знает, какая еще, но все это приводит к огромной проблеме.

Я стою, наблюдая за тем, как возможно смертоносная психопатка переходит улицу и поднимает руку, чтобы остановить такси и решаю, что пора завершить игру.

Поэтому достаю телефон из кармана пальто и набираю Денис.

— Мы готовы, леди, — как только она отвечает, говорю я. — Джейку не терпится поделиться рассказом о своей карьере и наших отношениях. Мы готовы в любой момент. Как только выберешь подходящее время.

— Поразительно! — ахает Дениза удивительно восторженным голосом подростка, звучащим от женщины, которая носит одежду «от кутюр». — Я уже готова, Шэйн. Ты даже не представляешь. После всех извращенцев и политиков, которые давали мне интервью в последнее время, пара дней с приземленным хоккеистом и моей милой общественницей станут истинным удовольствием.

— Превосходно, — говорю я, и внутреннее напряжение спадает. Баш не прав. Нам нужно попасть под софиты. Мои отношения с Джейком должны казаться такими эпическими, что нужно осветить их в прессе, чтобы достучаться до Кери. — Будет здорово, Денис. Большое спасибо.

— Нет, тебе спасибо, — говорит она. — Я так взбудоражена новостью о вас с Джейком и о том, что вы до сих пор хранили все это в тайне. Я требую все подробности: особенно сексуальные, чувственные, грязные, которые я не смогу напечатать, но очень-очень хочу узнать.

— Мы еще не так долго встречаемся. И ты же знаешь, что я не рассказываю о поцелуях, — я смеюсь непринужденно и легко, уверенная, что могу одурачить подругу, особенно такую, как Дениза, которая не может хранить секрет, даже если от этого зависит ее жизнь. — Но мы можем неплохо пообщаться за хорошей едой и вином. Есть свободный вечер на этой неделе?

— Как насчет сегодня?

Мой пульс учащается, а уверенность улетучивается. Будем ли мы с Джейком готовы к сегодняшнему интервью?

Я хочу попроситься, потому что еще одна ночь на подготовку, вероятно, лучшая идея.

— Мой друг, Хорхе, арендовал радужную комнату, чтобы отпраздновать выход нового джазового альбома. Он сказал, что я могу привести с собой кого-нибудь одного, но уверена, что не возразит и против двоих.

— Хорхе Хинес? Музыкант? Ты шутишь!

— Я никогда не шучу, если речь заходит о джазе, сочных интервью или потенциальной возможности увидеть, как Джейк Фальконе и его новая возлюбленная кружатся на танцполе. От переизбытка романтики у меня сводит зубы, но мне это нравится. Умираю от желания

узнать, умеет ли этот мужчина танцевать.

— Мы придем, — выпаливаю я, представляя, что всегда смогу сослаться на плохое самочувствие, если Джейк скажет, что не готов к чему-то подобному, но чутье подсказывало мне, что он готов пойти на большее. Уверена, так и есть, раз Керри преследует меня.

Полагаю, что правильно поступаю...

Самая большая причина для того, чтобы либо уйти, либо двигаться дальше.

— Потрясающе! — восклицает Дениза. — Я напишу тебе все подробности. Для леди обязательны коктейльные наряды, а мужчинам полагаются фраки. Так что позаботься о том, что у твоего милого есть что-то такое.

— Принято. — Я направляюсь к Мэдисон-Авеню, где собираюсь позавтракать и купить новое платье перед тем, как пойти и посмотреть тренировку Джейка. — Еще раз спасибо, Дениза. Я признательна тебе за это.

— Никаких проблем, милая. Я знаю тебя. Если ты на стороне Джейка, значит он хороший человек. У того, кто считает иначе, куриный помет вместо мозгов.

Я снова благодарю ее, подписывая негласный договор о том, что ее статья будет сосредоточена на Джейке, о его восхождении и становлении лицом NHL, а не подольет масла в огонь и не даст почву новым сплетням и ужасным слухам.

Чувствуя уверенность и готовность к новым подвигам, набираю сообщение Башу.

Не смогу насладиться пончиками. Проснулась с расстройством желудка. Придется забежать в аптеку и отдохнуть. Позже позвоню в офис.

У Джейка вечером планы, так что он все равно не сможет присутствовать на обсуждении.

Отправляю, игнорируя покалывающее в груди чувство вины.

Вина — пустая трата времени. Я делаю то, что считаю лучшим для моего клиента. Если Башу не нравится мой способ, он может меня уволить.

Но надеюсь, что как только увидит то, что сегодня произойдет, поймет, что Шэйн знает лучше.

В любом случае, лучше же извиниться, чем просить разрешения?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Джейк

Мэдисон-сквер-гарден может вместить почти восемнадцать тысяч человек, но даже в лучшие времена эхо хаотично разносится вокруг. Звук отражается ото льда, шайбы бьются о борт и стеклянную защиту зрителей. Они ударяются три или четыре раза, затем проносятся в воздухе над толпой.

Даже в тренировочный день, как сегодня, когда места на стадионе почти пусты, я не могу заставить себя сосредоточиться на криках защитников, толкающихся рядом, на ругани, что доносится со скамеек, на хриплом дыхании сквозь защиту, но отчетливо слышу ее смех.

Словно звуки всего остального мира отключили.

Тренер Боско кричит открыться, коньки шуршат по льду, мужские голоса эхом разлетаются под куполом, а смех Шэйн разносится по воздуху. Он не громкий, но я сразу узнаю его, и эффект получается такой, словно кто-то выкрикнул мое имя в переполненной комнате.

Поворачиваю голову, проследив за тем, как Шэйн вместе с подружкой Калеба Уэста, Надей, проходит по лестнице в тренировочную зону позади меня.

Я отвлекся всего на секунду или две, но для Уэста этого оказалось достаточно, чтобы обойти меня слева, обвести и заблокировать путь. Я поворачиваюсь вправо, едва избежав столкновения с маленьким быстрым ублюдком. Мои коньки отрываются ото льда, когда я делаю восьмерку, а затем разворачиваюсь.

Теряю равновесие, и Уэст снова оказывается на мне — в этот раз с правой стороны — но я набираю скорость, сильно отталкиваюсь, открываюсь, добравшись до нападающих, занимаю позицию рядом с воротами. Колльер делает пас в мою сторону, и я направляю шайбу в правый угол, игнорируя вспышку боли в поврежденной руке во время движения. Пирсон бросается на шайбу всем телом, отбрасывая за секунду до того, как она влетела в ворота.

Мигом позже звучит гудок, прорезающий ледяной воздух и оповещающий о том, что схватка закончена. Я выдыхаю, расслабив плечи, за прошедшие годы я никогда не был так рад, что тренировка, наконец, закончена.

Я не ставлю себя в неловкое положение, ведь Пирсон — один из лучших вратарей в лиге, и нет ничего постыдного в том, что я не забил, но был чертовски близок к тому, чтобы пропустить пас. Женщина наверху в вишнево-красном пальто, оттеняющем ее щеки и пухлые розовые губы, что-то делала со мной.

Она словно солнечный свет: яркая, но чертовски прекрасная, что невозможно оторваться.

Не стыдно быть ослепленным прекрасной женщиной, особенно, когда катаюсь под взглядами семьи и друзей, и начинаю понимать, что решение предложить Шэйн билеты на сезон, было верным. Мне нравится наблюдать за ее милым личиком, смотрящим на меня с лучшего места, но вряд ли смогу хорошо отыграть, если Уиллоуби так раскроется.

Шэйн машет мне рукой, когда я проезжаю мимо и поднимает два больших пальца.

— Отличная работа! — кричит она.

Я не могу сдержать смех, хотя Грант и Нельсон тут же начинают отпускать шуточки в

мой адрес.

— Верно, Дракон, — говорит Уэст, хлопая меня по спине, — Действительно, хорошая попытка! Ты растешь на глазах!

— Иди на х*й, Уэст, — беззлобно говорю я, улыбаясь как идиот, когда прохожу в раздевалку мимо следующей группы, собирающейся на тренировку.

Спустя двадцать минут я принял душ, переоделся, выбросив спортивную форму в корзину для грязного белья. Решил побриться, поскольку был слишком измотан перед практикой, но желание увидеться с женщиной, ожидающей меня на трибунах, пересилило.

С тех пор как мы попрощались с Шэйн после вечеринки, у меня смешанные чувства. Часть меня хочет быть с Шэйн, но вторая часть понимает, что это... не совсем неправильно. Словно упускаю что-то важное.

Ее сообщение прошлой ночью немного расшевелило меня, но она недолго была со мной. Я лег спать, надеясь, что ночь поглотит дневное ожидание, а первая мысль, когда я проснулся, что через пару часов снова увижу Уиллоуби.

Женщина словно героин. Одна доза, один поцелуй, и я на крючке.

Веду себя как впервые влюбившийся юнец. Даже хуже. Когда я впервые влюбился, то в некоторой степени осознал, что это как-то связано с желанием попасть на более высокий уровень отношений с Бекки Скаркросс. Ее идеальная округлая грудь словно была стеклянными бутылками, наполненными водой, а я — шестнадцатилетний парень, умирающий от жажды.

И хотя меня определенно тянет к Шэйн — ведь последнюю ночь я провел в грязных, прекрасных мечтах, где на ней не было ничего кроме улыбки — я также жажду общения с ней, ее компании и желаю разгадать очередной кусочек паззла по имени Шэйн Уиллоуби.

На меня это не похоже. Да, я наслаждаюсь женщинами и по иным причинам, кроме траха, но обычно именно он стоит во главе списка. Особенно в самом начале.

Чувства приходят позже, после того, как женщина кончит пару дюжин раз. А затем однажды утром просыпаюсь в ее постели и чувствую, что лучше останусь и приготовлю завтрак, чем ускользну от нее, и тогда это действительно больше, чем секс. Никогда я не влюблялся так быстро, да и вообще долгие годы не испытывал искренних чувств.

Мое сердце защемило, когда я встретился с Шэйн взглядом через пустые трибуны, закончив эту прекрасную игру.

Мне следует насторожиться из-за чувства «нехватки чего-то», которое возникает после прощания с ней, хотя бы немного задуматься о своем состоянии. Понятия не имею, куда это приведет и что из этого выйдет. Возможно Шэйн не готова к чему-то большему, чем просто дружба, даже после всего, что произошло. Я буду полным кретином, если мое сердце разобьет та, кого я нанял, чтобы избавиться от худшей женщины в моей жизни.

Я стараюсь сдерживать свои мысли и не поддаваться порывам, но когда Шэйн улыбается и хлопает по сиденью рядом с ней, все, о чем могу думать, как она прекрасна, когда улыбается.

— Привет, принцесса, — я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, оправдываясь тем, что это ради поддержки имиджа перед командой.

В миг, когда наши губы встречаются, а кончик ее языка проникает ко мне в рот, я уже не думаю о представлении. Все мои мысли заняты ее вкусом — смесь карамели и кофе, вкус женщины, что не боится идти к своей цели — и тем, как хорошо ощущаются ее руки на моем теле.

Шэйн вцепляется в мои волосы и притягивает ближе, так сильно прижимаясь губами, что наши зубы соприкасаются, но меня это не волнует. Мне нравится, что она целует меня так крепко и глубоко, отвечая на действия моего языка, переплетая с ним свой.

Мне хочется целовать ее крепче, глубже. Хочется снять с нее одежду, прижать так близко, как только могут находиться два человека друг к другу, а затем сблизиться с ней еще сильнее. Хочу познать ее мысли, амбиции, тайны. Хочу смотреть на нее, погружаясь в ее лоно, и быть уверенным, что мы открыты друг перед другом и можем быть вместе.

Когда мы, наконец, отстраняемся, мое дыхание учащенное, а щеки Шэйна розовые, словно сладкая вата, и мне приходится бороться с желанием признаться, что наш поцелуй — лучшее, что произошло со мной за долгие годы.

— Ну, и тебе привет, — говорит она с блеском в голубых глазах. — Полагаю, ты простишь меня за то, что повела себя, как мамочка хоккеиста во время первого матча? Надя сказала, что девчонки обычно не болеют во время тренировки и не кричат «хорошая попытка».

— Вовсе нет. Это было мило, — смеюсь я.

Шэйн морщит нос.

— Я в этом не понимаю, но попытка была действительно хорошая. Особенно мне понравился момент в конце с разворотом. Если бы ты не был в хоккейной команде, то вполне смог бы присоединиться к «Айс капедо»⁵.

— Звучит так, словно ты жаждешь увидеть меня в облегающих трико? — я просовываю руки под ее ноги и кладу их на свои колени.

Шэйн выпрямляется с ехидной усмешкой.

— Думаю, так и есть. Теперь я похожа на пошлую старушку?

— Это не важно, если ты будешь моей пошлой старушкой, — выпаливаю я до того, как обдумать сказанное. — Прости, — тихо добавляю, не давая ей возможности ответить. — Просто не знаю, когда стоит переключиться в режим «просто друзья».

— Все хорошо, — она потягивается, убирая со лба выбившийся локон. — Думаю, нам стоит продолжать флиртовать. Так меньше возможностей ошибиться за вечерним ужином.

— Звучит прекрасно, — я молча праздную свою удачу. Если правильно все спланирую, то мне обеспечены восемь или девять часов прекрасного времяпрепровождения в обществе Шэйна. — Хочешь, я найду в интернет и закажу нам столик на семь или восемь?

— Нас уже ждут к семи в «Рэйнбоу Рум», — говорит Шэйн, широко распахнув глаза и сжимая руки в кулак. — Готов выскочить из огня да в полымя?

— Я же Дракон. Огонь — моя стихия, — говорю я, чувствуя ее возбуждение. — Это часть плана, о котором ты мне не рассказала той ночью?

Она кивает.

— Да. Мы можем отказаться, если посчитаешь это плохой затеей, но думаю, что именно это сейчас нужно, чтобы сменить тему обсуждения в социальных сетях и на форумах.

Шэйн посвящает меня в свой план, объясняя, что статья в GQ прекрасно повлияет на мою профессиональную карьеру и на меня лично, кроме того, убеждает в том, что за долгий день мы сможем лучше узнать друг друга, достаточно, чтобы сослаться на новые чувства.

— Это же новые отношения, вот и все, — говорит она. — Я не сказала Денису, как долго мы встречаемся, но намекнула, что не более двух месяцев. За такой срок мы не смогли бы полностью узнать друг друга, и будет неважно, если мы не сможем рассказать какие-то личные истории или цели на будущее.

— Согласен, — я хлопаю в ладони. — Так и поступим. Завтра команда должна лететь, так что смогу остаться допоздна. Только к семи утра нужно быть в аэропорту.

— Отвезу тебя даже раньше, но ты точно уверен? — спрашивает Шэйн, закусив губу. — Даже если Денис захочет сфотографировать нас во время танцев?

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Если ты не умеешь танцевать, могу взять тебя на руки, но знаешь, я предпочитаю стандартные вальсирующие движения. Так что просто позволь мне вести тебя.

— Ты умеешь танцевать балльные танцы? — она щурится.

— Я полон сюрпризов, принцесса, — подмигиваю я. — А что насчет тебя? Судя по твоим движениям, мне не придется носить тебя на руках.

— Ты прав. Я великолепно танцую, — говорит Шэйн с такой интонацией, словно обещает нечто большее, чем просто танцы.

Я напоминаю своему члену, что сейчас не время и не место, сосредотачиваюсь на ее улыбке.

— Хорошо, Дракон. Сделаем это. Для начала предыстория, а затем обсудим то, что может быть у нас общим.

— Звучит неплохо, — я киваю, не волнуясь, как следовало бы в такой ситуации.

Я не актер, но пока мы строим планы на будущее — массирую икры Шэйн, она возбужденно сжимает мою руку — и это вовсе не притворство. Напоминает мою первую игру в NHL, когда наблюдал со скамейки запасных за отличными спортсменами, которых боготворил, и не мог поверить, что теперь являюсь одним из них. Играть роль влюбленного в Шэйн парня казалось таким правильным, никакого позерства и притворства.

К тому времени, как мы закончили, я сожалею, что не встретился с Шэйн во время пробежки в центральном парке, догоняя чихуахуа ее подруги, сбежавшую с поводка. И нам не следует волноваться ни о чем, кроме как выбрать место для ужина или у кого провести ночь.

— Вероятно, нам пора, — говорит Шэйн, посмотрев на часы два часа спустя. Вторая команда покидает лед, а кофе, который я принес посреди игры, остыл. — Мне нужно принять душ, переодеться, а то моя задница затекла от сидения на этом кресле.

— Могу помассировать, — невинно предлагаю я.

— О, серьезно, можешь? — со смехом спрашивает она. — Готов пойти на такую жертву?

— Мне бы не хотелось отправлять тебя на холод с онемевшей задницей, — говорю я. — Ты можешь замерзнуть и не осознать этого, пока не будет слишком поздно.

Шэйн снова смеется. Хриплый звук, от которого мне хочется посадить ее на колени и целовать, пока не издаст более сексуальные звуки только для меня.

— Сейчас октябрь, Дракон. Не думаю, что мне грозит опасность замерзнуть, но можешь предложить мне подобное в декабре, и возможно я воспользуюсь услугами по массажу своей задницы.

— Декабрь... Мне нравится, — мы смотрим друг на друга, и кажется, что между нами проскочила какая-то искра, что-то настоящее и интимное, особенное для двух людей, едва знающих друг друга.

На секунду мне кажется, что сейчас она скажет мне притормозить и отступить.

Вместо этого Шэйн опускает взгляд на свою руку, зажатую между моим бицепсом и ребрами, чтобы не замерзнуть.

— Декабрь — это мое любимое время года. Знаю, что это по-детски, но мне не хватает рождественской суеты в городе. Пустите меня покататься на коньках в Рокфеллер-центр, дайте горячего шоколада под елью и билет на спектакль Рождественских ракет. И я стану самой счастливой!

— Я запомню это, — обещаю ей, — Люблю радовать тех, кто мне нравится.

— Кстати, к разговору о тех, кто тебе нравится, — она кашляет и сжимает пальцы на моей руке. — Или тех, кто нравился. Утром меня навестила Кери.

— Что? — улыбка исчезает так быстро, что челюсть сводит. — Ты шутишь!

Шэйн качает головой, все еще отводя взгляд.

— Эм, нет. К сожалению, не шучу. Кажется, на сайтах никто не знает, кто я, так что понятия не имею, как она узнала, где я живу. Кери предупредила меня, что настолько опасна, что лучше с ней не соперничать. Возможно, у нее какие-то преступные мысли.

Ругаясь себе под нос, я поднимаюсь и отхожу от Шэйн, впервые почувствовав холод за сегодня. То, что Кери достает меня, вполне обыденно, но знание того, что она преследует Шэйн, бесит меня.

Это так... пугающе.

— Или она суперхакер, — с легкостью продолжает Шэйн. — Обладает суперхакерскими способностями, заполучила мой номер, раскрыла, кто я и где живу, основываясь лишь на фото. А может Кери шпионка! У меня есть друг, которого я считала шпионом, но оказалось, что это не так...

— Это не смешно, — я поворачиваюсь к ней лицом, держа руки по бокам и сжимая кулаки. — Почему ты не рассказала мне, когда пришла сюда?

Шэйн встает, опуская рукава пальто до запястий.

— Не знаю. Полагаю, мне не хотелось начинать с раздражающей нотки. В любом случае, никто из нас ничего не может с этим поделать. Ты же не хочешь, чтобы я пошла в полицию, верно? — она хмурится. — Кстати, как твоя рука?

— Лучше и быть не может, — лгу я, сжимая челюсть.

— Конечно, но ты прекрасно справляешься даже раненый. Наблюдая за тобой, я не догадалась бы, что у тебя есть повреждения, — Шэйн вздыхает, осознав, что не хочу говорить о сувенире, что оставила мне бывшая, когда я вышвырнул ее. — Кроме того, Кери не сказала ничего такого, ради чего стоило бы писать заявление. Сообщила, что вы оба влюблены, что после пары свиданий со мной, — она делает в воздухе символические кавычки, — ты устанешь от гребанной куклы Барби. Затем пыталась угрожать и строить из себя крутую, но поскольку она вся размером с мою ногу, эффекта это не произвело.

Я хмурюсь, упорно стоя на своем.

— Мне это все еще не нравится. Не нравится, как легко Кери добралась до тебя и как быстро. И мне не нужно теперь рассказывать тебе, насколько она опасна.

— Нет, не нужно, — Шэйн смотрит на меня так пронзительно, — но я рада, что ты, наконец, осознаешь истинную опасность. Хороший первый шаг к тому, чтобы избежать очередной раны. И указывает на возможность двигаться вперед и предпринять более решительные действия. Возможно, мне не хватало знаний, поэтому не совсем правильно действовала прежде.

— Каких знаний? — я выгибаю брови.

— О том, что заставит эту женщину оставить тебя в покое.

Она подходит ближе, кладет ладони мне на грудь, передавая волну осознания и

беспокойства, проникающую в меня. Даже сейчас, когда меня волнует ее безопасность, я не могу сдержаться. От ее прикосновений моя кровь нагревается.

— Мы должны постараться сегодня, Джейк, — продолжает Шэйн тихим голосом. — Нужно чтобы Денис и все присутствующие поверили в нас, в сказку о любви с первого взгляда, в которую люди верят даже тогда, когда им говорят, что ее не существует. Если мы сможем добиться этого, люди станут говорить о нас, а не о твоей бывшей. Или о том, что произошло между вами в твоей квартире. И если говорить будут достаточно громко, Кери, возможно, осознает, что бесполезно продолжать отнимать твое время.

Я накрываю ее ладони своими, прижимая их ближе к груди.

— А если нет?

— Если нет... — она приоткрывает рот, опустив взгляд на мои губы. — Тогда я решу притвориться, что в моей духовочке готовится булочка.

— Моя булочка, — поправляю я, и меня распирает от этой мысли. Это вымышленный ребенок, вымышленный секс, но никогда прежде меня не цепляли фантазии о том, чтобы уложить женщину. И кому-то первобытному внутри меня нравится мысль о том, чтобы эта женщина родила от меня. Хочется трахать ее снова и снова, пока сомнений в том, что Шэйн носит моего ребенка, больше не возникнет.

Еще одна безумная мысль, очередной безумный порыв, но сейчас меня волнует лишь одно — что мой стояк проделает дыру в джинсах и предстанет перед женщинами, сидящими несколькими рядами ниже. Когда я рядом с Шэйном, все, о чем я могу думать, как оказаться к ней ближе.

— Твоя булочка, — повторяет она, кивая, — но надеюсь, что для этого не дойдет.

— Надеюсь, что нет.

Шэйн выгибает губы в кривой усмешке.

— Не уверена, что ты всерьез, Фальконе. Кажется, тебе нравится мысль о том, чтобы стать папочкой.

— Конечно же, нет. Я очень занят, Уиллоуби, — говорю я, притягивая ее ближе.

— А я — королева Англии, — хмыкает она.

— Ваше величество, — бормочу я, наклоняясь для прощального поцелуя. Долгого, неторопливого, сексуального, во время которого мои руки лежат на заднице Шэйна, а язык проникает так глубоко, что абсолютно не требуется, но меня не волнует. Все, что меня заботит, это получить еще больше от нее, перейти грань между реальностью и фантазией, заставить Шэйна увидеть, что это вовсе не притворство.

Она должна быть моей.

И сегодня вечером я хочу предпринять одно дело, которое добавит немного удовольствия к нашему деловому соглашению.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Шэйн

Мы договорились встретиться в вестибюле Рокфеллер-центра в половине восьмого, чуть позже остальных приглашенных на обед и танцы. Лифты в здании работали круглосуточно, поднимая туристов на крышу, чтобы полюбоваться на городские пейзажи, а завсегдаев «Рэйнбоу рум» — в бар и ресторан на шестьдесят пятом этаже. Однако сегодня и бар, и ресторан были арендованы для личного мероприятия.

Я приезжаю раньше — проклятие тети Тэнси, которая говорила, что прийти раньше — это хорошо, а вовремя означает опоздать. Джейк уже ждет меня.

Бл*ть. Прекрасный, сексуальный и одержимо пунктуальный мужчина.

Успокойся, мое бьющееся сердце.

Мой Дракон прислонился к дальней стене, одетый в черный фрак, обтягивающий его широкие плечи. Золотистый свет ламп подчеркивает угловатые черты его лица, делаая его немного опасным, словно он криминальный авторитет из одна тысяча девятьсот двадцатых годов или детектив, который убивает плохих ребят, преступая черту закона. Он чертовски привлекателен, настолько прекрасен, что у меня дыхание перехватывает.

Я замираю в дверном проеме, открывая и закрывая рот. Мне не хватает кислорода, когда сексуально-обжигающий бог стоит всего в десяти футах от меня и падает мне предупредительные красные сигналы.

Кажется, Джейк тоже доволен увиденным. Или одержим идеей сорвать зубами серебристое коктейльное платье с моего тела и пропустить ужин, забыв об омарах и стейке, ожидающих на шестьдесят пятом этаже. И о да, я согласна поддержать эту идею. Закусываю нижнюю губу, чтобы не выпалить что-то вроде: *«Давай пропустим вечеринку и проведем время более приятно, избавившись от одежды»*.

Но как только наши взгляды встречаются, тысячи пошлых мыслей проносятся в моей голове, одна грязнее другой. Я настолько погрузилась в зону похоти, что спотыкаюсь на пути к лифтам.

К счастью, несостоявшееся падение возвращает к работе мои легкие, посылая кислород в мой наполненный гормонами мозг. К тому моменту, когда Джейк подхватывает меня под локоть, удерживая, голова лишь слегка кружится.

Он нежно сжимает пальцы вокруг моей руки.

— Ты в порядке?

— Ага. Да, — говорю я с придыханием. — Все в порядке.

— Уверена? Ты, кажется, нервничаешь.

— Нет, — качаю я головой. — Не нервничаю. Все хорошо.

Фальконе приподнимает бровь, проводя пальцами по моей руке, и я чувствую заботу.

Боже, знает ли он, какое воздействие оказывают на меня его прикосновения?

— Уверена? — спрашивает он. — Потому что ты все существительные местами перепутала в последних предложениях.

— Прости, — смеюсь я. — При первом знакомстве с красавчиком у меня лексикон хромает, — говорю, стараясь сформировать связное предложение и выразить одобрение его действиям. — Ты перешел на новый уровень, друг мой.

Его ответная ухмылка — это смесь дерзости и желания угодить, что абсолютно очаровательно.

— Рад, что ты одобрила.

— О да. Это действительно так, — я рассматриваю зачесанные назад черные волосы, сшитый на заказ черный костюм, обтягивающий его широкие плечи, серые брюки, которые не дают разгуляться воображению, подчеркивая крепкие бедра и ноги Джейка Фальконе.

Но мне это нравится.

Никакое воображение не может превзойти величие твердой, мускулистой задницы этого мужчины. Кто-то должен сделать слепок его задней части, выставить в музее Метрополитен и назвать «Самая мускулистая в мире задница», оставив ее на память потомкам.

— Мне обернуться? — Джейк улыбается, заметив, как я наклоняюсь, чтобы рассмотреть его.

Я краснею и качаю головой.

— Нет, все хорошо. Я поглазею на тебя позже, когда ты выпьешь пару бокалов шампанского и перестанешь обращать на меня внимание.

Он обнимает меня за талию, притягивая так близко, что жар от его тела согревает каждую мою частичку, продрогшую в такси на пути сюда.

— Не стоит ждать. Мне нравится чувствовать на себе твой взгляд. Это придает мне уверенность.

Я фыркаю, закатив глаза и стараясь притвориться, что мой пульс не бьется где-то между ног и все мои мысли не собираются вскочить на поезд «вперед, к действиям».

— Потому что ты слишком не уверен в себе.

— У меня есть свои недостатки. Как и у всех, — он прижимает меня крепче. — Но ты действительно готова к этому?

— Готова ли я? — повторяю его вопрос, пока мысли снова летят под откос, а в мое бедро упирается что-то твердое, очевидное доказательство того, что Дракону нравятся мои действия.

Боже, этот мужчина впечатляет, и становится все трудней и трудней играть в притворство. Но помню ли я, каким диким, безумным безрассудным может быть секс после года одиночества? Насколько я могу судить, моя вагина сейчас наполнена лишь паутиной и паучками.

Я имею в виду, что кроме волшебного зеленого вибратора Шрека и нескольких тампонов, там ничего не было. Настоящий город-призрак. Долгое время ни один разумный человек не удостоился возможности отправиться на исследовательскую миссию.

Что, если Джейк обнаружит внутри целый выводок крыс, обжившихся в моей вагине? Или что-то похуже? Хотя мне сложно было думать сейчас о чем-то более гнусном, нежели бесшерстные крысы. Они омерзительные, безволосые, с когтями...

— Шэйн? — Джейк осторожно встряхнул меня.

— Что? — сглатываю я, нахмурившись. — Ты что-то сказал?

— Я спросил, не считаешь ли ты, что нам стоит уйти, пока не стало слишком поздно? — спрашивает он, провожая взглядом хорошо одетую пару, направляющуюся к лифту. — Если ты передумала, то не страшно.

— Нет, не передумала, — я сжимаю ладони в кулаки, стараясь собраться и придать ему столь необходимую уверенность. — Я готовилась. Мы так готовились. Честно, не о чем

волноваться. Как только мы войдем, я стану идеальной женщиной. Просто... на секунду замешкалась.

«Пока размышляю о том, как заняться с тобой диким, безумным и безрассудным сексом», — мысленно добавляю я, потому что даже молчаливая исповедь дает душе очищение.

— Ты и так идеальна, — говорит Джейк. — Просто будь собой.

— Проклятье, — вздыхаю я, снова тая, — я начинаю понимать, почему тебе так везет с женщинами, Фальконе.

«Верно, Шэйн», — раздается в моей голове менее возбужденный голос, — «вспомни, сколько женщин прошло через его постель до тебя».

Неважно насколько он очарователен, но реальность такова, что Джейк Фальконе — бабник, а последняя женщина, с которой он был, съехала с катушек. Мужчина, который спит с чокнутыми, не лучший первый любовник после длительного застоя, не считая того, что он — твой клиент.

Клиент, Шэйн. Это бизнес. Работа!

Я делаю глубокий вдох и почти восстанавливаюсь, когда Джейк кладет свою большую, теплую ладонь мне на щеку, и кровь вновь пульсирует по моим венам.

— Я не хочу говорить о других женщинах, — уточняет мужчина серьезным тоном. — Не хочу ни говорить, ни думать о них. Хочу быть здесь, с тобой, единственной женщиной, что занимает мои мысли. И мне было бы приятно, если бы я был единственным твоим мужчиной.

— Так и есть, — я дрожу от прикосновения его большого пальца к моей нижней губе. — Могу с уверенностью сказать, что сейчас все мои мысли заняты Джейком.

У него темнеют глаза.

— Хорошо. Давай так и продолжим.

А затем он целует меня, и я снова вспыхиваю. Он требовательно проникает языком в мой рот, передает свое тепло, свой голод. Его волшебные руки притягивают меня ближе, поток безумных мыслей, словно электрический ток, заставляет кровь бежать по венам.

Проклятье, этот парень отлично целуется.

Он целует меня до тех пор, пока мое тело не слабеет, сбивается дыхание, а пауки и крысы больше не пугают меня. Меня больше ничего не волнует. Джейк Фальконе, черт его побери, тот самый мужчина, который ни перед чем не остановится.

— Боже, ты сводишь меня с ума, — говорит он. Челюсть напряжена, руки запутаны в моих волосах. — Полное безумие. На всю оставшуюся ночь ты моя, принцесса. Никаких запретов, чтобы люди поверили в сказку. Готова?

— Готова, — я прижимаюсь к нему, отбрасывая все благоразумные мысли. — Да. И еще раз да.

— На что именно ты говоришь да? — мужчина кладет руку на мое бедро.

— Я согласна на волшебную сказку. Да, сделаем так, чтобы люди поверили.

— И ты принадлежишь мне, — он скользит ладонью вверх по моему телу, проводит по ребрам, от чего мои соски болят. — Вот что я хочу от тебя услышать, принцесса. Что ты моя.

— Я твоя, — говорю я, окончательно потеряв самообладание. Никогда прежде мне не нравились «альфа-самцы, предъявляющие права на женщин», но теперь я стала фанаткой одного из них. Истинной фанаткой. Такой рьяной поклонницей, что не стала бы возражать даже если Джейк задерет мне юбку и трахнет прямо на пути к «Рэйнбоу рум», чтобы

доказать свое право на меня.

Боже, помоги мне, но единственной мысли достаточно, чтобы трусики стали еще влажнее.

— Хорошая девочка, — он кивает, прикусив нижнюю губу. — Хотя мне хотелось бы услышать это еще пару раз.

— А мне бы хотелось, чтобы ты больше не кусал губы, — говорю я, позволяя ему сопровождать меня к лифту.

— Почему же? — Джейк смотрит через плечо, все еще производя на меня эффект.

— Потому что у меня возникает желание тоже прикусить твою губу, — признаюсь я, — А может и пару других мест на твоём теле.

— Мне бы хотелось получить полный список для дальнейшего согласования, но пока обойдемся тем, что будет на столе, — он улыбается — порочно, бесстыдно — от чего я смеюсь, хотя это грозит мне тем, что я останусь без трусиков.

— Плохой Дракон, — мурлычу я у кабинки лифта. — Очень плохой.

Он подмигивает.

— Я еще даже ничего не сделал, принцесса, — берет меня за руку и тянет в пустой лифт. Спустя пару секунд, мы поднимаемся в воздух. Машина движется также быстро, как кровь по моим венам.

Джейк

Мне надо сосредоточиться на том, чтобы эта пиар-акция удалась. У GQ огромная аудитория, а «Рэйнджерс» — медиа-машина, которая расширит охват профиля и привлечет больше прессы.

Сегодня вечером я либо получу нечто хорошее для поддержания своей карьеры, либо разрушу свое будущее. Профиль в журнале может стать чем-то средним между невысказанными обвинениями Кери, нависшими над моей головой грозowymi тучами, и легкой фанатской историей, в которой будет фигурировать мое имя.

В идеале я бы хотел держать свою личную жизнь в тайне, но с тех пор, как наши отношения с Кери из просто плохих переросли в нападение с применением оружия, это стало невозможно. И теперь моя репутация и репутация моей семьи, живущей в пригороде, висят на волоске.

Любой придурок с мозгом метрополитеновской крысы способен придумать новый способ, чтобы все испортить. Мы с Шэйн знаем друг друга всего пару дней, и неважно, как сильна химия между нами или как хорошо мы все спланировали, любой из нас может это разрушить под давлением.

Но мне трудно сосредоточиться на чем-то, кроме находящейся рядом женщины, которая обнимает меня за талию, прижимаясь к моей груди. Ее светлые шелковистые волосы проскальзывают сквозь мои пальцы, пока я краду еще один поцелуй. Ее рот словно манит меня, а вкуса губ достаточно, чтобы поддерживать меня в возбужденном состоянии. Мой член почти готов к тому, чтобы затвердеть в ту же секунду, как Шэйн подаст сигнал, что хочет чего-то большего, чем просто притворство.

Что она хочет меня. Хочет, чтобы я заставлял ее кончать, демонстрируя каким я могу быть терпеливым, чтобы доставить ей наслаждение.

«Притормози, малыш», — напоминаю себе.

С такими штанами будет непростительно, если член затвердеет. Хотя, учитывая скорость, с которой мы движемся, совсем скоро я опозорюсь.

Мы на вечеринке всего двадцать минут, и за это время я уже пять раз поцеловал Шэйн. Искушение использовать эту ночь на полную оказывается слишком сильным. Я же мужчина, который всю свою жизнь контролировал себя, отказываясь уподобляться старику, который испортил мое существование еще до того, как оно началось, а сейчас я откидываю к черту всю свою сдержанность ради красивой женщины.

Но она более чем прекрасна. Шэйн умная, милая, забавная, немного неправильная и такая сексуальная, что я начинаю ненавидеть свои брюки. *Почему я не выбрал что-то более свободное, чтобы избавиться себя от страданий?* Хотя, должен признать, что то, как Шэйн покраснела, увидев мою задницу, того стоило.

— Приготовься, — шепчет она, почти касаясь моих губ своими, с привкусом мохито. — Дениза идет через танцпол.

— Это значит, что мне надо перестать тебя целовать?

Она улыбается.

— Ненадолго. А затем мы снова можем стать парой, которая заставляет всех вокруг

чувствовать себя неловко и ревновать.

— Звучит заманчиво, — говорю я.

Я наслаждаюсь этим вмешательством больше, чем представлял. И если добьюсь своего, то мы с Шэйн насладимся этим еще дольше. Вечер перейдет в ночь. И я не уйду, пока не покажу Шэйн, что мой «джонс» готов для нее полностью.

— Вот вы где! — за девчачьим восклицанием следуют хлопки в ладоши. — Бог мой, вы двое — самая очаровательная, сексуальная, сказочная пара, которую я видела! Не могу сдержаться!

Я поворачиваюсь и вижу брюнетку лет тридцати пяти с элегантными чертами лица, со вкусом подобранным макияжем, одетую в гламурное голубое платье. Ее внешний вид не соответствует детскому голосу и чрезмерному энтузиазму.

— Я Дениза! Рада знакомству, мистер Фальконе, — она протягивает свою ладошку. — Я ваша большая фанатка.

— Прошу, зовите меня просто Джейк, — я беру ее за руку и слегка сжимаю. — Рад познакомиться с вами. Очень взволнован своим присутствием здесь.

— О, я тоже! — она снова хлопает в ладоши. — Обещаю, мы очень весело проведем время. Все будет безболезненно и красиво. А теперь иди сюда, Шэйн, великолепное создание. Обними меня.

Шэйн тянется к женщине со смехом.

— Как ты, Ди? Прекрасно выглядишь. А твое платье... Обожаю.

— Спасибо-спасибо. Рада наконец-то, что вытасила его из шкафа, — Дениза крепче обнимает Шэйн и отстраняется, хихикая. — Простите, у меня немного кружится голова. Я выпила два бокала шампанского и собираюсь набраться смелости, чтобы пригласить Хорхе на танец. У меня давно было такое желание, а пока в воздухе витает романтика, пришло время вспомнить, что я женщина и воспользоваться моментом.

Шэйн улыбается.

— Как душевно. И не надо извиняться. Нам с Джейком нравятся люди, способные на безрассудные поступки. Верно, малыш?

— Безусловно, — я снова обвиваю ее рукой за талию, вовсе не радуясь моменту разлуки с ней, даже на пару мгновений. — Черт, у меня тоже немного кружится голова.

Дениза со счастливым вздохом сплетает руки.

— О, я заметила. Наблюдала за вами с другого конца комнаты, и вы просто сияли. Просто излучали сияние. Снимки получатся превосходными. Не могу дождаться, когда приведу вас обоих в порядок и отправлю в сказочное место. Может, в галерею, если будет хорошая погода,

— В порядок? — я бросаю на Шэйн косой взгляд.

— Не сегодня, — Дениза спешит ответить, до того, как Шэйн сделает это. — То, во что вы сейчас одеты, подойдет для пары снимков для затравки. Мы прибережем макияж и одежду для следующей нашей встречи. К тому времени я смогу понять, что ищу, и сообщить об этом художественному директору. Согласны?

— Звучит заманчиво, — вру я, размышляя, не вляпался ли я во что-то большее, чем рассчитывал.

Шэйн ничего не говорила о фотосессии. Я редко соглашаюсь на интервью, тем более наряжаться и позировать перед камерой. Последний раз я ввязался в подобное на благотворительном вечере «Пасхальных морских котиков», где мне пришлось надеть заячьи

ушки и фотографироваться с детьми. Команда называла меня Топотун⁶ на протяжении всего сезона.

— Ну да, звучит здорово, — без особого энтузиазма соглашается Шэйн.

Дениза смеется.

— Не волнуйся! Я знаю, что ты ненавидишь фотографироваться по какой-то безумной причине, — Ди поворачивается, кладя ладонь мне на руку. — Я говорю о том, что если бы выглядела, как она, то фотографировалась постоянно, верно? — Она поворачивается к Шэйну с цокающим звуком. — Но я знаю, что ты скромная, так что я пригласила лучшего фотографа. Он поможет вам обоим расслабиться и сделать убийственные снимки. Это будет мило и безболезненно, и вы сможете унести кое-что великолепное в свою спальню. Сегодня мы просто немного поболтаем и прибережем более значимые вопросы для следующей встречи, когда будет больше уединения, — она машет обеими руками. — Присоединяйтесь к моему столику. Я заняла тот, что в углу, где нас не услышат.

— Показывай дорогу, — Шэйн пожимает мою руку, пока Дениза проходит через танцпол, направляясь в длинную стеклянную комнату на противоположной стороне. — Прости, — добавляет она едва слышно. — Она ничего не говорила про фотосессию. Речь шла о паре встреч: здесь и еще одной за поздним ужином.

— Все хорошо, — говорю я, уже считая эту идею нормальной. — Она права. Тебе стоит перестать стесняться камер.

— Я не стесняюсь. И не возражаю против фото с друзьями, например. Но эти постановочные позы, вспышки и моментальные фотоснимки... Я нервничаю из-за них.

— Тогда я попрошу, чтобы она отменила фотосессию. Не хочу, чтобы ты чувствовала себя неловко.

— Ни в коем случае, — говорит она, качая головой. — Я справлюсь. Мы сделаем это, и все будет здорово. Никаких проблем. Это просто фото.

Я сжимаю ее руку.

— Спасибо, принцесса.

Она улыбается, пока мы движемся к кабинке.

— С удовольствием, Дракон.

— О Боже, да! — Дениза плюхается на обитое войлоком сиденье в кабинке. — Именно так! Принцесса и Дракон! Член королевской семьи Нью-Йорка и самый опасный мужчина на льду. Вот моя точка зрения! — она посылает воздушные поцелуи через стол. — Благослови вас Господь. Твой профиль сейчас самый простой.

— Рада помочь, — Шэйн проскальзывает мимо меня в кабинку. — А с меня бутылка шампанского с твоим именем, если заставишь Джейка надеть костюм дракона на фотосессию.

Я устраиваюсь рядом с ней, улыбаясь, обнимаю ее за плечи.

— Я надену костюм дракона при условии, что ты нарядишься принцессой-воительницей. Никакого розового и струящегося.

— Почему это? — Шэйн наклоняет голову, довольно улыбаясь и дразня меня, от чего я сразу отвечаю.

— Потому что ты слишком смелая, чтобы ждать, когда кто-то спасет тебя, — я ловлю локон ее волос, накручиваю на палец. — И потому что считаю, ты будешь выглядеть невероятно в кожаном бюстье с мечом в руках.

Она загадочно улыбается, но в ее глазах пляшут огоньки.

— Только бюстье и меч? Больше ничего?

— Или просто меч, — с усмешкой говорю я. — Но только наедине. — Моя улыбка тускнеет, когда думаю о том, что кто-то еще увидит Шэйн в кожаном бикини. — Или еще вариант: я буду драконом, а ты принцессой, что живет в какой-то холодной стране и любит надевать шубу, прежде чем выйти куда-то.

— Так тебе не нравится демонстрировать ее всем? — спрашивает Дениза более сосредоточенным тоном, что дает понять — интервью началось.

— Эм... Не совсем, — я ощущаю нервное покалывание впервые с прибытия на вечеринку. Под столом Шэйн слегка сжимает мое бедро, молча демонстрируя поддержку. Я смотрю на нее, чувствуя себя лучше. — Человек, с которым я встречаюсь, в первую очередь личность, а не показатель статуса.

— Но ты встречался со множеством женщин, по которым можно сделать именно такой вывод, — говорит Дениза, демонстрируя, что под игривой внешностью скрывается профессиональный репортер. — Если это не показатель статуса, тогда почему бы не встречаться с простой женщиной, а не нью-йоркской знаменитостью? Почему выбираешь актрис, моделей и кантри-музыкантов?

— Я не обсуждаю прошлые отношения, — говорю я ровным тоном. — Но большинство этих женщин были знаменитостями, как и я. Они понимали, что значит находиться под пристальным вниманием. Мне не приходилось волноваться о том, что каждый их день проходит под объективами камер. Как частное лицо, меня беспокоит состояние женщин, находящихся рядом со мной.

— Любопытно, — кивает Дениза. — Вот почему ты умалчивал так долго о Шэйн и мисс Уорнер?

— Дениза, — с осуждением в голосе говорит Шэйн. — Ты говорила, что не станешь затрагивать эту тему.

Дениза невинно моргает.

— О? Правда? Не думаю, что говорила такое. Я не собираюсь продавать копии распространенных слухов, мне нужны факты, — она поворачивается ко мне и смотрит своими пронзительными карими глазами. — Однако, если Джейку неудобно говорить об этой части его прошлого, можем перейти к следующей теме.

— Все в порядке, — я натянута улыбаюсь. — Да, я привык держать в тайне подобные вещи, когда встречаюсь с тем, кто не мелькает на публике. Если наши отношения закончатся, мне не хотелось бы, чтобы ее преследовали журналисты и папарацци. Это должен быть осознанный выбор самой женщины, а не заноза в заднице, спровоцированная парой совместных ужинов.

— Но все же ты здесь, — Дениза с улыбкой склоняется к нам, подпирая подбородок кулаком. — Согласился дать интервью для профиля в известном журнале с женщиной, у которой вся жизнь состоит в сокрытии личной жизни. Которая сбегает каждый раз, когда «Пэйдж Сикс» направляет фотографов, чтобы сделать снимки для обложки. Что с вами не так?

— Полагаю, ты знаешь ответ на свой вопрос, — обрывает ее Шэйн своим милым, но уверенным тоном. — Никто из нас не готов рассказать что-то особенное, но вот что я скажу — чтобы защитить невинного человека я пойду на многое, особенно когда дело касается моей любимой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Джейк

В груди все сжимается, обхватываю плечи Шэйн рукой. Она смотрит на меня и между нами снова пробегает электрический ток осознания и узнавания.

Мы едва знакомы с этой женщиной, но складывается впечатление, что давно друг друга знаем.

Она такая... настоящая. Шэйн — стопроцентная Шэйн. С момента нашей встречи она демонстрирует себя настоящую и требует того же от меня. Хотя половина сказанного за сегодняшнюю ночь — ложь, когда смотрю в ее глаза, понимаю, что четко стою на своем.

Я с подругой, которой могу доверять, не потому что плачу ей за роль подставной женщины, а потому что она выбрала мою сторону.

— Спасибо, — тихо говорю я, надеюсь, что она знает, о чем я.

За все, что она делает.

— Обращайся, — она пристально смотрит на меня, вызывая ощущение, словно больше никого нет в комнате. — Ты стóишь того, чтобы выйти из зоны комфорта.

— А что насчет тебя, Джейк? — голос Денизы звучит отстраненно снаружи круга, созданного мной и Шэйном. — Готов ли ты выйти из зоны комфорта ради любимой женщины?

— Я покинул ее с того самого дня, как встретил Шэйн, — говорю я, сосредоточенно глядя в ее прекрасные голубые глаза. — Один взгляд на нее, и я забыл о том, что являюсь осторожным, циничным ублюдком, который всю свою жизнь никому не мог доверять.

Шэйн ухмыляется, и темнота, в которую была погружена кабинка, озаряется от ее улыбки.

— Не преувеличивай, Фальконе, — говорит она хрипло, — Если я правильно помню, прошло минут десять-пятнадцать. Мне пришлось накричать на тебя сперва, чтобы ты вел себя приличнее.

О такой истории мы ранее не договаривались, но мне не важно. Так даже лучше. Потому что это реальная история, и с Шэйном я каждый раз превосходил притворство.

— Ты права, — я прижимаю ее крепче. — Сперва ты накричала на меня, но я это заслужил. Спасибо, что терпишь мою ворчливую задницу.

— С превеликим удовольствием, малыш, — говорит она с сияющим взглядом. — С чистым и превеликим удовольствием. Я давно не была так счастлива.

И в этот момент, когда невероятная женщина смотрит на меня так, словно я действительно это заслужил, напрочь забываю о Денизе. Забыл о том, как познакомился с Шэйном и обстоятельствах знакомства, о своей бывшей, которая делает все возможное, чтобы разрушить все мои шансы на новые отношения.

Я забываю обо всем, кроме теплого обволакивающего взгляда Шэйна и ее обворожительной улыбки, которую мне хочется сохранить.

Но затем Дениза снова хлопает в ладоши, и туман развеивается, вытаскивая меня в реальность до того, как я сделаю что-то безумное, например, спрошу Шэйна, не желает ли она переехать ко мне, сбежать на необитаемый остров и ничего не делать целыми днями.

Я не собираюсь торопить события или делать что-то, что напугает и оттолкнет ее. Если она скажет мне, что не готова к чему-то, кроме дружбы, я подожду. Подожду столько,

сколько нужно, потому что она стоит того, чтобы ждать. И не важно, как сильно мне хочется заняться с ней сексом сегодня и, проснувшись, увидеть на подушке ее золотистую головку.

— Что ж, считайте, что подкупили меня, дорогие, — Дениза поднимает руку, привлекая проходящего мимо официанта, и берет бокал шампанского с подноса, который он опускает перед ней. — Я ваша фанатка. Большая фанатка. Давайте начнем по-серьезному. Расскажите мне, как вы познакомились? Что вам нравится друг в друге больше всего? Какие у вас мечты и надежды на совместное будущее?

Шэйн начинает с немного измененной истории о «дне нашего знакомства», и дальше разговор потек легко. Наша подготовительная работа дала свои плоды. Мы рассказали только половину нашего арсенала «историй о милой паре», когда Дениза допила свой четвертый бокал шампанского и объявила, что наше первое интервью вышло ошеломительным.

— Теперь если вы, ребята, не возражаете, вернемся на танцпол. Я позову Нельсона сделать пару фотографий для блога, и мы пойдем, — Дениза поднимается, поправляя платье. — А затем вы свободны. Можете насладиться вечеринкой, поесть, потанцевать, пока есть время. Но не уходите, пока они не начнут резать торт в виде гитары. Он с лимонным курдом, который является райским наслаждением. — Она поднимает глаза к потолку, в мольбе складывает ладони. — Ради этого я не пропустила ни одного занятия на прошлой неделе. Я дегустировала его в пекарне, пока Хорхе не было в городе. Уверена, что издавала оргазмические звуки, когда пробовала кусочек за кусочком. И не могла сдержаться.

Шэйн смеется.

— Уверена, тебе необходимо закинуть в рот хоть немного углеводов, прежде чем идти танцевать с Хорхе. Тебе уже хорошо?

— Я достаточно набралась, — подмигивает Дениза. — Пожелаешь мне удачи?

— Удачи, — говорю я. — И еще раз спасибо за приглашение.

— С удовольствием, — сияя говорит Дениза. — Правда. Я надеюсь, что вы хорошо проведете время.

Я выскользываю из кабинки, держа Шэйн за руку.

— Можно пригласить тебя на танец, красавица?

— Конечно, красавчик, — она обвивает пальцами мои, ощущая чувственные прикосновения более интимными местами.

— Спасибо, что заботишься о нас, Дениза, — говорит Шэйн.

— Конечно, — Дениза шевелит пальцами. — Приятно познакомиться с тобой, Джейк. Простите, что заставляю вас нервничать, но вы же знаете, что я репортер. В этом моя работа — несносность и назойливость.

Я улыбаюсь.

— Не волнуйся. Это весело. С нетерпением жду следующей встречи.

— Лжец, — шепчет Шэйн, как только мы выбираемся подальше от лишних ушей.

— Вовсе нет, — я обнимаю ее правой рукой за талию и протягиваю левую руку. — Я прекрасно провожу время.

Она тихонько кладет пальцы поверх моих и нежно пожимает.

— Знаешь, я почти поверила. Но что случилось с Джейком Фальконе, который ненавидел встречаться на публике?

— Он встретил девушку, — говорю я, ведя ее в вальсе. Она поддается, словно мы годами танцевали вместе, подтверждая мое подозрение, что мы чувствуем друг друга. — На самом

деле женщину. Невероятную, уникальную, обворожительную, которая заставляет меня забывать то, что обычно волнует.

— Так то, что ты сказал, правда? — в ее голосе звучат серьезные нотки. — Я действительно выталкиваю тебя из твоей зоны комфорта?

— Ты не выталкиваешь. Не обязана, — я опускаю ладонь на ее поясницу, наслаждаясь женскими изгибами. — Я хочу быть там, где ты, Уиллоуби. И не потому, что плачу тебе за это.

Она моргает.

— Нет?

— Нет, — подтверждаю я. — На самом деле, я готов уволить тебя прямо сейчас и начать налаживать жизнь самостоятельно, если ты согласишься дать нам шанс. Настоящий шанс, в реальной жизни.

Она широко открывает глаза, что ясно демонстрирует мне — мое заявление для нее неожиданно. И прежде, чем успевает сказать, что ей нельзя встречаться с клиентом или бывшим клиентом, или придумать еще какую-то причину оттолкнуть меня, я притягиваю ее для поцелуя.

Наши губы встречаются, мы таем, я крепче обнимаю ее за талию, приподнимая. Дважды кружу ее, убеждаясь, что у нее перехватило дыхание, прежде чем ставлю ее на ноги.

— Не отвечай сейчас, — говорю я, когда мы снова находим наш ритм, проплывая между группами танцующих, в то время как пол вращается под нашими ногами. — Подожди, пока останемся одни. Давай убедимся, что этот парень сделает хорошие снимки.

Таким образом у тебя будет, что вспомнить о ней, когда тебя пошлют к черту.

Я отгоняю эту мысль. Да, Шэйн удивилась, и что? Это не значит, что она пошлет меня. У меня все еще есть надежда, по крайней мере, пока мы кружимся на танцполе, позируя для фотографий. Я кружу Шэйн.

— Да, хорошая идея, — она снова улыбается, полная решимости довести начатое до конца, как и обещала. Даже если вскоре планирует с легкостью бросить меня.

— Где ты научился танцевать? — спрашивает она, пока я провожу ее мимо пожилой пары, танцующей вальс.

— Моя подружка в колледже специализировалась на танцах. Она учила меня, чтобы я смог быть ее партнером.

— Ты хорош, — она крепче сжала пальцами мою руку. — Очень хорош. У тебя было три года подготовки, и я чувствую себя недотепой по сравнению с тобой.

— Ты не недотепа, — говорю я, крепче прижимая ее. — Мне нравится, как ты двигаешься.

— Да? — Шэйн прикусывает губу, вызывая во мне мысли о том, как позже, надеюсь, на моем теле появятся прикусы.

— Да, — говорю я, не сводя взгляда с ее сексуальных губ. — Я бы весь день мог наблюдать за тем, как ты ходишь по комнате. То, как твои бедра двигаются под одеждой, сводит меня с ума.

— Настоящая жизнь безумца, — тихо говорит она.

— Верно, так и есть, — подтверждаю, — Настолько безумная, что я едва удержался, пока мы поднимались в лифте, чтобы не щелкнуть выключателем аварийной остановки.

Ее ресницы дрожали, во взгляде вспыхнула страсть.

— И чтобы ты сделал, когда щелкнул выключателем, Дракон?

— Я бы поцеловал тебя, Принцесса, — я не собираюсь скрывать голод в своем голосе. — Я бы прижал тебя к стене и целовал бы каждую частичку, не прикрытую этим гребанным платьем. А затем перешел бы на прикрытые части, посмотрел бы, как далеко дашь мне зайти.

— И что, если бы я тебя не остановила? — она проводит языком по губам, и мой член дергается в брюках, проигрывая битву с этой женщиной.

— Тогда полагаю, что наш первый раз случился бы в лифте, — я притягиваю ее ближе, сжимая челюсть, когда ее живот прижимается к моему твердому члену, готовому поразить драконов.

— Боже милостивый, — бормочет она, дыхание вырывается с сексуальным стоном, который разрушает всю мою сдержанность.

— Я бы прижал тебя к стене, — говорю я низким голос, чтобы никто, кроме нее не слышал. — Но для начала заставил бы тебя кончить, Принцесса. На мои пальцы, мой рот, мой язык. Я мечтал трахнуть тебя с того самого дня, как вышел из твоей квартиры.

— Я тоже, — шепчет она, выгибаясь. — Но надо остановиться.

— Нет, я не остановлюсь, — обещаю я, намеренно не понимаю, потому что хочу заставить ее покрыться румянцем по всему телу. — Я не перестану, пока ты полностью не обессилишь, Уиллоуби. Пока твои колени не подкосятся, и мне придется выносить тебя из лифта.

— Джейк, я...

— Но я бы не понес тебя на вечеринку, — настаиваю я. — Я бы нажал кнопку первого этажа, отнес твою прекрасную задницу в такси и заставил водителя нарушить все правила дорожного движения, чтобы доставить нас до дома за пять минут. Потому что я не мог бы прождать дольше пяти минут, чтобы войти в тебя, овладеть тобою.

Она дрожит, прижимаясь лбом к моему плечу.

— Это неправильно. Неправильно.

— О, нет, — настаиваю я. — Это самое правильное, что я чувствовал за долгое время. И с тех пор, как ты тоже меня хочешь, я не...

— О, — ее слова вызывают во мне яростную волну облегчения. — Я хочу тебя, Джейк. Хочу так сильно, что едва могу думать о чем-то другом.

— И я тебя хочу. Чертовски сильно хочу оказаться внутри тебя, Принцесса, — шепчу я в то время, как мои яйца наливаются свинцом. — Хочу ощутить тебя на мне. Хочу, чтобы ты была обнаженной, влажной и...

— К черту фотографии, — ее дыхание вырывается из легких, она хватает меня за рубашку и тянет к краю танцпола, в глазах голод и дикая страсть. — Мне нужно побыть с тобой, Фальконе. Прямо, бл*ть, сейчас.

Это все, что мне нужно было слышать.

Без единого слова я обнимаю ее за талию и веду в коктейль-бар. Мне хочется найти отдельную ванную комнату или туалет — не самый шикарный выбор, но сейчас подойдет любая комната с дверью. Просто чтобы скрыть нас с Шэйн от посторонних глаз, чтобы никто не видел ее лицо, когда мои пальцы окажутся внутри нее.

Боже, я умираю, черт возьми. Мне нужно прикоснуться к ней, почувствовать, какая она влажная и жаркая, как кончает на меня, на любую часть меня, прежде чем разочаруюсь.

— Снаружи, — шепчет Шэйн, указывая в темный угол бара.

Там, за вельветовой шторой, находится темная дверь на балкон, с висящей на стекле

табличкой «Закрето», но вокруг никого нет, никто не увидит и не услышит, когда я задеру платье Шэйн до талии и поработаю с ней так, что она забудет обо всех других мужчинах, чьи губы касались ее.

Мне это нужно, нужна она, так сильно, что меня не тревожит то, что произойдет, если нас поймают за нарушение запрета. Толкаю дверь и выхожу в прохладную свежесть ночи, прохожу мимо бара, накрытого черным брезентом с логотипом «Рэйнбоу Рум» на стене. Мы с Шэйн движемся к стене на противоположной стороне, которая скроет нас от любопытных глаз и ночного ветерка. А затем целую ее.

Поцелуй, который говорит о многом. Поцелуй, где я предъявляю требования, на которые не имею права, но он дает обещание. Обещание доставить ей удовольствие, если только она впустит меня полностью.

Позволит мне войти в ее жизнь, ее сердце, завладеть телом, которое так сексуально ощущается в моих руках.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Шэйн

О, Боже, да.

Да, да, да!

Мне следовало сказать нет. Следовало бы притормозить и настаивать на том, чтобы мы, по крайней мере, установили бы правила, прежде чем нарушить контракт сотней жарких и грубых способов, но все мои мысли кричали «да».

Да и да, черт возьми, он прикасается ко мне. Боже. Наконец-то прикасается ко мне везде, и я умираю от желания, чтобы он прикоснулся ко мне, умираю от блаженства, но черт возьми... Какой путь придется пройти.

— Ты так прекрасна, — бормочет он, снимая бретельки моего платья с плеч и обнажая грудь. — Не могу дождаться, как попробую тебя.

Обхватывает мою грудь руками, проводит мозолистыми пальцами по моим соскам, посылая острые электрические волны желания к моему чреву.

Я выгибаюсь навстречу его прикосновениям, простонав, когда он наклоняется и берет один набухший сосок в рот, а второй сжимает пальцами.

Я беспомощно запрокидываю голову, запуская пальцы ему в волосы, едва держась на ногах.

— Какая милая, — его рот скользит от одного полушария груди к моему не целованному соску, заставляя меня ахнуть. — Такая милая, что я хочу сделать нечто большее, чем просто попробовать тебя на вкус. — Джейк смотрит на меня с вопросом. — Можно я укушу тебя здесь, Принцесса?

Я бормочу что-то неразборчивое, но умудряюсь покачать головой. Спустя мгновение Джейк обхватывает мой набухший, ноющий сосок зубами, сжимает его. Волны от покусывания движутся, пульсируют по его челюсти, сперва нежно, затем жестче и жестче, пока не накрывает болезненное ощущение, но оно не чувствуется. Удовольствие накрывает меня.

Он царапает зубами мою кожу, и я вскрикиваю. Звук чистого, явного голода, и такой чертовски громкий. В это мгновение чары рассеиваются и меня накрывает смущение.

Это всего лишь вторая фаза, Боже милостивый. Мне не следовало так себя вести, не сейчас.

— Прости, — бормочу я с пылающим лицом.

— За что? — дыхание Джейка учащается, когда он сжимает мою грудь, прижимает полушария достаточно близко друг к другу, чтобы перемещаться по обоим соскам одновременно.

— За то... За... О Боже, — дрожу, тая до костей, пока он творит свою темную магию своими губами.

Его язык. Боже, дьявольский язык. И великолепный. Такой потрясающий.

— За то, что такая громкая, — наконец выдавливаю я, понизив голос, пока он ласкает мою грудь. — Я громкая, извини.

— Не смей извиняться, — грубо говорит он, продолжая двигать пальцами по моим соскам, а его бедро движется у меня между ног, раздвигая их. — Здесь нас никто не

услышит. Я хочу, чтобы ты кричала. Хочу слышать, как ты возбуждаешься. — Он целует меня в шею, где бьется мой пульс, и следующие слова произносит, касаясь моей кожи. — И я хочу слышать, когда ты кончишь, Принцесса. Мне это необходимо. Мне нужно это услышать.

Прежде, чем я успеваю ответить, он целует мои губы, задирая платье до талии, а затем его теплая, большая рука, в которую я влюбилась еще в первый день в саду, когда увидела ее скрюченной на коленях, скользит к моим трусикам. Я так отчаянно нуждаюсь в его прикосновениях, что с облегчением вскрикиваю, как только Джейк касается моей набухшей, влажной плоти своими пальцами.

Влажная и разгоряченная. Пылающая. Распаляющая.

— Да, — всхлипываю я, опустив голову, когда Джейк проник в меня двумя пальцами, проникая глубоко. — Как хорошо. Как же хорошо.

— Мне нравится, что ты такая влажная, Принцесса, — говорит он, трахая меня пальцами и поднимая все выше с каждым толчком. — Мне нравится то, как сильно ты меня хочешь, полностью. Черт возьми, да, детка, я хочу, чтобы ты кончила. Не могу дождаться.

Потирает мой клитор большим пальцем, свободной рукой берет меня за колено и поднимает мою ногу так, чтобы дать ему доступ к моей бесстыдно влажной киске.

Он не нежен, не осторожен. Берет все, что хочет, берет меня, и я наслаждаюсь каждой минутой.

Он не похож на Уэсли, мальчика с фермы, который начинал медленно и осторожно, иногда преподнося мне сюрпризы. Руки Джейка не заботливые и осторожные, а требовательные и решительные. Он знает, как обращаться с женским телом и не стыдится демонстрировать эти навыки. Без колебания скользит влажным пальцем по тугому сфинктеру, надавливая...

Я снова вскрикиваю, но Джейк закрывает мой рот очередным поцелуем. Трахает мой рот своим языком, уверенно двигая пальцами в киске и моей заднице, настойчиво теребя большим пальцем мой клитор. Он повсюду. Наполняет своим вкусом мой рот, сводит с ума своим ароматом, делает со мной то, чего никто и никогда прежде не делал, и я не знаю, что думать.

Я не могу ни о чем думать, только чувствовать. Ощущать, как в моем теле пульсирует кровь, как между бедер скапливается напряжение настолько большое, интенсивное, всепоглощающее, что мне вдруг становится страшно.

Это слишком. Его слишком много. В течение года я, оказываясь, не заходила в сексе на такой высокий уровень, словно находясь в детском бассейне, а теперь нахожусь посреди океана в штормовую погоду. Во тьме и ярости. Я не могу дышать.

Не могу дышать, не могу, и вот в моей голове раздается голос Джейка, словно он внутри моего черепа.

— Давай, Принцесса. Кончи для меня. Прямо сейчас. Давай.

И я сдаюсь. Кончаю. Хотя это больше похоже на взрыв, на детонацию бомбы. Меня словно разрывает на части от удовольствия, бурлящего во мне, и мое лоно сжимается до боли.

Это больно. И в то же время так невероятно приятно, но болезненно. Грудь сдавливает. Так сильно, что я готова умереть. Все, что происходит, одновременно прекрасно и пугающе. Но внезапно поток воздуха врывается в мои легкие, и слезы текут по моим щекам.

Вот я кончаю, а в следующий миг — плачу так, что не могу разобрать, о чем говорит Джейк. Ощущаю лишь его нежные прикосновения, когда он поправляет мою одежду и

целует меня в щеку. Знаю, что он говорит что-то доброе и успокаивающее, сжимает мою руку и отходит, но ничего не чувствую. Слезы продолжают литься, и не важно, как сильно я пытаюсь их остановить.

Но они не перестанут литься никогда, я буду плакать до тех пор, пока от меня не останутся лишь кожа да кости, пустая оболочка женщины, которая так хорошо умела притворяться, что даже не подозревала о той печали, что копилась внутри и, достигнув критической отметки, в одночасье прорвалась наружу, разрушив все преграды.

Все кончено. Все провалилось.

Мысль кажется настолько правдивой, что я не думаю о последующих действиях. Просто поворачиваюсь и бегу, распахнув дверь на другой стороне балкона, пробегаю мимо двух растерянных сотрудников, закатывающих в служебный лифт контейнер со вторсырьем. Бегу вниз по лестнице, минуя шестьдесят пять ступеней, не останавливаясь, пока не оказываюсь посреди улицы, встреченная прохладой ночи. Я сажусь в первое остановившееся такси, которое готово отвезти разбитую на кусочки женщину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Переписка в мессенджерах между Шэйн Уиллоуби и Джейком «Драконом» Фальконе

СМС от **Джейка**: Шэйн, секунду назад я тебе звонил. И позвоню снова, так что возьми трубку. Мне нужно знать, что ты в порядке.

Я обещаю, что не стану на тебя давить из-за сегодняшнего вечера или чего-то еще. Просто возьми трубку, хорошо?

Автоответчик голосовой почты **Шэйн**: Привет. Вы дозвонились до Шэйн Уиллоуби. Прямо сейчас я не могу подойти к телефону. Либо сплю, либо решила выйти в большой мир без мобильного телефона.

Разве вы не скучаете по этим дням? Когда не было сообщений, социальных сетей и текстов, которые разрушают ваши мысли? Это же было здорово, верно? Кажется, тогда было больше... пространства.

Но поддерживать связь с друзьями тоже нужно, и я определенно хочу узнать, что Вы собираетесь сказать. Так что оставьте сообщение, и я перезвоню, как только буду готова. Хорошего дня.

Первое голосовое сообщение от **Джейка**: Я знаю, что ты не спишь. Ты уехала из «Рэйнбоу Рум» всего двадцать минут назад.

Шэйн, пожалуйста, возьми трубку и поговори со мной.

Прости, если я зашел слишком далеко, слишком поспешил или сделал что-то, что тебя напугало...

Дерьмо. Не знаю, может, я действительно плох в постели и женщины годами обманывали меня и лгали.

Понятия не имею, что произошло.

Я думал, что мы хорошо проводим время. Даже прекрасно проводим время, а затем ты заплакала... Я пошел за салфетками, водой и чем-нибудь еще, чтобы успокоить тебя, а ты ушла.

Я дерьмово себя чувствую, Принцесса.

Как полное дерьмо, потому что я не хотел причинить тебе боль. Ни в коем случае.

Ты — единственный прекрасный человек, которого я встречал. Именно это я имел в виду ночью. Ты мне нравишься. Очень. И я хочу быть с тобой. Особенно сейчас, когда тебе ощутимо необходим друг.

Я могу быть другим, ты же понимаешь...

Второе голосовое сообщение от **Джейка**: Черт, меня отключили.

Бл*ть...

Прости...

Я не знаю, сколько ты услышала, но я пытался сказать, что могу быть твоим другом, если нужно. Могу послушать и дать совет. Или заткнуться и позволить тебе выплеснуть все, что накопилось.

Если не хочешь говорить, то и это нормально.

Мы можем погулять, сходить перекусить или посмотреть телевизор, пока наши мозги не оцепенеют до такой степени, что ты забудешь о своей грусти.

Прошу, просто ответь, Шэйн.

Или по крайней мере, напиши, что у тебя все хорошо. Я волнуюсь.

Я правда беспокоюсь.

Сообщение от **Шэйн**: Я в порядке, не волнуйся, Дракон.

Джейк: Слава Богу. Мне жаль, Принцесса. Прости меня.

Шэйн: Тебе не за что извиняться. Это моя вина. Я ушла, не попрощавшись, и, видимо, все разрушила.

Не знаю, видел ли кто-то, как мы уходим отдельно, но если такое произошло, на руку нам это не сыграет.

Джейк: К черту обсуждения. Меня они не волнуют.

Шэйн: А следовало бы. Тебе нужно вычеркнуть Кери из своей жизни.

Она оставила посылку для меня у швейцара.

Джейк: Бл*ть. Ты же ее не открывала?

Шэйн: Конечно. Я предположила, что сибирская язва слишком устарела для нынешних сталкеров, да и оставлять на конверте свое имя она бы не стала, если хотела навредить.

Джейк: И что там было, черт возьми?

Шэйн: Моя фотография со школьной поры, когда меня арестовали, и обещала вытащить все мои грязные секреты и доказать, что я недостаточно хороша, чтобы быть твоей женщиной.

Джейк: Боже. Прости меня.

Никогда не думал, что она так быстро изменит направление. Думал, она до конца будет следовать за мной, а не переключиться на человека, с которым я встречаюсь.

Шэйн: Она не в себе, Джейк. Все намного серьезнее, чем я предполагала. Честно говоря, полагаю, что даже вмешательство «КПП» будет недостаточно.

Выбора нет, нужно обратиться в полицию.

Джейк: Тебе стоит пойти. Прямо сейчас.

Я приеду за тобой, отвезу в ближайший участок, и ты расскажешь, что произошло. Возможно, этого хватит, чтобы получить запрет.

Шэйн: Сомневаюсь. И я не хочу запрет. Хотелось бы мне, чтобы ты не встречался с этой женщиной.

Джейк: Ни ты, ни я.

Шэйн: Но если бы ты с ней не встречался, мы не познакомились бы с тобой.

А я рада этому знакомству.

Джейк: Да? Несмотря на то, что я заставляю тебя плакать?

Шэйн: Ты не заставлял меня плакать. Это не из-за тебя.

Джейк: Оу.

Это одно из расставаний рода «дело не в тебе, а во мне»?

Не то, чтобы мы встречались, но...

Шэйн: Нет, это не оно.

Это большее...

Сложно объяснить в СМС.

Просто... Прошое, некоторые вещи... Я полагала, что смогу это изменить, но не вышло. Иначе мой первый оргазм, который случился впервые за год, не довел бы меня до слез.

Джейк: Больше года? Ого.

Должно быть это тяжелый разрыв.

Шэйн: Скорее плохой конец.

Джейк: Хочешь поговорить об этом? Я приеду. Или можем поговорить по телефону, только ответь на звонок.

Шэйн: Я не хочу об этом говорить.

И не знаю, что сказать.

Даже не уверена, что сейчас испытываю: тоску или страх?

Джейк: Из-за чего ты напугана?

Из-за Кери?

Или меня?

Шэйн: Из-за себя.

Боюсь, что я никогда не смогу вернуться к нормальной жизни.

Или к своему прежнему характеру.

Джейк: Быть нормальной — скучно. Мне нравится то, какая ты сейчас.

Шэйн: Ты мне тоже нравишься, Джейк. Правда.

Но у меня плохое предчувствие, что я все испорчу, прежде, чем что-то начнется. Самосаботаж — единственное, что у меня хорошо получается.

Люди считают, что у меня все хорошо, но только из-за того, что я хорошо справляюсь с тем, что выводит меня из моей зоны комфорта.

И именно ты сейчас являешься тем, кто заставляет меня нервничать.

Джейк: Послушай, я не собираюсь торопить тебя, если не хочешь.

Мы можем замедлиться или ускориться, если захочешь.

Ты можешь сама задавать темп, Принцесса. Я буду рад следовать за тобой.

Шэйн: Возможно, мне не хочется руководить.

Возможно, мне нравится то, что ты берешь, что хочешь, и не спрашиваешь меня, нормально ли это. Ты прикасаешься ко мне там, где никто еще не прикасался.

Это была моя девственная территория, Дракон.

Если ты понимаешь, о чем я...

Джейк: Ха... Ага...

Я задавался вопросом, не перегнул ли я палку...

Но если бы увидел, что тебе не нравится, или ты попросила бы остановиться, обещаю, я так и сделал бы.

Шэйн: Я знаю. И верю тебе.

И до той части, где я плачу, сегодняшняя ночь была великолепна.

Вероятно, это самая сексуальная ночь во всей моей жизни.

Джейк: И это еще не все, что нас ждет, но мы не будем спешить.

Я могу руководить, когда ты захочешь, и давать больше пространства, когда потребуется. Я могу подстроиться.

Я просто не хочу, чтобы сегодняшняя ночь стала последней, когда я прикасаюсь к тебе.

Шэйн: Я тоже...

Прости, что убежала.

Джейк: Все хорошо. Я рад, что сейчас ты со мной разговариваешь.

Вроде того...

Мне бы хотелось встретиться лично, если ты не против. И как я уже сказал, не надо ничего особенного. Мы просто посидим спокойно. Устроим книжный клуб или что-то в этом роде.

Шэйн: М-м-м... Ты никогда не был в книжном клубе?

Джейк: У нас с братом было несколько грязных газет, которые мы пролистывали от корки до корки, когда учились в школе. Грязная версия «Спящей красавицы» с огромным количеством порки. Сойдет?

Шэйн: Лол. Не уверена.

В любом случае, не думаю, что хочу пойти сегодня в книжный клуб. Но ты можешь приехать, приготовим попкорн, посмотрим что-нибудь смешное по телевизору, не говоря ни о чем серьезном?

Или что-то в этом роде.

Джейк: Звучит идеально.

Это жутко прозвучит, если я скажу, что стою у твоего дома?

Шэйн: Вот дерьмо, так и есть.

Я тебя вижу.

Привет.

Джейк: Привет.

Хочешь, пройду по кварталу и претворюсь, что только пришел?

Шэйн: Нет. Я рада тебя видеть.

Интереснее, когда тебя преследуют, когда человек ходит за тобой по пятам.

Джейк: Я беспокоился, а не преследовал. И уйду, если ты скажешь.

Шэйн: Как насчет того, чтобы я позвонила на стойку регистрации и попросила вместо этого позвать тебя?

Джейк: Намного лучше.

Шэйн: Ладно, но сперва ответь на вопрос.

Джейк: Валяй.

Шэйн: Тебя совсем не тревожит, почему меня арестовали?

Ты пропустил это, не моргнув даже глазом.

Джейк: Сложно моргать в текстовых сообщениях.

Шэйн: ;)

Джейк: Замечание принято. Не знаю, полагаю, что это твое дело, и ты расскажешь мне об этом, когда будешь готова.

Вернее, если будешь готова.

Шэйн: Это очень... круто.

Джейк: Я не сужу людей за их прошлое.

Ты явно справилась со всем и не похожа на человека, который тайно торгует наркотиками, употребляет их или связан с террористической группировкой...

Шэйн: О Боже, нет! Ничего подобного!

Меня арестовали за протест против иммиграционной реформы, когда я училась в колледже.

Я даже не делала ничего противозаконного. Мирный протест. Вроде кто-то не получил лицензию или разрешение, что-то в этом роде. Всю нашу группу арестовали.

Джейк: Я представлял нечто подобное.

Но даже если бы и было что-то незаконное, с того момента прошло много времени. Мне не интересна Шэйн Уиллоуби десять лет назад, мне интересно, какая ты сейчас.

Шэйн: Мне тоже интересно, кто ты сейчас.

Хотя, мне бы хотелось узнать, из-за чего ты так ненавидишь полицию...

Джейк: Я не ненавижу полицию.

Шэйн: Не доверяешь? Сомневаешься в эффективности их работы?

Джейк: Если ты хочешь услышать мою историю, придется впустить меня, Принцесса. Пальцы уже мерзнут, чтобы писать сообщения.

Шэйн: Так ты мне расскажешь?

Я считала, что для тебя это закрытая тема.

Джейк: Обычно я не рассказываю об этом. Но обычно я и не прихожу домой к женщинам без приглашения. Я хочу, чтобы ты меняпустила.

И говорю не только о входной двери в твои апартаменты.

Понимаю, что и мне придется подпустить тебя ближе, верно?

Шэйн: Полагаю, да.

Ты великолепен, знаешь?

Джейк: Спасибо, ты тоже.

Я поднимаюсь, Принцесса.

Шэйн: А я начинаю готовить попкорн.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Джейк

Лифт до этажа Шэйн поднимается вечность — по крайней мере раз в десять дольше, чем в тот день, когда мы вместе были в кабине. Я пытаюсь придумать, чтобы такого сказать, но единственное, что приходит на ум: «*Не облажайся, Фальконе. Не облажайся. Не облажайся, иначе пожалеешь, бл*ть, на всю оставшуюся жизнь*».

Это безумие. Всего пару дней назад я был из тех мужчин, которым требовалось время, много времени, чтобы начинать испытывать чувства к женщине, не говоря уже о серьезной привязанности.

Но это было до Шэйн.

Теперь я считаю, что достаточно трех свиданий, чтобы подцепить меня на крючок. Я не подвластен эмоциям, никогда такого не было, но я и не из тех, кто будет смотреть в зубы дареному коню.

Время от времени судьба подбрасывает что-то невероятное — работу мечты, возможность, которая выпадает раз в жизни, шанс на осуществление планов и стать частью чего-то лучшего. «Рэйнджерс» никогда не были командой мечты, но моя карьера росла и развивалась лучше, чем я себе представлял. Я никогда не думал, что смогу организовать некоммерческую организацию, но день, когда я сказал «да» основанию «Риал Тайм» был одним из лучших.

Если бы завтра я умер, то гордился бы не своей хоккейной карьерой. Моей работой было помогать детям из моего района, детям, которым нужен кто-то, кто даст им повод для надежды. Я выходил из собственной зоны комфорта ради этих детей чаще, чем ради кого-то еще. Я просил денег у богачей, а когда отказывали, возвращался и просил снова. Я зашнуровал коньки на сотнях маленьких ножек и научил нескольких как завязывать их самостоятельно. Как бы то ни было, мои руки были запачканы.

Когда дело доходит до моего собственного дерьма, я всегда разыгрываю свои карты самостоятельно и сам справляюсь с неудачами. Но ради этих детей я готов выставить себя дураком в любой день недели.

Потому что я люблю их, хоть и знаю, что не должен привязываться. Кучка детишек, нуждающиеся во мне, видящие во мне того, кто может дать им шанс вновь поверить в людей. И хотя в мои планы это не входило, теперь они стали лучшей частью меня.

Я легонько стучу костяшками пальцев в дверь Шэйн, не переставая думать о том, как схожи эти ситуации.

Мне не пришлось искать ее, честно говоря, я и понятия не имел, что такие женщины существуют, но когда нашел, все мое нутро кричало, что я буду глупцом, если ее упущу.

— Привет, — она смотрит на меня застенчиво и нежно, переминаясь с ноги на ногу. — Я рада, что ты здесь.

На ней были розовые хлопковые шорты, и растянутая футболка с длинными рукавами с изображением осьминога и подписью «Освободите Кракена!» под ним. Внизу на футболке было пятно, волосы собраны в неряшливый пучок, на лице — ни следа макияжа, лишь припухлость от слез.

Я абсолютно уверен, что Шэйн — самое прекрасное создание, которое я когда-нибудь

видел.

— Я тоже рад, что сейчас здесь, — захожу внутрь, неловко держа руки по бокам. — Не возражаешь, если я тебя обниму?

— Да, конечно, — она шагает в мои объятия и прижимается лицом к моей груди. — Мне жаль, что я заплакала и убежала.

— Больше никаких извинений. Я уже говорил, что тебе не за что извиняться, — я крепче обнимаю ее, прижимаю. Комок напряжения и беспокойства в моей груди исчезает. Она здесь, с ней все хорошо, и чтобы ни случилось, мы исправим и сделаем лучше.

— И я не нашла попкорн, — говорит она, приглушенно. — Сегодня мне совсем не везет.

— Я могу пойти и купить что-нибудь, — говорю я, хотя последнее, чего мне хотелось, это уйти от нее. — Уверен, что на Мэдисон Авеню найдется что-нибудь.

Шэйн качает головой.

— Нет. Ты не должен уходить. Стой здесь и позволь мне вдыхать твой аромат в течение следующего часа. Ты безумно вкусно пахнешь.

— Спасибо, — я улыбаюсь, склонив голову, наслаждаясь ароматом цветов и меда от ее шампуня и теплым, женственным ароматом. — Ты и сама прекрасно пахнешь.

Она поднимает голову и смотрит на меня снизу вверх с тревожным выражением на лице.

— Нам необязательно говорить о том, почему у тебя проблемы с полицией, если не хочешь. Я сказала о том, что мы не касаемся сложных тем, и сразу же спрашиваю у тебя такое. С моей стороны это несправедливо.

— Все хорошо, — я провожу рукой по ее спине, стараясь игнорировать прикосновение ее груди. — Мы можем поговорить, но сперва я бы поел чего-нибудь. Например, сэндвич. На вечеринке мы так и не дошли до фуршета, поэтому мой желудок готов перемолоть сам себя.

Шэйн отстраняется и кивает.

— Конечно. Сэндвич сейчас будет. Индейка и сыр чеддер устроит?

— Идеально, — говорю я, следуя за ней на кухню. — А если у тебя еще завалялся латук, помидоры и майонез, то я буду самым счастливым человеком на Манхэттене.

— У меня все это есть, — она улыбается и открывает холодильник. — Мне нравится, что тебя так легко сделать счастливым.

— Я простой мужчина.

— Тогда, возможно, я соглашусь стать твоей женщиной, если все, что для этого нужно — неприкосновенность моей девственной задницы и правильно приготовленный сэндвич.

Я задыхаюсь от сказанных слов, издав звук, похожий на что-то среднее между смехом и кашлем.

— Рад, что я не пил ничего, когда ты это произнесла.

Она краснеет, доставая из холодильника продукты и хлеб из буфета.

— Прости. Я не могу сдержаться. Я не контролирую, что говорю, когда нервничаю.

— Почему ты нервничаешь? — спрашиваю я, поспешно добавляя, — И я бы хотел, чтобы ты стала моей женщиной, если ты спрашиваешь об этом таким образом.

— Честно говоря, я не думала так далеко, — Шэйн ставит тарелки и начинает нарезать сэндвич. — Но хорошо. Мне нравится моногамия.

— Мне тоже, — я улыбаюсь, желая лучше рассмотреть ее лицо. Но возможно она предпочитает поговорить о подобном, сохраняя дистанцию между нами. — И просто для сведения, если у тебя нет запретов по поводу спальни, можем обсудить это. Я уважаю

личное пространство.

— Хорошо, но... эм... Все хорошо, никаких запретных тем нет, — она пожимает плечами, легкая усмешка срывается с ее губ, когда Шэйн убирает еду в холодильник. — Не знаю, почему нервничаю.

— А я знаю, почему нервничаю, — говорю я, понимая, что стоит сделать первый шаг и пойти вперед, ведь оно того стоит, если ей станет легче. — Я хочу быть с тобой. Никогда прежде я не встречал никого, похожего на тебя, и мне не хочется все испортить.

Она поворачивается, взгляд стал мягче.

— Я тоже. Мне не хочется все испортить, но я боюсь, Джейк. Я... не такая хорошая.

— Для меня ты лучшая.

Шэйн скрещивает руки на груди, нахмурившись.

— Разве не ты говорил о том, что не можешь по-настоящему узнать человека за шесть недель? А мы и шести дней не знакомы.

— Я идиот. И все время говорю глупости. Это научно доказано, — ее ответная улыбка вынуждает меня продолжить. — Я знаю, что сказал, но также узнаю тебя лучше и меняю свое мнение. А теперь можно мне получить мой сэндвич? Я стану еще глупее, если ты меня не накормишь, Уиллоуби. Я становлюсь полным кретином, когда голоден.

Она сжимает губы, ставит мою тарелку и пододвигает ко мне.

— Спасибо, — я выдерживаю ее взгляд, откусываю половину сэндвича одним гигантским укусом, активно работая челюстью.

— У тебя вместительный рот, — говорит Шэйн, веселясь.

— Фы не шобиваешься есть? — бормочу я, жуя.

— Да, сейчас, — говорит она, показывая, что планирует вскоре приступить к еде. — Но сперва я кое-что скажу тебе. Предпочитаю говорить, пока у тебя рот занят, чтобы не смог со мной спорить.

Я киваю, продолжая жевать, полагая, что смогу при необходимости доказать, что Шэйн не права. Одно из преимуществ того, что я рос с тремя братьями — спорить я могу даже с набитым ртом.

— Я говорила, что у меня нет фотографии моего жениха, — она смотрит на свою левую руку, постукивая безмянным пальцем по столешнице. — Потому что он погиб.

Я начинаю говорить о том, что сожалею, но Шэйн качает головой.

— Все хорошо, я уже справилась с этим, по крайней мере частично с потерей. Уэсли был милым, обаятельным, забавным, сумасшедшим лучшим другом. И он меня любил. Но много лгал мне.

Когда она посмотрела на меня, то была бледнее обычного.

— За несколько месяцев до нашего знакомства у него выявили болезнь Хантингтона⁷, но он рассказал мне об этом спустя четыре года, когда проявились симптомы. До нашей свадьбы оставалось всего два месяца.

Я удивленно выгибаю брови, и она кивает.

— Да. Чушь собачья, и я злилась, но в то же время любила его...

Она вздыхает.

— Так что сказала, что мы справимся. Вместе, — Шэйн проводит по мраморному узору. — Но болезнь прогрессировала быстрее, чем мы думали. Мы оба понимали, что лекарства нет. Уэсу становилось хуже, и рано или поздно он стал бы полностью зависимым от других людей, которые делали бы за него все. Кормили бы, одевали, купали...

Она шмыгает носом.

— Итак, он съехал. Попытался отменить свадьбу, чтобы не напрягать меня, как он объяснил. Но я не позволила. Сказала на работе, что болею, и неделю ночевала у него на пороге.

Шэйн смеется, поднимая сияющие глаза к потолку.

— Я буквально разбила там лагерь. Спала, ела и мочилась в кустах. Каждый час писала ему, что не уйду, если он не впустит меня в квартиру. И наконец... он впустил.

Ее губы дрожат.

— И первая ночь после возвращения была чудесной. Знала, что будет сложно, но после той ночи полагала, что все будет нормально. Что мы найдем способ быть вместе, несмотря на то что многим мечтам не суждено сбыться. Но я ошиблась. Поступила глупо и опрометчиво, мне следовало бы лучше узнать все, но...

Она делает вдох, быстро проговаривая на выдохе.

— Пару недель спустя, когда я была на ферме подруги и помогала ей усыплять старого пса, Уэсли... Он... Покончил с собой, — Шэйн тяжело сглатывает. — Оставил мне записку с извинениями, написал, что любит меня. И на этом все. Все закончилось. Навсегда.

Я встаю со стула, обхожу стол, останавливаюсь рядом с ней и кладу свою ладонь поверх ее, понимая, что мои слова сейчас не помогут.

— Я так злилась, — хрипло говорит она. — Так злилась, что он отнял у меня это прощание, отнял право выбора и годы, что мы могли бы провести вместе, пока все не стало действительно плохо. Но мне было грустно. Злость прошла, когда я плакала на его похоронах, когда помогала его родителям разбирать вещи и... Не знаю, может, я имела дело с безумцем, — она шмыгает носом. — Боялась ли я снова с кем-то встречаться? Даже ради простого секса. Не говоря уже о чем-то большем.

Я поднимаю ее руку, переплетая наши пальцы.

— Сегодня для меня был не просто секс.

Она сжимает мою руку.

— И для меня. Вот почему я заплакала.

Кладу ее руку себе на талию, обхватывая ладонями ее лицо, глядя в сияющие глаза.

— Хорошо.

Шэйн моргает.

— Хорошо?

— Все хорошо, — я провожу большим пальцем по ее нежной щеке. — И если ты снова захочешь поплакать, я не стану возражать. Меня не пугают ни твоя злость, ни твоя грусть.

Она хмурится, в глазах появляется недоверие.

— Не пугают?

— Нет, Принцесса, — наклоняюсь и целую ее в лоб. — Можешь выплескивать все это на меня.

— Почему ты так добр ко мне? — дрожащим голосом спрашивает она. — Мне известно, что с другими женщинами ты так себя не вел, Фальконе. Я слышана о тебе.

— Ты не такая, как все, Уиллоуби, — целую ее в висок, ощущая биение пульса. — А я не так хорош. Я хочу тебя. Так сильно, что меня больше пугает ни слезы или гнев, или осознание того, что ты прошла через такой ад, а то, что меня не будет рядом с тобой. Ты нуждаешься в моем терпении, в хорошем отношении, чтобы я не лгал тебе и давал право выбора.

Она кладет ладони поверх моих, прижимая крепче к своему лицу, закрывает глаза, и две тонких струйки стекают по ее щекам.

— Думаю, что влюбилась в тебя, — шепчет она, — только за эти слова. — Шэйн шмыгает носом, открывает глаза и пронзает меня яростным взглядом голубых глаз. — Так что, если ты не этого добивался, тогда уходи. Прямо сейчас. Не говори ни слова, не целуй меня, не извиняйся. Просто уходи.

— Я никуда не уйду, — обещаю я. Затем целую ее, не в силах сдержаться. Она напугана и расстроена, и мне тоже немного страшно, но это не мешает поднять ее на руки и отнести в спальню.

Потому что я предпочту грустить или бояться вместе с этой женщиной, чем притворяться счастливым с кем-то еще.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Джейк

Мы не произносим ни слова. Молча раздеваем друг друга, ложась на ее постель, сторая изнутри. Я касаюсь ее жаркой, солено-сладкой кожи, понимая, что мне этого мало.

Целую ее тело, и каждый поцелуй — словно обещание, что я способен принять ее всю, принять все то, чем она хочет поделиться, пока это мне позволено.

Она перебирает пальцами мои волосы, пока я медленно посасываю ее соски, скользя ладонью у нее между ног. Потираю тыльной стороной ладони, прижимаясь к ее киске, грубо поглаживая клитор, требуя, чтобы Шэйн кончила для меня. Мне это нужно. Я нуждаюсь в ее наслаждении сильнее, чем в своем собственном. Мне необходимо ощутить, что она открыта предо мной, по крайней мере, сейчас.

Шэйн вскрикивает, выгибаясь под моими прикосновениями. Я довольно мурчу, уткнувшись в ее грудь, лаская языком ее соски, ощущая жар от ее киски под моей ладонью. Глубоко вдыхаю ее аромат, наполняющий воздух, от которого кружится голова. Ее возбуждение острое, сладостное, вызывающее ко мне, словно песня сирены, требующее, чтобы я приблизился к источнику жара, демонстрирующее, что я дал ей то, что необходимо.

Я скользнул вниз, раздвигая ладонями ее бедра, целуя в пульсирующее местечко. Стенки киски все еще дрожат, когда я ввожу в нее язык, нуждаясь попробовать ее на вкус. Я обхватываю ладонями ее грудь, поглаживая соски. Сжимаю, перекаत्याю, пока она снова не начинает учащенно и тяжело дышать. Ее стоны, когда она начинает кончать, самое сексуальное, что я слышал.

Она толкается ко мне, вскрикнув, когда я лижу, посасываю, довожу ее до очередного оргазма, оставаясь там, где могу попробовать на вкус снова. Невероятная, горячая и сексуальная, и мне хочется остаться навечно между ее ножек, но нам обоим нужно больше. Нужно все. Наши тела сливаются, когда я ввожу в нее свой член, она извивается подо мной.

— Мне нужно быть внутри тебя, — я касаюсь ее губ своими, вкус ее смешивается в нашем поцелуе. — Дай я возьму презерватив.

— Нет, — она впивается ногтями в мои плечи, обнимая ногами за талию, прижимаясь влажным лоном к пылающему члену, вызывая во мне болезненный стон удовольствия и осознания, что эта женщина принадлежит мне. — Не оставляй меня. Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Я тебя не оставлю, Принцесса, — у меня кружится голова, когда она прижимается ко мне, делая невозможным сопротивление желанию войти в нее. — Просто дай я возьму презерватив. Две секунды.

— Я не могу забеременеть. У меня стоит спираль, — она протягивает между нами руку, берет в руку мой член и поглаживает. — Я чиста и хочу тебя. Хочу, чтобы между нами не было ничего лишнего.

— Боже, Шэйн, — я зажмуриваюсь, стараясь мыслить здраво. — Меня проверяли, я чист, но...

— Тогда возьми меня, — умоляет она, подводя головку моего члена к своей киске, заставляя меня потерять последнюю долю самообладания. — Прошу, Джейк. Ты нужен мне. Прошу, пожалуйста, не останавливайся, я...

Ее слова превращаются в крик, когда я вхожу в нее одним мощным, резким толчком. Ее киска крепко сжимает меня. Она влажная, но мой член толстый. Такой толстый, что обычно я стараюсь делать все медленно, особенно с новым партнером, но не могу себя остановить. Я двигаюсь, потеряв контроль, не в силах мыслить, ведомый лишь желанием трахать эту женщину, пока она не кончит на меня, пока не опустошит мой член.

— Черт возьми, какая ты хорошая, — я закидываю ее ногу на плечо, чтобы войти в нее глубже, трахая жестче, беря ее, потому что она моя.

Боже. Она моя. Моя. Моя. Моя.

Словно мантра пульсирует в моих венах, пока я трахаю ее, и она принимает меня, отвечая и требуя большего. Требуя еще. И я даю ей это, потому что нет иного выбора. Нет ничего, кроме Шэйн и ее тела, сомкнувшегося вокруг меня, ее вкуса, ее голоса, которым она выкрикивает мое имя, снова кончая.

Боже, она так сильно кончает, ее тело сжимает мой член, и на секунду становится больно, потому что внутри нее так тесно. Но затем я тоже кончаю, мой член дрожит внутри нее, тело переполняет эйфория, блаженство. Я не могу ни дышать, ни думать.

Все, на что я способен, глубже войти в нее. Впервые за долгое время я кончил в женщину. Не помню, когда последний раз у меня был незащищенный секс, но даже тот раз не смог бы сравниться с тем, что было сейчас.

Это она. Это все она, женщина, которая крепко обнимает меня, пока мы приходим в себя, не отпуская друг друга.

— Ты моя, Принцесса, — бормочу я ей в шею, ощущая вкус ее солоноватого пота. Такой идеальный и неповторимый вкус Шэйн. — Больше никакого притворства.

— Больше никакого притворства, — говорит она, целуя меня в плечо.

Долгое время мы молчим, потому что больше ничего не надо говорить, но в конце концов я нахожу ее губы, чтобы снова попробовать этот вкус. Целую ее раз, другой, к третьему поцелую мой член вновь затвердевает внутри нее. Она двигает бедрами. Я беру в рот ее сосок, перекатываясь на спину и крепко прижимая к себе Шэйн, чтобы ни на секунду не оставлять ее.

В этот раз она сверху, пока я занимаюсь ее грудью, посасывая и целуя ее соски до тех пор, пока она снова не кончает на меня. В этот раз секс такой же сладкий, даже слаще, потому что я вижу ее лицо в лунном свете, просачивающемся сквозь шторы. Вижу радость, смешанную с болью на ее лице, когда она вновь кончает сильно, до боли. Вижу ее губы, приоткрывшиеся со вздохом, когда я снова кончаю в нее, наполняя ее доказательством того, что она сводит меня с ума.

И это безумие.

Безумие — засыпать рядом с малознакомой женщиной, в которую, я почти уверен, за последние несколько часов я влюбился. Но меня это не тревожит.

Да и кому нужен здравый смысл, когда у меня есть Шэйн. Ее теплое и крепкое тело, прижимающееся ко мне. И пока она засыпает, я все еще нахожусь внутри нее. К черту голос разума.

Мой здравый смысл говорит лишь о том, чтобы эта женщина оставалась здесь, в моих объятиях, пока она моя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Групповое сообщение между Шэйн Уиллоуби, Пенни Пикетт и Кэтрин «Кэт» Найт

Шэйн: Доброе утро, дамы!

Мне нужно срочно встретиться. КАК МОЖНО СКОРЕЕ!

ТОЛЬКО ДЕВОЧКИ.

Может, устроим бранч в «Мон Шэри» на пятьдесят шестой через час?

Кэт: Ты понимаешь, что сейчас только шесть утра...

Пэнни: А? Чшто?

Кэт: Видишь, у Пэнни даже пальцы еще не проснулись. Бранч начинается не раньше десяти утра. До этого времени всего лишь завтрак. И определенно не в субботу.

Возвращайся в постель, Уиллоуби, и напиши снова в более подходящее время.

Шэйн: Не могу!

Мне нужно поговорить с кем-то о том, что произошло ночью между мной и Джейком, иначе я сойду с ума!

Кэт: Джейк — твой клиент? Хоккеист?

Что случилось? Ты в порядке?

Шэйн: Да, у меня все прекрасно.

И в то же время ужасно.

Но в большей степени прекрасно.

Но также УЖАСНО, потому что только что он УЕХАЛ в аэропорт, а я не хотела его отпускать. Теперь мне ОЧЕНЬ СИЛЬНО нужно побеседовать с подругами.

Кэт: О мой...

Так он ушел от тебя в шесть утра?

И полагаю, что вы не в скраббл всю ночь играли?

Шэйн: Эм... Нет.

Пэнни: Нет!

Бгмйблтскннх

Баш НЕ обрадуется.

Шэйн: Не говори ему, Пэнни! Прошу! Женская дружба, Пикетт!

Пэнни: Но я...

Шэйн: Женская солидарность!

Подруг на письки не меняем!

Кэт: Женская дружба превыше мужиков.

Шэйн: Точно! Прошу, Пэнни! Просто дай мне пару часов.

Мне нужно поговорить с вами обеими прежде, чем я хотя бы смогу ПОДУМАТЬ о том к чему привела потеря контроля.

Пэнни: Ох. Хорошо.

Будь в «Мон Шэри» через полчаса.

Там будет девушка в пижаме, пьющая огромную порцию кофе.

Шэйн: Спасибо, Пэнни!

Кэт: Я тоже подойду к этому времени.

Я все равно не сплю с пяти утра, меня тошнит. Вероятно, что лучше отказаться от того, чтобы вернуться в постель, и пойти, наполнить желудок французской выпечкой.

Шэйн: Спасибо, куколка!

И мне жаль. Тебя до сих пор тошнит по утрам?

Кэт: Ужасно, но будет лучше, если я заставлю себя съесть что-нибудь.

Если я не доберусь туда раньше вас, закажите мне два ломтика белого тоста, два шоколадных круассана, смузи и кофе без кофеина со сливками. И даже не ДУМАЙТЕ начать без меня.

Мне нужно слышать каждое слово, Шэйн. Каждое. Слово.

Шэйн: Клянусь всем сердцем. Ни слова, пока ты не приедешь.

Спасибо, девочки! Вы лучшие!

И спасибо за вашу дружбу. Я очень люблю вас обеих!

Кэт: Оу, и я тоже тебя люблю. Хоть ты и ранняя пташка.

Пэнни: *смайлик пукающего единорога*

Кэт: Это значит, что Пэнни тоже тебя любит.

Пуки единорога источают любовь.

Пэнни: Точно.

смайлик пукающего единорога <3 *смайлик пукающего единорога*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Шэйн

Я прихожу в «Мон Шэри» без двадцати минут семь и обнаруживаю лишь двух сотрудников в белых халатах за стойкой и женщин, явно только вставших с постели, которые спрятались в красной кабинке в дальнем конце зала.

Рыжие волосы Кэт были убраны под шапочку, несколько прядей обрамляли ее бледное лицо, пока она откусывает кусочек тоста. Шелковистые русые волосы Пенни собраны в пучок, кукольное лицо все еще припухшее от сна. Она прячется за огромной кружкой кофе, размером с ее голову. Они выглядят словно студенты, которые всю ночь готовились к сессии, и внезапно во мне посыпается ностальгия по тем временам в колледже и ночным посиделкам в кампусе с кофе.

Ностальгируя, я благодарю этих женщин, которые тревожатся обо мне и встают с утра пораньше в субботу.

— Девчонки, — говорю я, проскальзывая в кабинку с затуманенным взглядом. — Вы представляете прекрасное зрелище, знаете?

— О нет, — Пэнни прищуривается поверх чашки. — Все хуже, чем я думала.

Кэт кивает, откусывая очередной кусочек тоста. Крошки рассыпаются по ее серой толстовке.

— Ага. Она до сих пор под оргазмическим впечатлением.

Я улыбаюсь.

— Ничего подобного. Я просто люблю вас обеих.

— Точно, все еще оргазмирует, — вторит Пэнни. — Следующие десять-двенадцать часов тебе все будет казаться прекрасным. А может и дольше.

— Кажется, все было очень здорово, — говорит Кэт, хмуря брови. — И так, сколько раз ты за ночь скакала на клюшке хоккеиста Джейка?

У меня горят щеки, когда я тянусь за кофе.

— Эм, пару раз.

Кэт ухмыляется.

— Хорошо. Ты пропустила много времени, не принимая участия в сексуальных развлечениях.

— Согласна. Но было бы хорошо, если бы вы подождали завершения контракта, — говорит Пэнни. — Спать с клиентом, который платит тебе за то, что притворяешься его женщиной — проблемно, Шэйн. Я не хочу сесть в тюрьму за сутенерство. По крайней мере до тех пор, пока не выйду замуж. Мы с Башем так усердно все планировали. Было бы обидно провести этот знаменательный день в камере.

— Ты не попадешь за решетку, — я оборачиваюсь, убеждаясь, что в кафе все еще мы одни, и понижаю голос, — Джейк никому не расскажет, что мы переспали. Кроме того, я отдаю свой гонорар за консультации на пожертвование. Так что на самом деле ничего не получаю.

— Это не нарушение, — Кэт стряхивает с пальцев крошки и тянется за круассаном. — Но напомним, что я переспала и вышла замуж за своего консультанта КПП, поэтому не могу возражать. Кроме того, я бесплатно буду защищать тебя, Пэнни, если у тебя или Баша

возникнут проблемы. А я акула, так что мы не проиграем, — она яростно откусывает от своего пирожного, словно желая проиллюстрировать остроту своих зубов.

— Беременная акула, которая в скором времени будет занята новорожденным, — говорит Пэнни. — Я думала, что ты собиралась порвать со своей юридической практикой, если тебя выберут в городской совет в ноябре.

— Я возьму отпуск, если понадобится тебе, — Кэт прикрывает глаза с тихим стоном. — Боже, это великолепно. Теперь я чувствую себя намного лучше. Следовало поест еще пару часов назад.

— Видишь, Пэнни? Все в порядке, — я добавляю сахар в кофе. — Полезно иметь в семье адвоката. Может, теперь перейдем к серьезным вещам? Например, обсудим то, что происходит между Джейком и мной, и что нам делать с его неуравновешенной бывшей и тем, что я влюбляюсь в него?

— О, Бог мой, правда? — Пэнни поставила кружку и прикрыла рот обеими руками, но даже с закрытой половиной лица я видела, что она смеется.

Я киваю.

— Правда. Я никогда ни в кого не влюблялась так быстро, но он такой... неотразимый, — вздыхаю. — Милый, веселый, умный и...

— И настоящий тигр в постели, — добавляет Кэт.

— Я не рассказываю подробностей интимной жизни, — чопорно говорю я, не в силах спокойно усидеть на стуле, вспоминая все порочные и замечательные вещи, которые мы с Джейком вытворяли ночью.

— Ни за что, Уиллоуби, — Кэт тыкает мне в лицо половинкой круассана. — Ты смутила меня в первое же утро, когда я переспала с Эйданом. Так что мне нужны детали, все детали!

— Ничего подобного! — возражаю я, хотя помню, что предлагала им сшить парные футболки с надписью: «Я только что получил несколько оргазмов».

— Теперь ты поступила также! Бессовестная! — Кэт качает головой. — Так что мне нужны подробности. По крайней мере расскажи, это был лучший опыт из предшествующих?

На мгновение я сжимаю губы и киваю.

— Да. Лучший. Самый-самый лучший.

— Превосходно, — усмехаясь говорит Кэт. — Поздравляю.

— Ура! — Пэнни исполняет маленький танец счастья, от чего ее пучок подпрыгивает вверх и вниз. — Я так за тебя рада! И Баш тоже порадует, но сперва немного поорет.

— Он все равно на меня разозлился бы, — говорю я, рассказывая о вчерашнем интервью.

Когда я заканчиваю рассказ, Пэнни вздыхает.

— Да, он будет в бешенстве, но согласна, что это верное решение. Если бы ты осталась в штате на постоянной основе, тогда другое дело, но поскольку это одноразовая акция, ничего страшного. Тем более вы с Джейком на самом деле встречаетесь, а значит, не лгали репортеру. По крайней мере, не о многом солгали.

— Верно, — говорю я, воспрянув духом. — Я даже не думала об этом. Если честно, то я не думала ни о чем кроме того, что быстро ввязываюсь во все это.

— Возможно, — Кэт, всегда выступавшая гласом судьбы, тянется к тарелке. — Я имею в виду, ты плохо его знаешь. Сейчас он ведет себя прекрасно, но кто знает, что будет через месяц-два? У него может проявиться ревность, могут возникнуть проблемы с мамой, или он один из тех спортсменов, помешанных на пищевых добавках, пророщенных ростках

пшеницы, на питании, и с которым будет скучно за ужином. А кто захочет мужчину, с которым скучно ужинать? Ведь вечерний прием пищи единственное, что лучше завтрака. Боже, этот круассан действительно особенный. Тебе стоит попробовать.

Пэнни морщит нос.

— Я вспомнила... Не из-за круассана, а из-за того, что у него есть тайны. Баш нашел кое-что на Джейка. До его восемнадцатилетия.

У меня скручивает желудок, от чего выпитый кофе начинает булькать.

— Правда? Все плохо? — спрашиваю я, прежде чем трясу головой и поднимаю ладонь — Нет, не говори мне. Не хочу знать. Пусть мне расскажет Джейк, если захочет.

— Уверена? — спрашивает Пэнни. — То есть, я хочу сказать, что после услышанного ты не изменишь о нем мнение в худшую сторону, но поймешь, с чего начинать. И это поможет в работе.

Я более уверенно качаю головой.

— Нет. Я спрошу его, когда он вернется с игры. Это должен быть его выбор. Когда это была просто работа, я не возражала против вмешательства за спиной, но теперь все иначе. Он мне доверяет, и я не хочу нарушить это доверие.

— Звучит хорошо, — Кэт постукивает соломинкой по столу, снимая с нее обертку. — Доверие — это здорово. Вы, ребята, на правильном пути.

— Да, — я прикусываю губу. — Я имею в виду, что прошлой ночью он рассказывал мне необыкновенные вещи. Он понимает меня, а я его, — борюсь с глупой, влюбленной улыбкой, но проигрываю. — И никому из нас не приходится заставлять себя. Звучит безумно, да?

— Нет, — Пэнни улыбается. — У нас с Башем было так же. Он всегда понимает меня, даже если другие не могут.

Кэт кивает.

— Эйдан тоже. И это странно, потому что меня понять сложнее, чем Пэнни.

Пэнни смеется и легонько толкает ее в плечо.

— Нет! Я намного страннее тебя. Эйдан рассказывал тебе о татуировке ламантина у меня на внутренней стороне бедра? Ему пришлось подправить ее.

— Верно! Я совсем об этом забыла! — Кэт оценивающе смотрит на Пэнни. — Ты странная.

— Полностью, — с гордостью говорит Пэнни. — И я полгода не выходила из квартиры, когда впервые переехала в город. Даже за мороженым и туалетной бумагой. Я страдала агорафобией и, вероятно, умерла бы, если бы не доставка продуктов.

Кэт улыбается.

— Я и не знала этого. Оу, теперь понятно, почему мы так быстро стали подружками. Ты тоже чокнутая.

— Кстати, о сумасшедших, — говорю я, стараясь вернуть их к главной теме. — Бывшая Джейка действительно выжила из ума. Она выследила меня на следующее утро после того, как были опубликованы наши снимки, где мы целуемся, выходя из «Мета». Она оставила мне подарок безумной преследовательницы у консьержа. Фотография с момента моего ареста за протесты в колледже и обещала рассказать Джейку все мои грязные секреты, чтобы он не захотел меня больше видеть.

— О, Боже, — говорит Пэнни, улыбка меркнет. — Это страшно, Шэйн. Вам с Джейком следует обратиться в полицию.

— Ничего хорошего в этом нет, — говорит Кэт, поднимая руки, пока мы с Пэнни прожигаем ее взглядами. — Простите, но у меня был опыт с преследованием. Судебный запрет не удержит неуравновешенного человека, а ресурсов у полиции не хватит, чтобы защитить всех. Вам стоит лишь надеяться, что она увидит вас с Джейком, поймет, что между вами все по-настоящему, и найдет себе другую цель. Или совершит что-то настолько безумное, что ее посадят, как моего бывшего.

Я дрожу.

— Кери действительно пырнула его ножом. Но даже если я смогу убедить Джейка рассказать об этом, не уверена, что ее арестуют, не говоря о том, чтобы она получила реальный срок.

— Вероятнее всего, нет, — говорит Кэт. — Если это было ее первое нарушение и других свидетелей нет.

— Их нет, — подтверждаю я, барабанив пальцами по чашке. — Возможно, Джейк прав, и лучше будет притвориться беременной. Он считает, что она одумается, если узнает о невинной жизни.

Кэт выгибает брови.

— Ну, полагаю, он лучше знает. Я склонна думать, что люди вроде Кери не хотят и не тревожатся о невинных жизнях, но, если тебе понадобится совет о том, как притвориться беременной, дай знать. Пока что меня больше всего мучает тошнота и рвота.

Тема разговора сводится к детям и срокам родов, а затем Пэнни делится планами о том, как провести день рождения Баша и их свадьбу в декабре. Мы прерываемся лишь для того, чтобы взять еще еды и провести оставшуюся часть утра в привычном ритме. Из ресторана выходим уже около десяти утра, как раз к моменту, когда люди начинают суетиться и выстраиваться в очередь, чтобы купить выпечку. Я радостно принимаю очередную порцию кофеина, надеясь на прекрасное будущее.

Пэнни и Кэт не считают, что мне стоит порвать с Джейком, а он сам только что прислал сообщение из Чикаго.

Только что приземлились. Уже скучаю по тебе.

Как только доберемся до отеля, позвоню. Мне бы не хотелось расставаться с тобой сегодня утром, Принцесса.

Мне понравилось просыпаться рядом с тобой.

Я набираю в ответ.

Мне тоже понравилось просыпаться с тобой. Не могу дождаться, когда снова услышу твой голос, красавчик.

И танцующей походкой иду по улице в солнечный, морозный день, прижимая к груди телефон. Я так счастлива, счастливее, чем когда-либо, так рада, что не замечаю в дверях аптеки на противоположной стороне улицы женщину, пока она не выходит из тени и не спешит уйти, повернувшись спиной к утреннему солнцу.

Я замираю, наблюдая, как Кери уходит, и задаюсь вопросом: хороший ли это знак или плохой, что она уходит без каких-либо угроз...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Джейк

Когда я только начал играть за «Рэйнджерс», то жил ради выездной игры.

Я рос в бедной семье и у меня не было ни единого шанса отправиться путешествовать. Мне нравится смотреть новые места, тусоваться с командой в баре отеля после игры, сближаться во время поездок, ощущать единство с людьми, чувствовать, что мы семья. Даже спустя годы, когда я достаточно вырос, чтобы ценить возможность просыпаться в своей постели, все равно рвался в аэропорт.

Но на этот раз я чертовски хочу вернуться домой.

Переписываться и разговаривать с Шэйн по телефону недостаточно. Общение по скайпу еще хуже. Видеть ее и не прикасаться — настоящая пытка. Даже разгром «Блэкхоукс» со счетом шесть-один и первый хэт-трик в сезоне не спасает от хмурого выражения на лице в последний вечер в Чикаго. После приземления в Нью-Йорке все, о чем я могу думать, как поеду домой к Шэйн, закрою дверь и буду заниматься с ней любовью на протяжении двух дней, пока она не кончит так много раз, что не сможет пошевелиться, и мне придется отнести ее в ванную и принять душ вдвоем, испытав больше оргазмов.

Вместо этого я спешу домой, чтобы быстро принять душ и переодеться перед встречей с Шэйн и Денизой в баре рядом с моей квартирой, чтобы дать второе интервью о счастливых часах за бокалом маргариты. Полагаю, что мое плохое настроение сохранится надолго, потому что не люблю отвечать на каверзные вопросы, а время с Шэйн приходится отнести на второй план, как бы я этого не хотел. Но стоит мне увидеть ее, как недовольство испаряется.

В баре многолюдно, свет приглушен, но я замечаю ее, как только вхожу. Она смеется над чем-то, и улыбка на ее лице... чертовски ослепительна.

А затем Шэйн поворачивается в мою сторону, словно чувствует, что я стою здесь и размышляю над тем, как она прекрасна. Мы встречаемся взглядами, и ее улыбка становится шире и ярче, затмевая всех присутствующих в помещении. Я вижу только ее.

Мы встречаемся где-то между стойкой администратора и баром, и я целую ее, словно мы не виделись дольше трех дней.

Целую ее долго, глубоко, проводя ладонями по изгибам ее тела, используя губы, зубы и язык, чтобы показать, как сильно скучал по ней, как безумно сексуально выглядит на ней облегающий красный свитер и как я не могу дождаться момента, когда останусь с ней наедине и сниму с нее одежду. В момент, когда нас охватывает эйфория, мой член настолько тверд, что на него можно поставить бокал маргариты, но серый свитер, который я надел, достаточно длинный, чтобы скрыть все.

Возможно, мой инструмент не самый «острый», но я, наконец, усвоил урок: встреча с Шэйн приводит к неудобным стоякам, а значит, мне надо тщательнее продумывать гардероб.

— Я так рада тебя видеть, — в ее глазах танцуют чертики, пока она нежно проводит пальцами по моей щеке. — Уже начала думать, что ты мне приснился.

— Я тоже рад тебя видеть. Ты прекрасно выглядишь.

— Ты тоже, — со счастливым вздохом говорит она. — Но еще лучше ты смотрелся бы без одежды в моей квартире.

Я смеюсь.

— Боже, ты тоже, — сжимаю ее бедра через ткань джинс. — Не могу дождаться, когда раздену тебя, Принцесса. Весь полет я думал о том, как заставлю тебя кричать.

Она дрожит.

— Скоро. Надеюсь, это не займет много времени. Через пару часов Денизе нужно быть на вечеринке в честь Хэллоуина.

Я беру ее за руку и послушно иду за ней к столику, за которым сидит Дениза, ощущая, как в голове что-то кольнуло.

— Я забыл про Хэллоуин.

— И я, — говорит Шэйн, повысив голос, чтобы перекричать толпу. — Это ускользнуло из памяти, пока не увидела стайку принцесс у своего дома. Там их было двадцать или тридцать, все шли на вечеринку.

— Дерьмо, — говорю я, понимая, почему дата должна была бы засесть у меня в голове. — Мне тоже надо на вечеринку сегодня. В моем квартале устраивают благотворительное мероприятие каждый год, и дети просят сладости на улице. Обычно я стараюсь провести там час или около того.

Шэйн с улыбкой пожимает мою руку.

— Все хорошо. Я люблю детей и закрытые вечеринки. Мы пойдем туда сразу, как закончим здесь. Я более чем уверена, что от сексуального перевозбуждения мы не умрем.

— Тебе так только кажется, — говорю я, ухмыляясь.

— Конечно, — она смеется, тянется ко мне и целует. Поцелуй такой быстрый, но от него у меня кружится голова. Эта женщина — мой личный наркотик, и я планирую устроить себе передозировку как можно скорее.

— Ох, вы двое, — с тяжелым вздохом говорит Дениза. — Мне кажется, что с нашей последней встречи вы стали еще милее.

В течение следующего часа мы убеждаем Денизу, что мы и правда милее, красивее, сексуальнее и даже более влюблены друг в друга, чем на прошлой нашей встрече. Договорившись о встрече с фотографом, прощаемся на тротуаре возле бара и расходимся, как раз в то время, когда солнце садится.

К тому времени, как мы с Шэйном ловим машину и направляемся на окраину города в «Адскую кухню», в квартале уже многолюдно. Дети бегают по улице, смеясь и крича, держа в руках наполненные конфетами наволочки, а взрослые толпятся под лампами у грузовиков с едой. Дети постарше прячутся в темноте, сидя со своими парнями и девушками, украдкой целуясь и поедая сахарную вату.

— Хотел бы я, чтобы нам снова было по шестнадцать, — бормочу я Шэйну, кивая на пару подростков в тени. — И мы могли бы избежать наказания за публичные поцелуи.

— Нет, — говорит она, впиваясь пальцами в мою руку. — Если бы ты лишил мою попку девственности в шестнадцать лет, я бы разозлилась.

Я улыбаюсь.

— Я бы не решился на такой шаг, когда был подростком. И я не хотел бы разочаровать тебя, Принцесса, но это была не девственность твоей задницы, а всего лишь прелюдия, разогрев перед главным событием.

Она поворачивается с широко распахнутыми от ужаса глазами, и я не могу сохранить невозмутимое лицо.

— Я шучу, — со смехом уверяю я. — Просто шучу.

У нее перехватывает дыхание.

— Слава Богу. Твой палец — это одно, но дракон у тебя в штанах — совсем другое дело.

— Теперь знаешь, откуда взялось мое прозвище, — я подмигиваю, и она смеется. Мне хочется взять ее за задницу и заставить чувствовать себя так хорошо, что она начнет умолять меня трахнуть ее снова. Но это подождет до следующего раза.

Некоторые вещи лучше преподносить в жаркие моменты, сопровождая несколькими оргазмами и обильной смазкой.

Перестань.

Перестань думать о том, как трахнуть ее киску или задницу, или любую другую часть тела, иначе станешь тем самым парнем, что разгуливает на вечеринке в квартале со стояком.

— Хочешь карамельных яблок? — спрашиваю я, решая немного остудить лицо холодной водой.

— Конечно, — говорит Шэйн. — Но сперва давай найдем пару детишек, готовых поделиться своей добычей. Я так давно не ела конфеты на Хэллоуин.

Так мы и сделали. Купили яблоки, встретились с организаторами, выпив немного сидра, а затем присоединились к группе ребят, которые раскладывали на асфальте конфеты, желая сравнить добычу.

Шэйн обменивает свой серебряный браслет на три кусочка шоколада у малышки, больше впечатленной красивой женщиной, чем скучным хоккеистом, которого видит пару раз в год. Пара мальчиков хотят поговорить о хэт-трике на игре с «Блэкхоукс», но к моменту, когда Шэйн обменивает чехол от телефона, подарочную карту «Старбакс», фонарик на брелоке и серьги на еще большее количество сладостей, она становится звездой квартальной вечеринки.

По крайней мере, популярнее меня.

Когда мы с Шэйном уходим, наполнив ее сумочку сладостями, я не сдерживаюсь и целую ее в макушку.

— Спасибо.

— За что? — она обнимает меня за талию. — За то, что принесла нам сладости?

— За то, что была такой щедрой с ними.

— У меня так много всего, Джейк, — говорит она, пряча улыбку. — Отдать пару украшений и телефонный чехол — ерунда. На самом деле это мелочи. Если бы я знала, что мы пойдем сюда, то зашла бы в игрушечный магазин и купила что-нибудь получше сладостей.

— Для них это важное дело. И для меня. Ты бы удивилась, если бы узнала, как много людей я встречаю на благотворительных мероприятиях, которые не протянули другому человеку и стакана воды, если бы бухгалтеры не дышали им в спину, требуя увеличить отчисления для пожертвований.

— Нет, я бы не удивилась, — она закатывает глаза. — Не забывай, я занимаюсь благотворительностью и знаю все о скрягах и том, что им всегда и всего мало.

— Верно, — соглашаюсь я, полагая, что это идеальное описание таких людей. Они словно больны. — Даже когда очевидно, что живут они лучше других людей и имеют все, о чем те могут только мечтать, глядя им в глаза все, о чем они могут думать, как заполучить в свои руки еще больше.

Она вздыхает.

— Жадность заложена в наших генах. Но если мы не будем аккуратны, то разрушим

сами себя. Ничего хорошего не случится, если мы будем унижать слабых и возвышать сильных. Мы все виноваты в этом. Но многие об этом забывают.

Я останавливаюсь в конце улицы перед заграждениями, которые огораживают Девятую авеню от движения, и поворачиваюсь лицом к ней, у меня все сжимается в груди.

— Помнишь, когда ты сказала, что можешь в меня влюбиться из-за тех слов?

Она кивает, застенчиво опуская глаза, от чего во мне возникает желание поцеловать ее. Но тогда что с ней происходит?

— Я тоже мог бы влюбиться в тебя за это, — добавляю я тихим голосом. — Ты заставляешь меня верить, что не все люди плохие, Уиллоуби.

Она хмурится, опуская взгляд на тротуар. Я хочу спросить, что не так, когда она первая начинает.

— Баш проверял твое прошлое. До твоего совершеннолетия. Проверить, не было ли у тебя судимостей.

У меня горло сдавливает, язык становится вялым.

— Что?

— Я попросила его до того, как мы перевели работу в более личные отношения, — она сплетает пальцы, поднимая на меня умоляющий взгляд. — Недавно мы завтракали с Пэнни, и она сказала, что Баш что-то нашел, но я сказала, что не хочу знать об этом. Хочу, чтобы ты сам решил, как много хочешь рассказать мне из своего прошлого. — Она делает глубокий вдох. — Прости. Я не хотела разрушить этот момент, этот вечер. Просто нужно было сказать тебе. Я чувствую себя виноватой, хотя, клянусь, никогда не попросила бы о подобном, если бы наши отношения с самого начала были личными. В то время я не знала тебя, и на самом деле тот факт, что ты не пошел в полицию после нападения, заставил меня беспокоиться.

Я медленно киваю, напряжение начинает рассеиваться.

— А теперь? Ты все еще волнуешься?

— Да, — честно говорит она, потому что Шэйн достаточно сильна, чтобы вести себя честно с людьми, которые ей дороги, даже когда говорит то, чего они не хотят слышать. — Но я также узнала тебя лучше. И доверяю тебе. Поэтому я готова подождать, когда ты сам мне все расскажешь.

Я тянусь, убирая волосы с ее щеки.

— Я был готов еще в прошлую ночь, Принцесса, но кто-то разделся и отвлек меня.

Она ухмыльнулась.

— Если я правильно помню, не только я разделась. Не позволю взваливать всю вину на одного человека.

— Верно, — уступаю я, запуская пальцы в ее волосы. — Я тоже, видимо, поспособствовал отвлечению. Я очень привлекателен, когда раздеваюсь.

Она смеется.

— Ты невероятно привлекателен. И так... У нас все нормально? — она кладет ладонь на мою грудь. — Ты не злишься?

— Почему я должен злиться? Мне нравится, что ты честна со мной. Ты мне нравишься, и точка, — я наклоняюсь, запечатлевая на ее губах поцелуй. — У меня есть хорошая идея насчет того, что нашли Баш и Пэнни. Я расскажу тебе об этом по пути ко мне домой. А сейчас нам нужно поймать такси, пока еще не поздно. Как тебе?

— Звучит идеально, — она приподнимается на цыпочки, снова целует меня, улыбаясь, когда заканчивает. — Я рада, что ты дома, Дракон.

— Я тоже, — говорю я, наслаждаясь звучанием слова «дом» из ее уст, думая о том, что хочу возвращаться туда вместе с этой женщиной, улыбаться ей, целовать ее. Возвращаться к ее способности делать все еще лучше, просто находясь рядом.

Когда мы подходим к краю тротуара в поисках свободного такси, я думаю лишь о том, чтобы попросить Шэйн переехать ко мне, и задаюсь вопросом, сколько пройдет времени, прежде чем все это перестанет казаться безумием. Я знаю ее всего неделю и могу по пальцам сосчитать, сколько раз мы переспали, но уверен, что хочу проводить с этой женщиной каждую ночь.

Я хочу, чтобы она находилась в моей постели, в моей жизни, находилась рядом со мной, впервые за долгое время позволяя мне не чувствовать себя одиноким. Возможно, впервые в моей жизни.

С возрастом я чувствовал, что должен заботиться о маме и братьях, быть мужчиной в доме, которым не смог стать отец. Я взвалил на себя груз и никогда не винил свою семью, но и не могу отрицать, что был рад, когда закончил школу и уехал, держась, наконец, на расстоянии от ответственности. Глядя на себя со стороны, полагаю, в этом и причина, что я не завожу серьезных отношений с женщинами. Глубоко внутри я боюсь снова взваливать на плечи эмоциональный груз.

Я не понимал, что такое возможно: моя женщина, которой смогу доверить помочь мне нести груз. Кто-то, кто может помочь мне осознать, как много из этого дерьма мне не потребуется.

У меня есть груз. Я годами знаю об этом, но никогда не размышлял о терапии. Мой груз похож на броню — тяжелую, но необходимую для моей собственной безопасности.

Но, возможно, я не прав.

Я размышляю о шорах на глазах лошадей, которые мешают им видеть трассу перед собой. Думаю о своей жизни, обо всем, что не видел прежде, о таких вещах, как надежда и доброта, о причинах верить в то, что люди на самом деле лучше, чем я их представлял.

Я настолько захвачен переменами внутри меня и ощущением руки Шэйн в моей, что не замечаю парня, который подходит, хватая Шэйн за руку и вырывает ее из моей руки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Джейк

Шэйн вскрикивает, спотыкаясь и падая на тротуар. Мужчина, который схватил ее, снова тянется к руке, но я перехватываю его, толкаю плечом в живот и припечатываю к стене здания позади нас.

В мыслях нет ничего, кроме слепой ярости и потребности убрать этот кусок дерьма подальше от Шэйна. Оттолкнуть его и заставить пожалеть о той минуте, когда он решил к ней прикоснуться, на всю оставшуюся жизнь.

Я сжимаю кулак и наношу удар в живот. Он стонет и, прежде чем восстановить дыхание, получает от меня все новые удары.

Бью его до тех пор, пока он не начинает давиться, слюна стекает через черную маску на его лице. Бью, пока он не опускается на колени, а тихий голос в моей голове намекает, что пора остановиться, но я не могу.

Не останавливаюсь, пока не слышу крик Шэйна и, повернувшись, обнаруживаю еще одного мужчину в маске с дубинкой, которую он должно быть вытащил из мусорной корзины. Я изворачиваюсь, словив удар не по голове, как планировал он, а по плечу, разворачиваюсь, готовясь нанести удар второму парню и выбить у него оружие.

Но вместо этого парень бросает дубинку в меня. Я поднимаю руки, защищая лицо, но что-то царапает мою руку.

Я чертыхаюсь, ощущая, как по предплечью распространяется колющее ощущение. Протянув руку, вытаскиваю брошенную дубинку, обнажая покрытый кровью гвоздь. Но ее не так много, и я вполне в силах продолжать борьбу. Поднимаю кулаки, готовясь разобраться с тем, кто еще не попробовал мой кулак, и вижу, как оба мужчины уносят задницы по тротуару, поддерживая друг друга.

Собираюсь броситься за ними, но Шэйн хватается меня за руку.

— Не надо, Джейк. Прошу!

Страх в ее голосе заставляет мое сердце биться чаще.

Поворачиваюсь к ней, проверяя, не ранена ли она.

— Ты в порядке? Нигде не болит?

— Нет, я в порядке, — говорит она, качая головой. — А ты — нет. У тебя кровь.

Я опускаю взгляд на красное пятно, расплывающееся по волокнам моего порванного свитера.

— Все хорошо. Это просто гвоздь. Когда мы придем домой, я промою рану.

— Нет и еще раз нет, Фальконе. Ни в коем случае, — взгляд становится жестче, пока она отрицательно качает головой, впиваясь пальцами в мой бицепс. — Мы едем в отделение скорой помощи, где тебе сделают прививку от столбняка. Я не собираюсь наблюдать за тем, как ты умрешь от него у меня на глазах.

— Мне не нужна прививка, — я смотрю через плечо, размышляя, что на самом деле нужно окончательно выбить дерьмо из мужчин, пытавшихся ограбить Шэйна, но их уже и след простыл.

Я со вздохом поворачиваюсь к ней и вижу, что Шэйн готова спорить, поэтому поднимаю руки.

— Серьезно, я в курсе последствий. Но доктора в команде проверяют нас и делают вакцинацию от гнойного менингита и столбняка, в случае, если мы порежемся о лезвие коньков и от мудаков, которые хватаются грязными руками за каппы во время игры.

Шэйн расслабляет плечи, огонь во взгляде исчезает.

— Хорошо. Но ты должен пообещать, что сдашь анализы.

— Обещаю, — говорю, взяв ее за руку. — Ты точно в порядке?

Она медленно кивает.

— Да. Просто потрясена. Это было... странно.

— Да, подобного дерьма явно не ожидаешь в центре города, — говорю я. — Здесь много полицейских. Не самое удачное место для грабежа.

Шэйн качает головой, задумчиво хмурясь.

— Более того, зачем лезть за моей сумочкой? Есть десятки женщин, рядом с которыми не стоит мужчина, который выглядит, как гора мускулов.

— Не знаю, — провожу рукой по волосам, хмурясь, когда костяшки пронзает боль. Еще пару дней я буду испытывать подобные ощущения, но моему противнику придется еще хуже. — В тебе есть что-то, говорящее о богатстве.

— Да? — она выгибает бровь. — И что же?

Я пожимаю плечами, чувствуя, что ступаю на опасную почву.

— Может, что-то в твоих волосах? Они мягче, чем у простых людей, — Шэйн фыркает, явно не впечатленная. — Может, одежда? Или сумочка? Они дорогие, верно?

— Одежда у меня от «Мэйси», не дорогая. Сумочка куплена на распродаже за пятьдесят баксов, — говорит она. — Волосы у меня мелированные, как у половины женщин вокруг. Ведь волосы — это то, что ежедневно с тобой и требует особого ухода, на них нельзя экономить, — я приоткрываю рот, но она не дает мне вставить слово, продолжив. — И если говорить об одежде. Мужчина, которого ты ударил, был одет в хороший свитер. И они оба приняли душ, я чувствовала аромат шампуня.

— Воры тоже купаются, Шэйн, — говорю я, хотя признаться, в ее словах есть смысл. — Может, они собирались пойти в клуб после того, как ограбят тебя и опустошат банковский счет.

— Или это не случайность, — говорит она, пронзая меня взглядом. — Может, это послание, Джейк. И может пришло время позвонить в полицию и рассказать им все о Кери прежде, чем мы серьезно пострадаем.

Шэйн

Как. Же. Я. Зла. Я так с ума сойду.

Я так злюсь, что останавливаю такси и собираюсь вернуться домой одна без крупных, глупых мужчин, но Джейк в последний момент забирается на заднее сиденье и говорит, что проводит меня до двери, чтобы убедиться, что я доберусь домой в безопасности.

Хочет убедиться, что я в безопасности. Хотя не верит, что я права насчет Кери, что это ее попытка напугать меня и порвать с ним. Хотя он знает, что Кери преследовала меня, когда он улетел, и я не однократно замечала ее в подворотнях. И ведь я рассказала ему об этом.

Но он все еще не воспринимает мою теорию всерьез и отказывается идти в полицию, чтобы написать заявление о попытке ограбления, потому что «мы не видели лица нападавшего» и «в любом случае не поможем полицейским с опознанием».

Он безумец. И чертовски меня расстраивает.

И конченный осел, который игнорирует мои уверения, что я могу самостоятельно подняться в лифте, стоит, скрестив руки на груди, смотрит на меня, не отводя взгляд. А я смотрю в ответ, словно это моя работа.

— Прости, — говорит он, когда мы поднимаемся наверх. — Я тебя расстроил.

— Ты самый упертый человек, которого я встречала. В этом нет сомнений.

Он склоняет голову.

— Возможно. Но я просто хочу убедиться, что ты в безопасности.

— Если бы ты действительно этого хотел, мы были бы в полицейском участке прямо сейчас.

— Мы же не видели их лиц, Шэйн, — его тон указывает на то, что я самый упрямый, неразумный человек во Вселенной. — Тысячи мужчин на Манхэттене имеют такое же телосложение. Обращение в полицию ничего не дало бы. Поверь, если бы был хоть один шанс, я бы пошел с тобой. Для меня нет ничего важнее твоей безопасности.

Я скрещиваю руки на груди, не отводя взгляда до тех пор, пока лифт не издает сигнал и двери распахиваются. Я прохожу мимо него, фыркнув, и начинаю рыться в сумочке в поиске ключей.

— Что это значит? — спрашивает он, следуя за мной до двери.

— О чем ты?

— Фырканье. Фырканье и взгляд.

Я холодно пожимаю плечами, надеясь, что он почувствует мое настроение.

— Давай, Принцесса, — грубо говорит он, — Разве мы не вышли из того возраста, когда замалчиваем обиды? Поговори со мной хотя бы. Я не смогу ничего исправить, пока ты не скажешь.

— Не о чем разговаривать, — говорю я, хотя мой желудок скручивает и все, что я хочу сделать, это упасть в его объятия, раствориться в его силе и быть там, где хотела с того самого момента, как он улетел субботним утром.

Почему эти мужчины разрушили лучшую ночь в моей жизни? Каждая минута, проведенная сегодня с Джейком, была идеальной, даже более чем идеальной. Пока не

появились эти идиоты в масках.

Но факт остается фактом, на нас напали, и Джейк хреново справляется с ситуацией. Он ведет себя нелепо, очень неосмотрительно, а я не могу этого допустить. Он может оставаться в этом безумном поезде, если хочет, а с меня хватит, я выхожу.

Я собираюсь сказать ему об этом в тот самый момент, когда он ставит ладони по обе стороны от моего лица, прижимая меня к двери. Спустя мгновение его глубокий, сексуальный голос раздается у моего уха, посылая вибрации по моему телу.

— Не делай этого, Принцесса. Не отстраняйся от меня, — я прикрываю глаза, мир кружится под ногами, когда он прижимается грудью к моим плечам, и его аромат сводит с ума. — Все, о чем я думал с момента, когда мы расстались, снова увидеть тебя. И не только потому, что ты самая сексуальная из женщин, которых я встречал. А потому что быть с тобой правильно. Находясь с тобой, я...

Я накрываю его руки своими, молча поощряя продолжать. Этого простого прикосновения достаточно, чтобы моя кровь запульсировала быстрее, а тело заныло.

— Я чувствую себя на своем месте, — шепчет он. — Но, если мы не сможем преодолеть нашу первую ссору мирно, а не с помощью твоего побега, ничего хорошего не выйдет.

Я выдыхаю, долго и медленно, зная, что он прав.

— Но я не знаю, как с этим справиться. Ты не хочешь принять мою сторону.

— Я принял ее, Шэйн, — говорит он, — Клянусь. Ты на самом деле считаешь, что мое предложение неверное?

Я обдумываю этот вопрос, проводя кончиками пальцев по его рукам к мускулистым и идеальным предплечьям.

— Мне нравится, что у тебя здесь волоски, — говорю я, поглаживая. — Я тебе этого не говорила?

— Нет, — его теплое дыхание касается моей шеи, но я все еще дрожу.

— Теперь сказала. Если бы твое предплечье было хорьком, то я назвала бы его Фергюсом.

Он задумчиво фырчит.

— Если хочешь, можешь называть мое предплечье Фергюсом.

Я глажу его правую руку.

— Спасибо. Мило, что ты так легко отдал мне право раздавать имена.

— Не за что, — он целует мой подбородок, обнимая левой рукой за талию, притягивает ближе, посылая новую волну желания по моему телу. — Значит, мы помирились?

— Думаю, да, — я прикусываю губу, когда он прижимается ко мне своим возбужденным органом через джинсы. — Ты прав. Они бы не смогли опознать мужчин, основываясь на том, что мы видели. Но я хочу, чтобы мы записали все, что с нами произошло, чтобы у нас сохранились эти заметки. Придет время, когда нам потребуется пойти в полицию, Джейк, если ты не сдержишь обещание пойти со мной, тогда я пойду туда одна. И не уверена, что после этого мы сможем помириться.

— Мы можем составить список прямо сейчас, — он протягивает руку, поворачивая ключ в замке. — И я обещаю, что не позволю тебе пойти в одиночку. Если нам потребуется помощь правоохранительных органов, я пойду с тобой.

Он заходит внутрь, вталкивая меня в комнату и закрывая за нами дверь. Я бросаю сумочку на столик и поворачиваюсь в его объятиях, обнимая за шею.

— И я хочу начать записи с того момента, как Кери пришла к тебе с кухонным

ножом, — я смотрю на него пристальным взглядом, хотя все, чего мне хочется, поцеловать его и продолжать целовать, пока мы не разденемся, и он не окажется внутри меня, и все снова станет идеальным.

Он кивает, оттесняя нас вглубь комнаты.

— Запишем. Но это было до тебя.

Я выгибаю бровь.

— И это разве важно..?

— Меня не волновала безопасность на тот момент, — говорит он, подхватывая меня руками под попу. — И я не сильно очарован этой попкой. Я чертовски влюблен в эту аппетитную попку, Принцесса. У меня всю неделю были пошлые сны.

— Да? — у меня перехватывает дыхание, когда он поднимает меня, поддерживая руками под ягодицы. Я обхватываю его лодыжками за талию. — Насколько пошлые?

— Настолько пошлые, что просыпаясь, я отчаянно жаждал оказаться внутри тебя, а мои яйца болели, словно по ним хорошенько ударили, — говорит он, направляясь в спальню.

— Не уверена, что по ним били, — говорю я, целуя его в щеку. — Но прости, что тебе пришлось через такое пройти. Бедный Дракон.

— Это была настоящая пытка, — войдя в спальню, мужчина пинком закрывает за нами дверь. — Мне пришлось подрочить, вспоминая о том, как я находился внутри тебя, прежде чем снова уснуть. Но этих воспоминаний недостаточно, Принцесса. Мне нужно больше.

— Думаю, это можно исправить, — я впиваюсь ногтями в его плечи, держась крепче, пока он кладет нас обоих на постель, нависая надо мной своим теплым и тяжелым телом. — Спасибо, что не позволил мне сбежать.

— Спасибо, что терпишь мою упрямую задницу, — он стягивает мой свитер через голову и обхватывает мою грудь. — Мне нравятся и твои сисечки, знаешь ли. Почти так же, как и попка. И особенно мне нравятся звуки, которые ты издаешь, когда я прикусываю твои сосочки.

У меня перехватывает дыхание.

— А мне нравится чувствовать прикосновения твоих губ. Это очень приятно, — я выгибаюсь навстречу его прикосновениям, пока он опускает мой лифчик, а его язык кружит по соскам, посылая болезненные ощущения, которые разрастаются внутри меня от дразнящих манипуляций.

— Мне нравится чувствовать, как твои сосочки твердеют у меня во рту, — говорит Джейк, перекачивая мои горошинки между пальцами. — И осознание, что я заставляю тебя увлажняться. Ты ведь уже влажная, Принцесса?

— Да, — слово превращается в стон, когда он опускает ладонь вниз, пробираясь под мои джинсы и нащупывая то самое мокрое и горячее место.

Чертыхнувшись, начинает трахать меня рукой.

— Я заставлю тебя кончить много раз сегодня, детка. Собираюсь заставить тебя оргазмировать до тех пор, пока ты не забудешь о своем желании вернуться домой в одиночестве, — он прижимается к моей груди, посасывая ее так глубоко и интенсивно, что я вскрикиваю, дрожа от его прикосновений. Секунды спустя я кончаю всего от пары глубоких погружений его пальцев, все еще не раздевшись.

Его волшебные пальцы, волшебная рука. Этот волшебный мужчина, заставляющий меня выкрикивать его имя. Он стаскивает с меня джинсы и отбрасывает на пол. И прежде, чем я успеваю отойти от первого оргазма, оказывается у меня между ног. Лижет, посасывает,

покусывает.

Он прикусывает мой клитор, подбирая идеальное давление, не слишком нежно и не слишком сильно, и я снова вскрикиваю, не говоря ни слова. Никаких слов, лишь жар, голод, сексуальные звуки, которые исходят изнутри меня, когда я кончаю на его язык, и Джейк издает стон рядом с моей набухшей плотью, демонстрируя, что ему нравится этот вкус, нравится доставлять мне удовольствие, нравится все, что мы делаем друг с другом.

А затем Джейк целует меня. Мой солоноватый вкус на его губах смешивается с его сладким и терпким, и я осознаю, что нет ничего лучше вкуса этого мужчины, стонущего от облегчения, когда он входит в меня, словно оказаться в моем теле — единственное, что ему нужно в этом мире.

Джейк входит в меня полностью. Его член такой толстый, что мне немного больно, когда он полностью наполняет меня, а затем продвигается еще чуть глубже, но это приятная боль.

Это расплата за то, что вы хотите и получаете. Это осознание того, что удовольствие — не река, а океан, бескрайнее море наслаждения и удовольствия. И когда он трахает меня так, что я кончаю в третий раз, и собирается заставить меня кончить снова, я понимаю, чего была лишена.

Этот мужчина для меня все. Все, что я хочу. И не важно, как сильно я боюсь смотреть в его глаза и увидеть мужчину, заставившего меня впустить его. Страшнее не думать о Джейке, не думать о Драконе, о сильных руках, крепко обнимающих меня и уверяющих, что нет причин сбегать.

Больше никогда.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Джейк

Она такая хорошая. Такая красивая. Такая идеальная.

Ощущения оказываются даже лучше, чем в наш первый раз, и что-то внутри меня подсказывает, что все будет лишь слаще, горячее и сексуальнее. Каждый раз с Шэйн будет лучше предыдущего, потому что с каждой новой встречей она подпускает меня ближе.

Ближе к ней, женщине, которая показывает мне то, чего я никогда прежде не видел, и заставляет меня так ярко ощущать все происходящее, что, клянусь, эхо ее оргазмов отдается в каждой клеточке моего тела.

И, черт, это невероятно. Обжигающая нирвана пронзает мои яйца, проходит по позвоночнику, зажигает меня, искореняя желание излиться в нее. У меня никогда прежде не было проблем с выдержкой в постели, но сегодня я бью личный рекорд.

К тому моменту, как я переворачиваю Шэйн на живот и вхожу в нее сзади, она кончает уже трижды, но мне нужно еще. Еще раз, чтобы я тоже кончил, излился в ее сладостное лоно.

— Еще разок, детка, — шепчу я ей в шею, двигаясь. Мои яйца шлепают по ее бедрам. — Я хочу ощутить это еще раз.

— Не могу, — задыхается она, двигая бедрами и давая мне возможности войти глубже. — Я уже выдохлась. Это невероятно, Джейк. Я словно под кайфом.

— Хочу доставить тебе еще большее удовольствие, — я протягиваю руку между нашими телами, нахожу ее клитор, а другой рукой накрываю ее ладони, прижимая ее к матрасу. — Еще раз. Дай мне почувствовать, как твоя сладкая киска сжимает мой член, принцесса. Я хочу кончить с тобой, давай.

Она стонет, прогибаясь.

— О Боже, Джейк. Боже...

— Ты почти у цели. Я чувствую это, — сдвигаю лодыжки, пока головка моего члена не оказывается сжатой ее тугой вагиной. — Давай, малышка. Кончи для меня. Кончи, Шэйн. *Боже, да. Да, бл*ть.*

Она кончает дико, бесстыдно крича и с силой сжимая мой член внутри. Я забываюсь. Резко кончаю, врываясь глубоко в нее, и Шэйн принимает меня полностью, ее тело сжимается вокруг моего члена, крепко, пока я обильно и продолжительно изливаюсь в нее.

Оргазм накрывает меня так сильно, что взор затуманивается, я не способен рассуждать, и на пару секунд теряю контроль. Не осознаю, кто я и где я, почему я здесь, но, когда возвращаюсь, обнаруживаю, что лежу на Шэйн, прикусив нежную плоть на ее плече, крепко обнимая за талию и ощущая ее твердую спину, прижимающуюся к моим ребрам.

Я приподнимаюсь с нее, беспокоясь о том, что она не сможет нормально дышать, но Шэйн протягивает руку и шлепает меня по заднице.

— Останься, — просит она, впиваясь ногтями в только что отшлепанный участок моего тела, заставляя одобритительно зарычать. — Всего на пару минут.

— Я тебя не раздавлю?

— Раздавишь, но мне нравится ощущать твой вес на себе, — вздохнув, говорит она. — Это удерживает меня от того, чтобы воспарить от оргазма.

Я расслабляюсь на ней, с улыбкой зарываясь в ее волосы и подбираясь к ее шее.

— Можешь воспарить, если хочешь.

— Нет, я хочу остаться здесь, с тобой, — ласково пошлепывает меня по заднице. — Ты хорошо поработал, Дракон.

— Ты тоже, Принцесса, — я целую в шею, провожу языком по влажной коже. — А твой пот такой вкусный. Почти столь же приятен на вкус, как и твоя киска.

Она тихо смеется.

— Что смешного? — спрашиваю я, когда объяснений не следует.

— Ты уже дважды добирался до моего лона, а я до сих пор не сделала тебе минет, — говорит она. — Прежде со мной такого не было.

— Ты встречалась не с теми мужчинами. Мне нравится пробовать тебя, ощущать, как ты кончаешь мне в рот, — я одобрительно хмыкаю. — Одна мысль об этом заставила бы меня снова возбудиться, если бы я только что не опустошил свою мошонку.

Она смеется громче, внутренние мышцы ее влагалища сокращаются и выталкивают мой обмякший член.

— Ох, черт. Прости.

— Рано или поздно это случилось бы, — я перекатываюсь на матрас, улыбаясь, когда она сворачивается клубочком на своей стороне, глядя на меня из-за своих светлых растрепанных прядей. Я нежно убираю волосы от ее лица. — Возможно ли, что за последние минуты ты стала еще более прекрасной?

Она усмехается.

— У тебя взгляд затуманен оргазмом. Так говорят мои подруги.

— Я и не подозревал, что оргазм затуманивает взгляд, — я приближаюсь к ней, провожу рукой по соблазнительному изгибу ее талии вниз, к бедру. Потребность прикоснуться к ней — непреодолимое желание, которому я не могу сопротивляться. — Не думаю, что дело в этом. Всему причина ты сама.

— Ты и сам прекрасен. Полагаю, что могла бы получить зависимость от твоего тела. Серьезную зависимость.

Моя улыбка становится шире.

— Хорошо.

— Но ломка была бы ужасной, — говорит она, закидывая свою ногу на мою. — Хуже, чем отказаться от рафинированного сахара, который я не употребляла два месяца и вовсе не получила удовольствия от этого. Потеря трех фунтов этого не стоила.

— Не придется ни от чего отказываться, потому что я никуда не уйду. И худеть тебе не нужно, — я игриво осматриваю ее изгибы. — Ты идеальна во всех отношениях. Особенно твоя чертовски привлекательная задница. Я же говорил тебе, как люблю твою попку?

Она смеется.

— Да, полагаю ты упоминал об этом раз десять, мистер Любитель Попок.

— Я не Любитель попок. Просто твой мужчина. И мне нравится каждая твоя частичка внутри и снаружи.

— Считаешь мою печень сексуальной? — спрашивает она, поведив бровью.

— Чертовски сексуальной. Но я говорю о том, как ты смешаешь меня. И проявляешь себя такой, как есть, на весь мир, не обращая внимания на то, наблюдают ли за тобой или нет. Ты всегда остаешься собой, и это делает тебя особенной.

— Спасибо, — говорит она, смягчив взгляд. — Ты знаешь меня лучше моего прежнего

парня.

— Мне кажется, что мы уже давно знакомы, — говорю я от всего сердца до того, как моя храбрость меня покинет. — Словно я знаком с тобой долгие годы. Или словно ждал возможности познакомиться с тобой ближе.

— Мне тоже, — она тянется, кладет ладонь мне на грудь. Нежность от этого прикосновения вызывает во мне что-то более сладостное, чем вождение. — Так расскажи мне, Дракон. Восполни мне пробелы, о которых я не знала.

Так я рассказываю ей о начале своей карьеры, каким неожиданным потрясением стало для меня то, что все мои мечты сбывались, как мой разум не был готов к успеху, пришедшему ко мне раньше запланированного срока. Она рассказывает мне о том, как сменила специальность с педиатрии на ветеринарию на середине обучения, как тетя полностью поддержала ее, хотя до этого момента у Шэйн не было даже домашнего питомца.

— Я так боялась работать с больными детьми, из-за которых все время грустила бы, и знала, что очень люблю животных, — говорит она. — Я справилась после сотни часов занятий в ветеринарной школе и десяти кошек.

— Ты скучаешь по практике, — я продолжаю прежде, чем она успевает ответить, потому что правда написана у нее на лице. — Тебе следует пройти сертификацию и заняться тем, что ты любишь.

— Но тогда нужно найти того, кто займется благотворительностью, а это не так просто, как кажется. Я знаю все нюансы, потому что долгое время помогала тете Тэнси.

— Так тебе нужно время, чтобы найти нужного человека и обучить его, — настаиваю я. — Жизнь слишком коротка. Тебе нужно любить свою работу. И нужно перевезти твоих кошек в город.

Она смеется.

— О Боже. Можешь представить десять кошек у меня дома? Как будто это ребенок, но на самом деле квартира станет сумасшедшим домом, да и в деревне им лучше. Хотя я бы хотела однажды завести щенка. Полагаю, небольшим породам собак город подходит. Мне лишь стоит убедить ТСЖ разрешить заводить домашних животных в доме. Они запрещают это на протяжении пятидесяти лет.

— Ну, если кто-то и смог бы изменить их мнение, то это явно ты, — говорю я, целуя в ответ ее руку.

Она улыбается и рассказывает мне о времени, когда убедила сменить талисман школы с троянского коня на бойцовскую тыкву, просто потому, что ее друзьям это казалось смешным. Я говорю ей о том, как переделал школьным талисманом, чтобы заработать денег на ярмарке вакансий, и потерял сознание от жары. Шэйн признается, что некоторые виды спорта вызывают у нее скуку, но к хоккею она смогла бы привыкнуть. Я признаюсь, что искусство вызывает у меня сон, но я с наслаждением пил с ней шампанское на крыше музея, любуясь статуями.

Мы одеваемся. Я натягиваю боксеры и майку, а Шэйн — пижаму, перебираемся на диван, чтобы посмотреть телевизор, но продолжаем разговаривать. Я рассказываю, каким маленьким засранцем был в детстве, а она говорит о своей скромности и том, что вылезла из своей скорлупы только после смерти родителей.

— Как ты и сказал прежде, жизнь слишком коротка. Вскоре после аварии я могла думать лишь о том, что у меня не так много времени, — говорит она, проводя пальцами по моей груди вверх и вниз. — Однажды я проснулась, и все мои мысли вырвались из меня.

Сперва тетя Тэнси считала, что я лишилась рассудка, но, в конце концов, осознала, что это была новая я, и приняла это. Слова извергались из меня безостановочно.

— Мне нравится, когда ты рассказываешь о чем-то, — я протягиваю руку, с серьезным видом рассматривая ее. — И мне нравится Фергюс. Поверить не могу, что дожил до тридцати и не назвал свое предплечье.

Она хмыкает в знак согласия.

— Серьезное упущение. Особенно если учесть, что Фергюс такой забавный и милый.

Она поглаживает мое предплечье, и это мило и глупо, но в то же время, так естественно. Внутри меня зарождается нечто, похожее на любовь, и теперь полагаю, пришло время поведать ей ужасные моменты моего детства.

— Насчет того, что накопал Баш... Когда мне было шесть, отец стал брать меня к себе на работу, — говорю я. — И под работой я подразумеваю то, что он крал вещи. Мой отец называл «работой» то, что можно забрать все что плохо лежит, так как весь мир ему должен.

Шэйн ерзает в моих объятиях, поднимая на меня грустные глаза.

— Прости. Это ужасно. Ты же был ребенком.

Я пожимаю плечами.

— Ага, ну у малышей маленькие тела, которые легко можно пропихнуть в окна. Отец был практичным человеком. И позволил бы мне выйти из семейного бизнеса только тогда, когда я вырос. Но на протяжении полугода я ходил с ним, пока мама не узнала о том, что происходит. Они сильно поругались, и он ударил ее. Это и раньше происходило, но впервые у меня на глазах.

Шэйн отстраняется, садится рядом со мной на корточки и берет за руку, крепко сжимает.

— Мама ударилась головой об угол стола и упала на пол, — картина четко предстает предо мной, как в ночь, когда это случилось. Я вижу все, и волна страха захлестывает меня, когда я осознаю, что могу потерять самого любимого в мире человека. — Кровь растекалась по всему линолеуму, а отец все еще кричал... Я так напугался, что сбежал. Я бежал и бежал, пока не потерялся в соседнем районе, который выглядел еще более пугающим, чем мой. Двое копов встретили меня, выслушали и сказали, что помогут.

В глазах Шэйна появляется понимание.

— Но они не помогли?

— Нет, помогли, — говорю я, опуская взгляд на наши сплетенные руки. — Они отвезли меня домой, арестовали этот кусок дерьма, сказали маме, что нужно делать, чтобы получить судебный запрет. Я считал, что все хорошо. Но у моего отца оказался приятель в участке, капитан, с которым он делился своим достатком, а тот, в свою очередь, закрывал глаза на нарушения и все, что происходило в нашем районе.

— Черт, — выпаливает Шэйн.

— Да, дерьмово. Отца освободили, не предъявив обвинений в течении нескольких часов, — провожу языком по губам, но они все равно сохнут сразу же. — Спустя некоторое время он вернулся домой и избил меня. Уверен, что он сломал мне что-то, но не знал наверняка, пока спустя пару лет мне не сделали рентген. Он не отвел меня к врачу, а лишь запер в комнате и сказал, что в следующий раз убьет нас с мамой, если мы заговорим с полицией.

Я качаю головой.

— После этого мама так напугалась, что делала все, что он говорил. Она даже

позволила мне продолжить «работать» с ним, когда я поправился. Но я никогда ее не винил. У мамы нас было четверо, и младший брат был совсем крохой. Он едва мог дышать из-за врожденной астмы, а мама пыталась сделать все, чтобы мы выжили. Знаю, что она делала все, что могла.

— Я бы хотела его убить, — говорит Шэйн, и холод в ее тоне пугает больше, чем если бы она прокричала эти слова. — Знаю, что сейчас этого не требуется, но если бы я могла повернуть время вспять...

Я улыбаюсь.

— Нет, я бы не хотел, чтобы ты пачкала руки о такое дерьмо. Он этого не стоит. И получил по заслугам. Его застрелили, когда мы проникли в дом год спустя. Парень и меня пристрелил бы, если бы не увидел, что я ребенок. Однако, он держал меня до приезда полиции. К тому времени, как они приехали, отец был уже мертв. Мы похоронили его на мое восьмилетие.

— Так вот почему ты не доверяешь полиции, — тихо говорит она.

— С этого все началось, — говорю я, пожимая плечами, — но оно росло, потому что я оставался в том же районе. Копы проезжали мимо, смотрели на нас так, словно мы были врагами — бедные, озлобленные, брошенные на улицах дети, даже те, кто хотел вырасти и уйти. Не было ощущения безопасности. Скорее это чувствовалось так, что мы были против них, несмотря на то, что у них была власть и оружие, а у нас — ничего.

Шэйн поджимает губы и хмурится.

— Давай, — киваю я. — Говори, о чем задумалась.

— Не уверена, что у меня на уме, — говорит она. — Я вижу, к чему ты клонишь и мне жаль, что это случилось с тобой и твоей семьей. Но вспоминаю отца Патрика, священника из школы.

Я вздрагиваю.

— Плохой священник?

Она качает головой.

— О нет, наоборот. Он был ангелом. После смерти родителей он всегда был рядом, даже когда я срывалась, нарушала правила и делала все, чтобы меня выгнали из школы. Он никогда не осуждал, не говорил ничего о том, что мои родители на небесах, потому что на то воля Бога, не говорил ничего, что я не хотела бы слышать, потому что это ложь. Как будто тонкие бинты накладывают на кровоточащую рану, и они насквозь пропитываются кровью.

Она сглотнула.

— Отец Патрик не был проповедником... Он просто любил меня. Любил, как и всех других детей в школе. Никогда не предлагал мне унять боль, но помог исцелиться. Не знаю, как бы я пережила первый год, если бы не он.

— Я рад, — говорю я. — Хотелось бы, чтобы таких людей было больше.

— Но они есть, — говорит она, полностью убежденная. — На каждого священника, растлевающего детей и попадающего в ужасные заголовки газет, приходится один отец Патрик, который тихо работает каждый день, творя чудо для тех, кто нуждается в нем.

Я хмыкаю, понимая, куда она клонит.

— Не утверждаю, что знаю, как живется в городских районах, — продолжает Шэйн, — Знаю, что вела вполне привилегированную жизнь. Но я верю, что людей стоит принимать такими, какие они есть. А полицейские и священники — в первую очередь люди. Это значит, что большинство из них в течение дня находятся где-то между добром и злом, в

зависимости от того, насколько крепким был их сон и получили ли они с утра свою порцию кофеина.

Я усмехаюсь.

— Получается, что большинство людей слишком ленивы, чтобы выбрать только одну сторону?

— Полагаю, да, — она пожимает плечами, одновременно разочаровано и всепрощающе. — Или слишком отвлечены, смущены, запутались в ежедневной рутине, сквозь которую им сложно видеть мир вокруг. Но ты прав, некоторые люди — преступные ублюдки, которые пользуются своей властью.

Она крепче сжимает мою руку.

— Но некоторые из них — настоящие герои, люди, готовые принять пулю за незнакомца или отказаться от секса навсегда, потому что католическая церковь устанавливает безумные правила, а затем отказываются менять их сотни лет.

Я улыбаюсь.

— Отец Патрик — настоящий герой.

— Спорю на твой очаровательный член, — с непроницаемым лицом говорит она. — Смог бы ты на всю свою жизнь отказаться от ярких оргазмов, затуманивающих твой взор?

— Нет, с прошлой субботы уже не смогу, — я сажаю ее на колени, чтобы обнять полностью. Обнимаю, пряча лицо в сладко пахнущих волосах, и обещаю, — постараюсь.

— Все, что мы можем сделать, — говорит она, целуя меня в рот. — Стараясь верить в хороших людей и быть лучше тех, кто подвел нас.

— Моя цель немного выше, — говорю я, обхватывая пальцами ее бедро. — Стать лучше, чем мой преступник-отец, избивающий жену и ребенка, кусок дерьма.

Она целует меня в щеку.

— Ты стоишь десяти таких, как он. Сотни. Ты хороший мужчина, Фальконе.

— Даже когда проявляю упрямство?

— Да, — она удобнее располагается на моих бедрах, оседлывая их и посылая огненные вспышки по моему телу. — Даже когда упрямишься, ты все такой же терпеливый, вдумчивый и чертовски сексуальный.

— Вероятно, стоит закончить серьезный разговор, — я обхватываю ее грудь через футболку, наслаждаясь тем, как ее соски набухают под моими пальцами. — Мне внезапно стало сложно сосредоточиться на чем-то.

— Мне тоже, — говорит она, дыхание учащается, пока Шэйн водит бедрами по тому месту, где выпирает мой член. — Но сперва должна задать тебе очень важный вопрос.

— Какой, Принцесса? — я прижимаюсь к ней, потираясь о нее через одежду.

— Окажешь мне честь и сделаешь меня якобы беременной после сегодняшней ночи, Дракон?

На миг я сбиваюсь с ритма, пока не осознаю, о чем она говорит и облегчение расплзается по моей груди.

— Серьезно? Ты уверена, что все будет хорошо? Если нет, то нам не...

— Все хорошо. Но надо убедиться, что Кери узнает об этом, не привлекая лишнего внимания.

— Я могу рассказать об этом общей знакомой, которая работает с ней.

— Идеально, — говорит Шэйн, улыбаясь, пока тянется к подолу футболки. — Тогда полагаю, тебе остается лишь притвориться, что ты меня обрухатил.

Она потянула ее вверх и сняла через голову, обнажив потрясающую грудь. Спустя мгновение, ее грудь оказывается в моих руках. Я вожу языком поочередно с одного соска на другой, облизываю, посасываю, прикусываю, пока движения ее бедер не становятся более настойчивыми.

— Да, — выдыхает она, впиваясь ногтями мне в шею. — Я так тебя хочу. Хочу, чтобы ты оказался внутри меня. Прямо сейчас.

Я потянулся, стаскивая боксеры до середины бедер, освобождая член, пока Шэйн выскользнула из своих шортиков и трусиков в кратчайшее время. Спустя мгновение она снова была на мне, обхватив головку моего члена и направляя его в себя, опускаясь, пока я не оказываюсь в ее жаркой и влажной киске.

— Вот так, — вздыхает она, прикусив нижнюю губу. — То, что мне нужно.

— Так ты хочешь забеременеть от меня, Принцесса? — я хватаю ее за бедра, проникая глубже, пока мой член не упирается основанием в ее лоно.

Озорные искорки появляются во взгляде Шэйн, и еще до ее ответа я знаю, что она собирается подыграть.

— Да, Дракон. Возьми меня и не смей покидать, пока все не будет сделано.

И я так и делаю.

Беру ее.

И это настолько прекрасно, что я не могу представить, что и где может быть лучше того, что происходит сейчас.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Шэйн

Следующие пару дней пролетают в тумане счастья, возбуждения и частых сексуальных утех с Джейком, поэтому в субботу, когда мы прибываем на фотосессию, мне больно сидеть.

Я морщусь, присаживаясь в кресло визажиста, напротив Джейка, которому стилист укладывает волосы, и выражение моего лица вызывает понимающую улыбку на его прекрасном лице.

— Тише, — шепчу я, прищуриваясь и указывая пальцем на его ухмылку. — Веди себя прилично.

— Я старался вести себя прилично, — говорит он, явно намекая на прошлую ночь и свою безуспешную попытку убедить меня взять выходной и не трахаться, словно кролики, всю ночь, — но кое-кто мне не позволил.

— Как я могла вести себя прилично, если ты сегодня уедешь, и мы не увидимся целую неделю? — я собираю волосы в низкий хвост, чтобы визажисту было удобнее накладывать макияж.

Мы сидим в палатке, которую согревает лишь свет ламп, рядом с галереями в Центральном парке, но прохладный ноябрьский ветер все же проникает сквозь щели брезента. Надеюсь, мы сможем достаточно быстро сделать фотографии, которые ждет Дениза, и мои пальцы не замерзнут в этих туфлях на низкой шпильке, которые подобрала для меня стилист.

— Насчет этого, — говорит Джейк, стараясь заинтриговать меня. — Почему бы в этот раз тебе не поехать со мной?

Я удивленно поднимаю на него взгляд.

— С тобой? В Торонто и Детройт?

— У меня будет свободное время. Мы смогли бы посмотреть достопримечательности. В Торонто находится Зал Хоккейной Славы. У тебя будет шанс продвинуться в своем образовании.

Я невинно моргаю.

— Полагаешь, моих знаний об игре недостаточно?

— У них есть музеи искусств, — говорит он со смехом, не удостоив меня ответом на вопрос. — Мы можем разделять наше время между искусством, хоккеем и поеданием блинчиков, политых канадским кленовым сиропом. А затем в Детройте ты сможешь посетить спа-салон в отеле и не выбираться на улицу без крайней необходимости.

— Бедный Детройт. Слышала, веселье там в самом разгаре, — я улыбаюсь, радуясь тому, что он хочет, чтобы мы поехали вместе, хотя знает, что не получится. — С удовольствием, но я уже приняла приглашение на два благотворительных мероприятия и приглядываю за собакой Кэт и ее мужа, пока они на севере штата, в гостях у его семьи. Но в следующий раз я поеду. Мне нравится кленовый сироп, а еще находиться рядом с тобой.

— В следующий раз, — с улыбкой соглашается он. — Ты не должна пропустить игру с «Оттавой» в январе. Тогда замерзнет канал. Мы сможем покататься на коньках. Пройдем весь десятимильный путь к озеру и обратно.

— Звучит потрясающе, но в отель тебе придется нести меня в мешке для трупов, —

говорю я, услышав смешок визажиста, повязывающего полотенце у меня на шее, чтобы защитить мое великолепное серебристое платье в пол, идеально подходящее для образа принцессы. Оно прекрасно сочетается с грубым смокингом Джейка, более строгим вариантом мужского вечернего костюма, который делает его еще более сногсшибательным.

— Нет, к тому времени мы повысим твою выносливость, — говорит он, подмигивая.

Я смотрю на него, не в силах сдержать улыбку.

— Ты ужасен.

— Это еще одна вещь, которая тебе во мне нравится, верно?

Моя улыбка становится шире. Мы еще не говорили друг другу этих слов, но огромная буква «Л» нависает над нами каждую ночь, когда мы вместе кончаем в темноте, каждое утро, когда я просыпаюсь с улыбкой, осознавая, что нахожусь в объятиях Джейка.

Лучшие объятия, единственные, в которых я хочу просыпаться много-много лет.

Я влюблена в него. Влюблена так сильно, что фотосессия не может разрушить этот день. На самом деле после пары неловких мгновений я расслабляюсь под волшебным влиянием Джейка и забываю о щелкающих вокруг камерах. Мы позируем в галерее, целуемся у каменных стен, увитых плющом, фотографируемся, изображая Ромео и Джульетту: я стою на балконе, а он тянется ко мне, забравшись наверх по решетке.

Утро проходит быстро, наполненное смехом, долгими поцелуями и теплым светом от того, что я провожу время с мужчиной, который заставляет меня чувствовать себя самой прекрасной женщиной в мире.

Не успеваю я опомниться, как Лукас, фотограф, говорит, что съемка окончена.

— У вас потрясающая химия, — говорит он, подводя нас с Джейком к монитору, где Дениза и ее команда уже отбирают пару отличных снимков. — Мне бы хотелось снова устроить вам фотосессию. В любое время. Бесплатно. Просто позвоните, и мы что-нибудь придумаем.

— Большое спасибо, — говорю я, когда Дениза многозначительно смотрит на меня широко распахнутыми глазами за спиной Лукаса, вынуждая меня подумать, что не всем ее лучший фотограф делает такие предложения.

Цинично я предполагаю, что предложение Лукаса связано со звездным статусом Джейка. Но затем вижу снимки, которые выбрала Дениза, и мой цинизм растворяется в нахлынувшем потрясении и невероятном восторге.

— О Боже, — я резко поднимаю руку, прикрывая рот, дыхание перехватывает. — Мы выглядим такими красивыми.

Дениза рассмеялась, явно довольная моим потрясением.

— И такими влюбленными. Это волшебно. Мы можем сделать обложку с вашим снимком. Я собираюсь вынести это на обсуждение сегодня.

— Можно нам копии? — спрашивает Джейк с таким же благоговением, как и я. — Я бы хотел отправить один из них маме. Она давно просит меня отправить ей фотографию Шэйн.

Лукас начинает объяснять юридические формальности, связанные с фотографиями — когда и кому мы можем отправить снимки — но я слишком занята, рассматривая Джейка, чтобы обращать внимание на это.

Он собирается отправить маме один из сказочных снимков, где мы выглядим как принц и принцесса, спешащие на свою свадьбу. Хочет брать меня с собой на игры и проводить со мной все время, и он уже начинает говорить о том, чтобы подобрать нам совместное жилье. В шутку Джейк отметил, что его член не может находиться вдали от моей киски, даже

сорока пяти минут не выдерживает, которые ему потребовались для того, чтобы сходить домой и взять пару комплектов сменной одежды, но я уже вижу нас вместе в будущем.

На самом деле, не в таком далеком будущем.

Внезапно осознание накрывает меня. Мое первое свидание с Джейком может оказаться последним первым свиданием, а мой первый поцелуй — последним первым поцелуем, и возможно, что этот мужчина останется со мной до конца моей жизни.

Мысль о том, что Джейк будет моим надолго так сильна, что мир начинает кружиться. Над верхней губой проступает пот, желудок скручивает, и следующее, что я делаю, это бегу в кусты.

Меня тошнит за колючим кустарником, который царапает тыльную сторону ладони, когда я отодвигаю ветви от лица, пока кто-то из костюмеров кричит о том, что я могу испачкать очень дорогое платье, взятое напрокат.

Но даже тошнота на публике не может нарушить мой день. Конечно, мне страшно влюбиться в первый раз с тех пор, как я похоронила своего возлюбленного, и вполне достаточная причина для того, чтобы попрощаться с завтраком, но все же это повод для счастья.

И я благодарна.

Мне нельзя принимать время, проведенное с Джейком, как должное.

— Ты в порядке, Принцесса? — спрашивает он, поглаживая по спине теплой рукой. Лишь его руки могли ощущаться такими уютными после утра, проведенного в сорокапятиградусной жаре.

— Ой, не смотри, — я выхожу из кустов, держа руки перед лицом. — Мы не так долго встречаемся, чтобы ты это видел.

— Не волнуйся, — он обхватывает пальцами мои запястья, убирая мои руки, и я вижу его озабоченное выражение. — Просто хочу убедиться, что ты в порядке.

— Устрицы прошлым вечером были лишними, — я кладу ладонь на свой трепещущий живот. Полагаю, это все же нервы, а не устрицы, но по крайней мере мои пищевые пристрастия дают мне повод оправдаться.

— Вот почему я не ем сырые блюда, — говорит он, хмурясь. — В следующий раз будешь слушаться, когда я проголосую против устричной закуски?

— Ты такой грозный, когда обеспокоен, — говорю я, принимая стакан воды от одного из ассистентов. — Это так мило.

— Я отвезу тебя к своему доктору, — Джейк берет меня за руку, когда мы идем к палатке. — Надеюсь, он сможет принять тебя до того, как я уеду в аэропорт.

— Не глупи. Я в порядке, — делаю глоток воды, подержав ее немного во рту, прежде чем проглотить. — Я правда чувствую себя лучше. Даже немного проголодалась. — Делаю паузу, сосредоточившись на ноющей боли под ребрами. — Действительно проголодалась. Бокал «портобелло», сэндвич с сыром и французская картошка звучат сейчас как райское блаженство. Хочешь перекусить прежде, чем пойдешь собирать вещи?

Он придерживает входной клапан палатки, изучая мое лицо, когда я встаю перед ним.

— Уверена? Я не против сходить к врачу. Если у тебя пищевое отравление, следует пройти обследование.

— Я действительно чувствую себя лучше. Возможно, слишком много кофе на пустой желудок, и еще волнение от осознания, что ты хочешь отправить мое фото своей маме.

Взгляд Джейка смягчается, а выражение лица становится смущенным, вызывая во мне

желание поцеловать его, но молча проклиная свой желудок, из-за которого во рту словно кошки нагадили.

— Ага, ну, ты знаешь, что я был маменькиным сынком, поэтому сделал бы это, Уиллоуби, — говорит он притворно-грубым голосом. — Слишком поздно жаловаться.

— Я не жалею. Это честь для меня. И надеюсь, что скоро встречу с ней. Мне бы хотелось рассказать ей, как хорошо она воспитала своего старшего сына.

— У тебя есть планы на День Благодарения? — он обнимает меня за талию, притягивая ближе.

Я отворачиваюсь, заслоняясь руками, словно щитом.

— Нет, но не приближайся ко мне сейчас. Пока я не почищу зубы.

— Мне неважно, чистила ты зубы или нет. Поцелуй меня и поделись своей ядовитой пищей. Тогда я смогу остаться здесь, с тобой.

— Фу! — я отталкиваю его, когда мужчина пытается поцеловать меня. — Пищевое отравление так не передается, псих. И если поцелуешь меня сейчас, я не прощу этого. Серьезно, Дракон. Мне нужно почистить зубы!

Он, смеясь, отпускает меня.

— Все верно, Принцесса. Но после обеда мы вернемся к тебе. Тогда ты почищишь зубы и подаришь мне прощальный поцелуй.

— Да, звучит многообещающе, — я проскальзываю мимо него в палатку, бросив взгляд через плечо. — Хотя я могу захотеть большего.

— Ты любишь наказания, — говорит Джейк, ущипнув меня за талию, когда мы заходим внутрь.

— Ошибаешься, Фальконе, — поправляю я его. — Мне нравится твой член, а не наказания.

В его взгляде появляется озорной блеск, и я уже готова заняться чем-то неприличным прямо в палатке. Тем, что не будет включать в себя поцелуи, но входит костюмер, чтобы помочь мне снять платье.

Последний раз улыбнувшись Джейку, захожу за ширму. Джейк уезжает из города сегодня, но скоро вернется, и у нас будет вся осень и волшебные зимние праздники. Никто из нас в последнее время не сталкивался с Кери, которая пряталась бы по углам, и жизнь казалась вполне мирной.

С легким оптимизмом я смотрю на то, что Джейк нашептал слух о моей беременности его знакомой пару дней назад, и поэтому Кери держится на расстоянии, а профиль, подтверждающий нашу с Джейком любовь, завершит начатое и окончательно избавит нас от его бывшей. Надеюсь, что к тому моменту, как станет понятно, что я не залетела, Кери увлечется кем-то другим и не заметит такую мелочь.

И тогда, Джейк, между нами не останется никаких преград.

«Кроме его упрямства и твоего желания спрятаться сразу, как только появляется хоть намек на проблему...»

Я морщу нос, слушая внутренний голос.

Да, мы с ним оба испорченный продукт, но именно это помогает понимать друг друга лучше. В этом кроется причина, почему Джейк так терпелив ко мне, и почему я готова спорить с ним каждый раз, когда он ведет себя неразумно. И именно по этой причине мы стали лучшими друзьями и прекрасными любовниками.

Я выглядываю из-за ширмы, наблюдая, как мужчина натягивает джинсы, и усмехаюсь.

Джейк меня не видит, но это неважно. У меня будет шанс полюбоваться им позже, когда он будет снимать их, чтобы побыть со мной в последний раз перед отъездом.

Вздыхаю. В груди нарастает смесь нежности и задорности, убеждая меня, что это нечто особенное. И мы найдем способ преодолеть все то, что было в прошлом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Шэйн

Следующие пять дней тянутся мучительно медленно.

Находиться без Джейка — пытка. Скайп, разговоры по телефону и сексуальные переписки до поздней ночи лишь усиливают болезненные ощущения — хотя я и представить не могла, что фото члена когда-нибудь сможет возбудить меня.

Однако член Джейка — само совершенство.

Прекрасная вещь, которую я жажду облизать сверху до низу, словно леденец на палочке, как только он вернется домой.

Единственное, что помогает скоротать мне эти долгие дни и ночи — радость от нахождения в доме Фифи и ее малышки Бисквита, единственного щенка, оставшегося от помета из четырех. Троих других сразу же разобрали счастливые владельцы, но Бисквит была недостаточно большой, чтобы разлучаться с мамой. Я хочу оставить ее у себя, но содержать собаку в моей квартире и не попасться даже в течение трех дней — большое испытание, тем более, если оставить на более длительный срок.

В день, когда мне необходимо было вернуть собак, Аделина помогла мне спустить их в лифте и вынести на задний двор незамеченными, но рано или поздно, нас могли бы поймать.

Это облом, но мне не хочется заикливаться на негативных вещах. Особенно сейчас, когда моя жизнь налаживается и благоухает.

По пути в Центральный парк я подбираю имена для будущего щенка, которого заведу, как только смогу убедить ТСЖ, что наличие домашних животных в нашем доме сделает атмосферу в нем более счастливой, здоровой, и он сразу станет лучшим местом.

— Как насчет Барка Твена или Гарри Поу-тера⁸? — спрашиваю я Эдди, на что она лишь закатывает глаза.

— Нет и нет, — говорит она, осторожно поправляя на плече переноску с дремлющей Бисквитинкой.

— Мэри Пьюппинс?

Она вздыхает.

— Шерлок Бонс?

— Ты можешь быть серьезнее? — говорит подруга, морща нос.

— Почему нет? И что за отвержение моих прекрасных предложений? Я думала, что ты книжный червь!

— Я люблю книги, но это не значит, что назову бедное животное Барком Твеном или Шерлоком Бонсом. Фродо или Сэм еще можно было бы рассмотреть.

— Мило, — я останавливаюсь, давая возможность Фифи обнюхать ножку привлекательного почтового ящика. — Как насчет Гэндальфа?

— Нет, только не Гэндальф. Это слишком для пушистого существа. Равносильно, что назвать свою собаку Йодой или Дамблдором.

— Ты права, — я бросаю на нее беглый взгляд. — Это наталкивает меня на мысль, что ты размышляла об именах. Значит, Элоиза подумывает о том, чтобы завести себе пушистого компаньона и вместе коротать старость?

— Думаю, да, — с улыбкой говорит Эдди. — Дай мне еще пару недель поводить ее по зоомагазинам по пути на прием к врачу и у тебя появится союзник для отстаивания прав в ТСЖ.

Радостный визг готов вырваться из моего горла, но Бисквит спит, поэтому я заставляю себя выразить радость хлопком.

— Бог мой, Эдди, это было бы чудесно! Я буду держать пальцы.

— Еще ничего не решено, — предупреждает она, пока мы заходим в парк, направляясь к одалиске за метрополитеном, где должны были встретиться с Эйданом и Кэт и передать собак. — Но полагаю, что мы можем начать составлять список имен для щенков.

Я замечаю впереди Эйдана и Кэт и поднимаю руку. Кэт, одетая в уютный оранжевый свитер, сочетающийся с осенней листвой, машет в ответ, но Эйдан не замечает нашего приближения. Он увлечен разговором с темноволосым мужчиной в костюме-тройке, который выглядит так, словно только что снимался в рекламе дорогого одеколona или люксовых автомобилей, а может и бурбона домашнего приготовления. Его широкие плечи придают ему мужественности, благодаря которой он мог бы продавать выпивку, изготовленную вручную и выстоянную в бочках на домашней винокурне.

У мужчины волевой профиль, соответствующий скульптурным плечам, скулам, за которые супермодель убил бы, и ему удавалось излучать хищную ауру стоя абсолютно неподвижно. Он из тех красавчиков, от которого сложного отвести взгляд. Должно быть это Нэйт, новичок-консультант из КПП, который должен заменить Баша, успешного бизнесмена, шоу теперь со стороны наблюдающего за.

Пенни говорит, что не возражает, если ее жених продолжит целоваться с другими в рамках его работы, но, очевидно, что Баш — однолюб.

— Как ты считаешь, Эдди, — спрашиваю я, пересекая велосипедную дорожку и вновь шагая по траве. — Ты бы не стала возражать, если бы твой партнер целовался с другой женщиной, если бы это была часть его работы?

— А? Что? — спрашивает она, понизив голос.

— Если бы он был консультантом в КПП. Полагаю, в этом нет ничего особенного. Поцелуи ничего не значат, понимаешь?

— Угу, — говорит Эдди, снимая лямку переноски с плеча. — Подержишь секунду?

— Конечно, — я беру переноску и крепче сжимаю поводок Фифи, намереваясь не дать ей сбежать, как в прошлый раз, когда сидела с собакой. — Но ты знаешь, что меня волнует, — говорю я, возвращаясь к прежней теме. — Микробы. Не хотела бы я рисковать подцепить простуду каждый раз, когда мой парень уходит на работу.

Кэт направляется к нам, оставив мужа и мужчину, как я предполагаю, Нэйта.

— Но мне кажется, что клиенты все время простужаются, — продолжаю я. — Тебе не надо целоваться с кем-то. Они могут чихнуть в твою сторону, дотронуться до твоей ручки, отхлебнуть кофе из твоей чашки. Так что, полагаю... — я замолкаю, повернувшись и обнаружив, что Эдди нет на прежнем месте.

— Эдди? — я кружусь вокруг, выискивая взглядом в толпе, наслаждающейся осенним днем, темноволосую женщину в очках в роговой оправе, одетую небрежно.

— Привет! Мои пушистые малыши! — Кэт останавливается передо мной, заглядывая внутрь сетчатой собачьей переноски. — Ох, Бисквитик такая милая, когда спит! Не могу дождаться, когда заберу ее домой и расцелую как следует.

— Ты не видела Аделину? — спрашиваю я, всматриваясь в лица людей на улице.

— Да, но она довольно быстро сбежала, — Кэт приседает, чтобы погладить Фифи, которую словно эпилептический удар бьет от радости, что ее Кэт вернулась с севера штата. — Эдди знает, что я не сержусь на нее из-за ухода из книжного клуба, когда она подсадила нас на романы Джейн Остин, верно? Я знаю, что у нее не так много свободного времени.

— Уверена, что она знает, — бормочу я. — Она говорила, что рада встретиться с тобой и Эйданом сегодня, но...

Кэт поднимается, пожимая плечами, держа на руках счастливую Фифи.

— Может, ей просто нужно было уйти, — она кивает через плечо. — Ты уже познакомилась с Нэйтом?

— Новеньким? Нет, — я иду рядом с ней по траве, делая мысленные заметки, написать Эдди, когда вернусь. — Они с Эйданом, кажется, подружились.

Кэт смеется.

— Они обсуждают татуировки. У Нэйта на спине есть одна, которую он хочет переделать, а переделка — как наркотик для Эйдана. Ему нравится брать что-то ужасное и делать из этого довольно милое.

— Лишиться уродства всегда приятно, — соглашаюсь я, желудок урчит, когда мы проходим мимо группы из примерно двадцати человек, которые делят на траве ведерко с жареной курочкой.

— Проголодалась? — хихикая, спрашивает Кэт.

— Нет, вовсе нет, — говорю я, хмурясь, когда желудок снова издает урчание. — Я почти неделю борюсь с пищевым отравлением. Больше никогда не стану есть устриц, никогда.

— О, я тебя слышу, — говорит она, кладя ладонь на свой живот. — Я почти избавилась от утренней тошноты, пока мы с Эйданом были в доме его родителей, но потом поехали домой и мне дважды становилось плохо. У меня почти закончился первый триместр. Этот малыш будет чертовски привлекательным, иначе я потребую компенсацию за каждый час, что проводила, потягивая имбирный чай и думая, что меня не тошнит.

Я улыбаюсь.

— О, он будет красивым. Самым прекрасным, милым, очаровательным ребенком. Уверена.

Кэт улыбается нежный, милой улыбкой, которая стала такой привычной с момента, когда она вышла замуж за мужчину своей мечты.

— Знаю. Не могу дождаться.

Фифи лает, словно соглашаясь, и мы обе смеемся.

— Знаю, Фифс, — говорит Кэт, целуя свою пушистую малышку в макушку. — Мы обе так рады, что появится малыш. Не так ли, милая?

Мы подходим к мужчинам, стоящим рядом с одалиской, и я знакомлюсь с Нэйтом, который производит на меня хорошее впечатление, хоть и выглядит немного высокомерно — идеальная замена Башу. Следующие полчаса я провожу, беседуя о татуировках, собаках и детях с тремя прекрасными воспитанными людьми. Но все это время немного грущу.

Мне грустно, что Джейка здесь нет, что он не познакомится с моими друзьями, не полюбит собак, не целует меня так часто, как это делают Эйдан и Кэт. Мне грустно, что я не знаю, как он относится к татуировкам или что было бы, если завтра ему пришлось бы сделать одну. Я чувствую, что хорошо знаю его, но мне все еще надо учиться, и я готова начать.

Готова настолько, что едва не пишу сообщение Джейку по дороге домой, и говорю, что скучаю по нему и не могу дождаться, когда увижусь с ним, что хочу поговорить о татуировках. Но затем я прохожу мимо мужчины, продающего каштаны, который долго обжаривает их на открытом огне. В лицо мне ударяет едкий, подгоревший запах, и спустя мгновение урчание в моем животе превращается в стон.

В этот раз меня рвет в мусорный бак, наполненный бумагой, покрытой солью, из-под тако, продающихся в конце улицы. Я провожу рукой по губам и добавляю тако в список того, что не захочу есть в ближайшее время.

Беру воду у одного из продавцов на улице рядом с парком и направляюсь домой, чувствуя себя одиноко без собак, и еще больше злясь на свой желудок.

— Лучше тебе поправится до возвращения Джейка, — бормочу я противному органу. — Если не поправишься, придется пойти к врачу, и тогда придется сократить сексуальные игры, которыми мы сможем заниматься до его возвращения к тренировкам в понедельник.

Желудок внезапно приутих, словно понял ситуацию и посчитал риск остаться без оргазмов.

Я спешу домой с улыбкой, задаваясь вопросом не слишком ли рано, чтобы отправить Джейку фото своих трусиков.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Из переписки Шэйн Уиллоуби и Аделины Эдди Клейн

Шэйн: Куда ты смылась, безумная белка?

В один момент ты стоишь рядом со мной, а в следующий миг растворяешься в воздухе.

Эдди: Прости! Я вспомнила одну... вещь.

Шэйн: Вещь. И что же это?

Эдди: Одна важная вещь.

Очень важная.

Которую я должна была сделать прямо в тот момент.

Шэйн: Тебе говорили, что ты невероятно ужасная лгунья?

Эдди: Эм... Да.

В любом случае, это плохо. Ужасно.

Прости.

Шэйн: Все хорошо. Если не хочешь, можешь не рассказывать.

Я просто хочу убедиться, что с тобой все хорошо.

У тебя все хорошо?

Эдди: Да. Нет.

Не знаю! А-а-а!

Шэйн: Ты уже дважды «ахаешь» в сообщениях. Что-то серьезное.

Не хочешь поговорить?

Эдди: Это из-за Нэйта. Тот парень, с которым говорил Эйдан.

Шэйн: Ага, он новенький в КПП, занимает место Баша.

Эдди: Я не знала этого.

Но я... Знаю его.

Или ЗНАЛА его, много лет назад.

Мы учились вместе в школе.

Шэйн: Хорошо...

Так он был хорошим парнем в старшей школе? Если нет, уверена, Башу захочется об этом узнать. Ему нравится работать с хорошими людьми.

Эдди: Да, он был хорошим.

Ну, не то, чтобы хорошим. Но и не плохим...

Шэйн: Хм-м. Не тот ответ, который я хотела бы услышать.

Стоит ли сказать Башу, чтобы уволил его?

Эдди: Нет, не делай этого!

Уверена, Нэйт прекрасный интервент.

Он прекрасно умеет притворяться в том, чего на самом деле не чувствует.

Шэйн: Ох, звучит ужасно, малышка.

Что он сделал? Расскажи. Обещаю, я не расскажу Башу, если ты не захочешь.

Эдди: Ничего особенного.

Я имею в виду, ничего необычного. Все жизненно.

Я думала, что все прошло, но затем увидела его лицо, и просто... Замерла. Все те ужасы

нахлынули снова. Ботаничка из старшей школы, у которой никогда не будет парня.

Поэтому я сбежала. Как огромная неудачница, которая ВСЕ ЕЩЕ остается ботаником, умрет под давлением прихотей Элоизы, без парня, без семьи и с постоянной нехваткой времени на педикюр или посещение окулиста.

Шэйн: Ох, бедная тыковка. Тебе нужно немного любви!

Почему бы тебе не зайти в гости, поболтать? Я могу сделать тебе чай и печенье, посидеть на краю дивана, пока ты выговариваешься.

Эдди: Зачем так далеко?

Я так плохо пахну?

Вдобавок к тому, что я самый неудачный человек? *всхлип*

Шэйн: Нет, ты не плохо пахнешь! И ты не НЕУДАЧНИЦА. Прекрати!

Я просто снова сблевала, пока шла домой из парка, вот и все.

Возможно, у меня вирус. Пищевое отравление продолжается слишком долго, и если я заразна, то не хочу, чтобы ты заразилась.

Эдди: Ого. Это же длится с прошлой недели, верно?

Шэйн: Ага, но так странно. Обычно я бегу в ванную прямо перед ланчем. Затем, как только поем, чувствую себя лучше на протяжении всего дня. Так странно.

Эдди: Хм...Ох...

Шэйн: Что? Что за «Хм и ох»?

Эдди: Э-э... Ох...

Шэйн: Что?! Полагаешь, у меня рак желудка или что-то подобное?

Хах, прям счастье для меня: познакомиться с потрясающим парнем, снова поверить в любовь и получить рак желудка!

Этого не может быть, Эдди!

Я не хочу получить рак желудка!

Эдди: Успокойся. Не думаю, что у тебя рак.

Я рассказывала тебе, что у меня четыре младших брата, верно?

Шэйн: Да...

Эдди: Ну, когда мама вынашивала самого младшего, то всегда чувствовала тошноту прямо перед обедом. Называла ее дневной тошнотой, вместо утренней. А на протяжении всего оставшегося дня ее не было.

Шэйн: Нет. Не может быть. Невозможно.

Эдди: Ну, ты же делала вещи, которые могут привести к беременности, верно?

Шэйн: Да, но у меня спираль.

Я лишь притворилась беременной, чтобы бывшая Джейка его оставила.

На самом деле я не беременна, лол.

Эдди: Хорошо. Если ты так считаешь...

Шэйн: Да, так и есть! Это же безумие! ЛОЛ! Мы знакомы всего пару недель! Я понятия не имею, хочет ли он детей!

Я даже не знаю, хочу ли я детей прямо сейчас.

Эдди: Хочешь, я схожу, куплю тест? Или два?

Мама любит делать два, чтобы убедиться.

Шэйн: НЕТ! Мне не нужен тест на беременность, потому что я НЕ беременна, Эдди. Это просто невозможно. Seriously, бессмысленный разговор. Вероятно, у меня рак желудка,

язва, ленточный червь или что-то подобное.

Эдди: Хорошо. Ну, позвони позже, если захочешь. Мне нужно отправиться за покупками. Элоизе понадобился чернослив с лимонным ароматом, а такие продаются только в «Астории» *смайлик, закативший глаза*

Час или два я проведу в метро, но телефон со мной, если надо поговорить.

Шэйн: Ты тоже звони, если захочешь выговориться.

Знаю, ты не хочешь, чтобы кто-то лишился работы, но, если Нэйт — придурок, рано или поздно это вскроется. Лучше Башу узнать об этом заранее, прежде чем в компании что-то произойдет.

Подумай об этом, хорошо?

Эдди: Мне это не нужно. Я не собираюсь менять свое мнение.

Нэйт хороший парень.

Не его вина в том, что я согласилась провести потрясающее лето перед отъездом в колледж, занимаясь диким, безумным, случайным сексом, а затем разойтись, но в конце мне захотелось большего.

Он же прямо сказал мне, что сейчас не время для серьезных отношений.

Шэйн: О Бо...

Прости, Эдди. Это так тяжело.

Но я рада, что у тебя было лето дикого и безбашенного секса с красавчиком.

Тебе следует снова повторить это. Недавно я вспомнила, какими веселыми могут быть времена сексуальности. Никто не должен надолго воздерживаться.

Эдди: Возможно.

Шэйн: Определенно! Секс — это прекрасно.

Эдди: Пока случайно не узнаешь, что забеременела...

Шэйн: Я НЕ беременна. Боже.

Я серьезно громко смеюсь сейчас, потому что это абсурд.

Так что перестань волноваться. Я даже через телефон это чувствую.

Все хорошо, просто легкая тошнота. Уверена, что скоро все будет нормально.

Эдди: Хорошо. Позже поговорим.

Шэйн: Хорошо, мамуль. Удачной охоты за черносливом.

ДВА ЧАСА СПУСТЯ

Шэйн: Аделина.

Мне нужно, чтобы ты пришла.

Прямо сейчас.

Может, через пять минут.

Аделина?

Ты тут?

Эдди: Да, я только вышла из метро. Сейчас отнесу чернослив и приду.

Тебя снова тошнит?

Шэйн: Нет, меня не тошнит.

Это не просто тошнота.

Я, бл*ть, беременна.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Шэйн

Беременна.

Я жду ребенка.

Я не притворяюсь. А на самом деле, на сто процентов точно, залетела. Я беременна от Джейка.

Это ужасно, безумно, ошеломляюще... и совсем немного трепетно.

Но лишь совсем немного, потому что голос в моей голове говорит, что наш ребенок будет самым красивым и очаровательным, а Джейк станет прекрасным отцом, что не соответствует голосу реальности. На самом деле мы знакомы меньше месяца. Не важно, как мы близки, как сильно мне нравится заниматься с ним любовью, как нам хорошо вместе, но эти отношения совсем новые.

Настолько новые, что моим первым порывом при виде двух розовых полосок оказался не звонок отцу моего ребенка с рассказом о счастливой беременности, а сесть на пол ванной и быстро набрать сообщение Эдди, потому что она — единственный человек, которому можно доверять. Джейк не узнает от нее об этом, пока я сама не буду готова.

Кэт может рассказать Эйдану, который сообщит Башу, и Пэнни не станет хранить секреты от своего жениха. У Баша голова лопнет от объяснений и кусочки мозга привлекательного подонка забрызгают стену. А в следующий раз, когда Джейк позвонит и поинтересуется о том, как продвигается его дело, Пэнни обвинит нас с Джейком, что из-за нашей безответственности умер ее возлюбленный.

— Нет, — говорю я, тыкая пальцем на унитаз. — Мы ответственно подходили к сексу. Спираль должна была защитить меня.

«А когда ты в последний раз проверялась, гений?» — спрашивает унитаз голосом, похожим на одного из тех мультяшных монстров, что приходят к детям и питаются энергией от их криков. — «Пару месяцев назад твои противозачаточные средства перестали действовать».

— Я проверялась в прошлом месяце, — смотрю на комод, мысленно сверяясь со своим календарем. — Или, может, пару месяцев назад, — признаюсь я. — Но уверена, что примерно четвертого июля они были, потому что я пыталась подцепить того симпатичного парня с усиками на благотворительной вечеринке.

«Три месяца назад», — проскрипел унитаз. — «Предполагаю, что ближе к июлю ты станешь необъятной. Прекрасная работа — забеременеть в самое жаркое время года».

— Я же ничего не подстраивала, — фыркнула я.

«Превосходно», — самодовольно говорит бачок в тот момент, когда раздается крик Эдди...

— Шэйн? Ты здесь?

— Я в ванной! — шмыгаю носом, моргая, чтобы не расплакаться. Я не должна плакать, особенно перед этим зазнайкой-унитазом.

— Привет. Я приехала, как только смогла, — запыхавшаяся Эдди появляется в дверях, наморщив лоб. — Ты как?

— Беременна, — указываю на ряд палочек с двумя розовыми полосками, выложенными

на стойке.

Эдди удивленно поднимает брови.

— Ты сделала семь тестов.

— Я сделала семь тестов, — эхом повторяю я. — Невероятно, как много мочи можно из себя выдавить, когда по-настоящему мотивирован.

Эдди тихо смеется, качая головой, продолжая изучать следы моего безумия.

— И правда, розовые полоски.

— От твоего очевидного заявления мне действительно стало спокойнее, Эдди, — говорю я, и впервые на моем лице появляется некое подобие улыбки.

— Прости, — она поворачивается ко мне. — Я не знаю, что сказать. Последний раз, когда подобное произошло с моей подругой, нам было по шестнадцать лет и ей необходимо было обратиться в клинику. У тебя есть какие-то соображения на этот счет?

Я качаю головой.

— У меня не было возможности подумать об этом. Пытаюсь понять, когда это произошло.

— Пару недель назад, — говорит Эдди, присаживаясь на плитку рядом со мной и прислоняясь спиной к ванной. — Линии не были бы такими четкими, если бы это случилось недавно.

— Вероятно, это был тот первый раз, — я опускаю голову на руки. — Боже, какая я идиотка. Почему я не проверила свою спираль? Джейк хотел использовать презерватив, но я пообещала, что все будет хорошо.

Эдди гладит меня по спине и обнимает за плечи.

— Мы все совершаем ошибки. Особенно в жаркие моменты. В подобных ситуациях сложно сосредоточиться.

— А что, если он разозлится? — я поднимаю голову, вспышка страха накрывает меня, проносясь через паническое настроение. — Что, если он отправит меня на аборт? Не думаю, что смогу. Я же начала влюбляться, понимаешь? Даже не смотря на страх.

— Он может разозлиться, это его право, но выбор — рожать или нет — за тобой, — говорит Эдди, в ее тоне слышится сталь. — Никто не смеет заставить тебя. Твое тело — твое решение.

Я сглатываю, киваю, пока напряжение в груди отступает.

— Верно. И если он не захочет ребенка, я не потребую с него алиментов. Смогу сама вырастить ее, и обещаю не тревожить его. Я просто буду любить ее так, чтобы восполнить обоих родителей, и все будет хорошо. Верно?

— Верно, — соглашается Эдди. — С ней все будет хорошо.

Я морщусь, прикусываю губу, чтобы сохранить самообладание. Я взрослая женщина, мне все по плечу. Ничто не заставит меня плакать, особенно когда все могло быть намного хуже. По крайней мере, у меня есть средства, чтобы поднять ребенка в одиночку. Много мамочек не имеют возможности купить ребенку еды или, как мама Джейка, не могут обратиться за медицинской помощью. А я не одна. У меня есть друзья и Хиллари, которая станет прекрасной бабушкой, хоть и приемной.

— ...По крайней мере. это должно сработать. Просто подожди и увидишь, хорошо? — говорит Эдди, наклоняясь и пытаясь уловить мой взгляд.

Я моргаю.

— Прости. Кажется, я пропустила большую часть из того, что ты говорила. Потерялась в

собственных мыслях.

Эдди улыбается.

— Понятно. Так я и подумала, когда вышла из лифта и заметила, что у тебя дверь нараспашку.

— Правда? — говорю я, ругаясь под нос, когда она кивает. — Должно быть забыла закрыть ее, когда вернулась из аптеки. Это не очень хороший показатель меня, как ответственного родителя, да? Неужели я стану одной из тех мамочек, что забывают об отмененной тренировке по футболу и оставляют ребенка одного под дождем? Я всегда забываю про зонтики. Вот почему у меня дома сотня чертовых зонтиков в шкафу. Каждый раз я покупаю новый, когда начинается дождь. И как мне теперь помнить про зонты для двоих, когда я про один-то забываю.

— Не стоит так далеко загадывать сейчас, — тихо говорит Эдди. — И не волнуйся о зонтах. Такой прекрасный день для прогулки. Так почему бы нам не выпить чаю и поговорить на залитой солнцем кухне? Или сходить прогуляться, если хочешь. Прогулявшись, можно решить многие проблемы. Ты так не считаешь?

— Чай и прогулка? — спрашиваю я тихим голосом.

— Отлично! — соглашается Эдди. — Пойду, поставлю чайник.

Я тянусь к ней, беру за руку и пожимаю.

— Спасибо.

— Все хорошо, — с улыбкой говорит она. — Ты справишься, Шэйн. А я помогу, чем смогу.

— Спасибо, — я шмыгаю носом, отгоняя застилающие глаза слезы. — Дай мне умыться и спрятать улики, а затем я соберусь.

Эдди встает, проводит руками по своим черным льняным брюкам.

— Звучит отлично. Я поставлю чайник, затем позвоню Элоиз и предупрежу, что задержусь здесь. Я сказала ей, что ты плохо себя чувствуешь, но никакой конкретики.

— Спасибо тебе, — говорю я, со вздохом поднимаясь на ноги. — Я хочу сохранить это в тайне, пока не придумаю, как рассказать Джейку.

— Он еще не вернулся? — уточняет Эдди, задержавшись в дверях. — Игра «Рэйнджерс» и «Рэд Вингс» прошла в Детройте вчера?

— Да, но он вернется завтра утром и приедет прямиком сюда. Так что я скажу ему лично, а не стану объяснять по телефону.

Эдди напевает, задумчиво кивая себе.

— Он приедет прямо сюда, потому что соскучился по тебе.

— Да, — говорю я, думая о непрекращающемся потоке сообщений от Джейка с подтекстом «не могу дождаться, когда окажусь с тобой», и улыбаюсь.

— Не хочу относиться к этому так легкомысленно, потому что это ответственность и придется многое переосмыслить, тем более на таком раннем этапе отношений, — говорит Эдди, — но чутье подсказывает мне, что все получится. У вас с Джейком есть что-то. Я считала, что «летающие искры» — всего лишь выражение, пока не увидела вас двоих. И эта связь не только на физическом уровне.

— Это не так, — я прикусываю нижнюю губу. — Но мы все еще на ранней стадии. Сложно представить, как он отреагирует на такие новости, и пока я не узнаю... Не хочу обнадеживать себя, понимаешь? Или вообще надеяться на что-то.

Эдди кивает.

— Понимаю. Посмотрю, нет ли у тебя чая без кофеина.

Я скорчиваю гримасу.

— Черт. Нет. Мне нужны хорошие вещи, особенно если мы собираемся прогуляться.

— Слишком много кофеина вредно для ребенка, — через плечо бросает Эдди, перемещаясь по кухне. — Тебе придется отказаться от устриц и суши. И горячих ванн.

— Ну, становится все лучше и лучше, — ворчу я, выбрасывая тесты на беременность в мусорное ведро и поворачиваю кран.

Но мне неважно, от чего придется отказаться. Вовсе нет. Все, чего я хочу, чтобы малыш был здоров и счастлив. За пару минут эта беременность превратилась из чего-то, во что я не могла поверить, в реальность, где замешан маленький, невинный человек, еще не сформировавшийся до конца. Человек, который станет моим сыном или дочерью, и которому я захочу подарить весь мир. Я хочу, чтобы у малыша Уиллоуби было все, чего была лишена сама, включая отца.

И Джейк будет прекрасным отцом. Я знаю. Просто послушав его рассказы о детях, с которыми он встречается на благотворительных вечерах, убедили меня в том, что он прекрасно ладит с маленькими людьми, а увидев то, как он сидел, скрестив ноги, на тротуаре, и раздавал детям конфеты на вечеринке в честь Хэллоуина, я лишь убедилась в этом окончательно.

Глубоко внутри знаю, даже если Джейк разозлится на то, что я обманула его, убедив, что не забеременею, а затем залетела в первый же раз, когда мы переспали, он смирится с мыслью о своем отцовстве. Джейк примет это, будет поддерживать своего ребенка, и за это стоит быть благодарной.

Но пока я умываюсь, надеваю флисовую накидку, чтобы было теплее на прогулке и собираю растрепанные волосы в пучок, не могу удержаться и не подумать о чем-то большем.

О том, как мы с Джейком переставили одну из гостевых и перекрасили детскую в желтый цвет. О том, как Джейк отправляется со мной на первое УЗИ, первый день рождения нашей дочери и все, что происходит между. Мы втроем живем вместе, не тревожась о том, где провести праздники, как распределить опеку между хоккейными сезонами.

Я так погружена в свои мысли, что не замечаю странной тишины на кухне, пока не выхожу из комнаты и не вижу Эдди, лежащую на полу лицом вниз, а над ней возвышается Кери с пистолетом в руке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Джейк

Я не принимаю скоропалительных решений, не поддаюсь влиянию момента. Не просыпаюсь с утра и не решаю, что сегодня прекрасный день, чтобы устроить незапланированную поездку, прыгнуть в такси и отправиться в аэропорт.

Но когда я просыпаюсь утром после игры в Детройте, сталкиваясь с сутками бестолковых занятий, убивая время в спортивном зале и баре, и очередной бесконечной ночи без Шэйн — чартерный рейс дважды отменяли, так что нам предстояло снова переночевать в городе Моторов, — кидаю вещи в сумку, прощаюсь с тренером до понедельника и направляюсь в лобби, чтобы взять такси до аэропорта.

Требуется немного хитрости и терпения, но наконец мне удастся купить билет на прямой рейс до Нью-Йорка. В компанию Тэлбот звонят, но никто так и не отвечает на звонок, тогда мне удается занять его место у окна и в три часа прилететь в аэропорт Кеннеди.

За несколько мгновений до того, как стюардесса закрывает двери, я собираюсь отправить сообщение Шэйн, что вернусь раньше, но вместо этого выключаю телефон. Мои планы изменились спонтанно, такого прежде не случалось. Может, я постараюсь удивить свою женщина.

Моя прекрасная, сексуальная, потрясающая Шэйн, с которой я буду заниматься любовью всю ночь вместо того, чтобы дрончить в одиночестве в отеле Детройта и чувствовать себя несчастным потому, что не дышу тем же воздухом, что и моя женщина. Я увлечен ею. И это не просто похоть или восхищение. Я никогда не влюблялся так глубоко и быстро, но могу с уверенностью сказать, что близок к этому. Я действительно влюблен и собираюсь сегодня признаться в этом Шэйн.

Плевать, что это случилось всего две недели назад. Часть меня полюбила Шэйн в тот момент, когда я посмотрел на нее, и это чувство не ушло. Оно лишь нарастало. Возможно, я действую не в своем характере, но все еще такой же, как был прежде. Тот, кто доводит дело до конца.

Я не собираюсь рвать отношения с Шэйн, по крайней мере, ближайшие пару лет. Может, пятьдесят или шестьдесят, если повезет.

От этой мысли я улыбаюсь во время полета и поездки в такси из аэропорта.

Водитель высаживает меня на Мэддисон-авеню, и я направляюсь в супермаркет за цветами и маленькими собачьими печеньками, прежде чем направиться в квартиру Шэйн. Не помню, вернула ли она Фифи подруге, но предполагаю, что стоит прихватить подарки им обеим. Я волоку за собой чемодан на колесиках, наслаждаясь лучами солнца и необычно теплым ноябрьским днем. К дому Шэйн подхожу как раз к тому моменту, когда на дорогах час пик.

Аарон, швейцар, машет мне рукой, не делая предварительных звонков. Мое имя в списке Шэйн, и у меня есть свой ключ от квартиры. Надеюсь, что скоро я буду приходить вот так в наш общий дом, предпочтительно в тот, где Шэйн сможет завести собаку и не прятать ее от ТСЖ.

По пути к лифту я размышляю о маленьких породах собак и о том, сколько дерьма

выслушаю от своих братьев, если стану владельцем карманного питомца. Меня не волнует дома ли Шэйн и будет ли рада сюрпризу.

Если ее нет, то я просто подожду ее возвращения, знаю, что она будет рада меня видеть. Ей тоже тяжело находиться в разлуке. Я видел это по натянутой улыбке, когда мы прощались по скайпу и слышал в голосе, когда она говорила, что скорректировала свое расписание и сможет ездить со мной на выездные матчи до февраля.

Нет, все мои мысли были приятными.

Самодовольный, загнавшийся, самоуверенный. До тех пор, пока не вхожу в квартиру и не нахожу там лежащую на полу женщину и следы крови на кремовом ковре.

Доли секунды мне кажется, что это Шэйн, хотя цвет волос не соответствует, и мой желудок скручивает так, словно мне нанесли самый сильный удар локтем. Даже осознав, что это не моя женщина, поток страха и адреналин растекаются по моим венам.

На полу в квартире Шэйн лежит истекающая кровью женщина, а ее самой нигде нет. Я знаю, что случилось что-то ужасное. Уверен в этом.

Я бросаю цветы и сумку на пол, тянусь к статуэтке Будды на случай, если преступник все еще в квартире, и осторожно двигаюсь по квартире. Дойдя до тонкой фигуры, лежащей у дивана, впервые могу рассмотреть лицо женщины.

Аделина, милая хоккейная фанатка, с которой я познакомился в саду в первый день. Она еще бледнее, чем я помню. На лбу кровоточащая рана, которая явно не была вызвана падением. Теперь, когда я подхожу ближе, замечаю, что ее грудь поднимается и опускается, а веки трепещут, словно ей снится кошмар.

Слава Богу. Она жива, и я смогу обратиться к ней за помощью.

Мысленно пообещав ей вернуться, как только смогу, прохожу дальше в квартиру, быстро обыскиваю спальни и ванны, но не нахожу никаких признаков присутствия Шэйна или того, кто нанес вред ее подруге. Поставив статуэтку на кофейный столик, достаю сотовый из кармана пальто и набираю 9-1-1, когда Эдди издает стон. Секунду спустя ее веки трепещут, и она открывает глаза.

Она моргает, явно испытывая боль, но сразу же старается сесть.

— Помогите. Нам нужно позвать на помощь!

— Осторожно, — говорю я, придерживая ее за плечи и помогая сесть. — Что произошло, Аделина? Кто на тебя напал?

— Не знаю, — говорит она, быстро моргая. — Я пошла заварить чай, и там была женщина, которую я прежде не видела. У нее был пистолет. Она сказала мне вести себя тихо и делать то, что скажут, тогда мне не причинят боли. Я попыталась вернуться в комнату и предупредить Шэйна, но...

— Шэйн была здесь? — спрашиваю я сдавленным голосом.

Лицо Аделины становится белым.

— Да. Ее нет?

— Нет, — я делаю все возможное, чтобы собраться и получить как можно больше информации. Все, что сможет мне помочь понять, где Шэйн сейчас. — Можешь вспомнить еще что-нибудь?

— Больше ничего. Женщина ударила меня, и, полагаю, я потеряла сознание.

*Бл*ть. Дерьмо. Черт, черт.*

Женщина с пистолетом. Еб*ная женщина с пистолетом была здесь, и теперь исчезла Шэйн. Я вытаскиваю телефон.

— Как она выглядела? Вспомнишь?

— Темные волосы, глаза, — прищурившись говорит Аделина. — Милая, миниатюрна.

Не та, от которой ожидаешь, что она вломится к тебе в квартиру и будет угрожать оружием.

В этот раз я чертыхаюсь вслух. Это Кери. Она была здесь.

— Это она? — я показываю старый снимок Кери на телефоне, который я сохранил, чтобы показать Башу в день, когда пришел к нему просить защиты от моей бывшей.

— Да, — говорит Аделина, подтверждая тот факт, что я мудака, несущий ответственность за рану на ее голове и то, что сейчас происходит с Шэйн.

Кери заявила сюда с оружием, вырубил Аделину и увела с собой Шэйн. Возможно, навсегда. Кери может причинить боль женщине, которую я люблю, и все это моя вина.

— Это она, — дрожащим голосом продолжает Эдди. — Думаешь, она что-то сделает с Шэйн? Боже, мы должны ее найти, Джейк! Мы должны убедиться, что с ней все хорошо.

— Я займусь этим, — обещаю ей. — Найду ее и сделаю все, чтобы эта женщина больше никогда не смогла причинить тебе вред. Но сперва я позвоню в «скорую». Тебя нужно осмотреть.

Аделина старается убедить меня, что с ней все в порядке, но я не хочу рисковать. Вызываю 9-1-1 и сопровождаю ее к стойке регистрации, чтобы подождать парамедиков. Как только оказываемся там, спрашиваю Аарона, не помнит ли он, когда Шэйн вышла из здания.

— Да, — говорит он, уверенно кивая. — Она ушла с женщиной, которая оставляла ей конверт пару дней назад. Милая, темноволосая. Мне это показалось немного странным, потому что мисс Уиллоуби не очень обрадовалась письму. И когда выходила, тоже не выглядела счастливой, но...

— Как давно это было? — я борюсь с желанием выбежать на улицу и прокричать имя Шэйн.

— Около часа назад, — Аарон провел по щетинистому подбородку. — Может, меньше. Могу проверить по записи с камер, если Вам нужно знать точнее.

— Нет, — говорю я, направляясь к двери. — Но сохраните их. Полиции они могут понадобиться.

Я понимаю, что потом может быть слишком поздно. Если Кери решила что-то сделать, она не станет колебаться. Она увела Шэйн, и у меня была лишь одна догадка, для чего моя бывшая похитила мою нынешнюю женщину — убрать с дороги конкурентку в месте, где никто не сможет помешать, заснять на камеру или поймать ее, пока не доведет дело до конца.

В этом мы с ней похожи. Оба упрямы и решительны.

Теперь я задаюсь вопросом, где Кери чувствует себя в безопасности. Необходимо найти ее до того, как она убьет любовь всей моей жизни.

Выйдя на улицу, я перехожу на бег, направляясь к метро и рисуя кратчайший маршрут до студии Кери в Дамбо — ниже под Бруклинским мостом. Прямо под веткой метро, где шум громящих вагонов такой громкий, что едва можно расслышать собственные мысли, а тем более услышать выстрел или женский крик.

Могу поклясться своей правой рукой, что именно туда она и направляется.

Ты клянешься большим — жизнью Шэйн.

Мысль заставляет меня ускориться. И молиться.

Долгие годы я не посещал церковь, но Шэйн была набожным человеком. Если есть высшие силы, может, они сжалятся надо мной ради нее.

Или хотя бы позволят мне занять ее место.

Кери — мой ночной кошмар. Я впустил ее в свою жизнь. Если кто-то и должен расплачиваться за эту ошибку, то только я.

Прошу, пусть это буду я, пожалуйста...

Я повторяю эти слова снова и снова, забегаю в битком набитый поезд, направляющийся на юг, молясь, чтобы не было слишком поздно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Шэйн

От станции метро в Бруклине мы идем рука об руку.

Со стороны может показаться, что две хорошие подруги прижимаются друг к другу, чтобы согреться, в то время, как ветер с Ист-Ривер проносится через офисные здания и улочки, превращая их в аэродинамические трубы. Холодный бриз покачивает помпоны на шапочках и вызывает слезы. Рабочий день завершен, люди спешат в метро, на такси, занять место в баре в «счастливые часы», чтобы получить «Мохито» за полцены.

Никто не обращает на нас пристального внимания, не замечает бисеринок пота над моей верхней губой, того, как Кери впивается в мое запястье и как странно ее правая рука скрывается под коричневой курткой, чтобы удобнее было прижимать пистолет к моим ребрам.

Я крепко сжимаю челюсть и заставляю себя двигаться, шаг за шагом, хотя все во мне кричит, что надо бежать. Лучше получить пулю здесь, на людной улице, где у меня есть шанс спастись. Кери обещала, что если я буду вести себя тихо и сделаю все, что она скажет, то мне не причинят вреда. Но чутье подсказывает, что если я позволю ей увести себя подальше от толпы, где мы останемся наедине — она, я и пистолет — то мне уже не удастся никуда пойти.

Пять раз я чуть не срываюсь с места между станцией метро и заброшенным полуразвалившимся зданием под Бруклинским мостом, но затем вспоминаю о двух розовых полосках. Думаю о малыше и шансе потерять его, риск слишком велик. Одна жизнь — возможно, я бы сбежала. Но сейчас нас двое.

Две жизни, которые зависят от того, как я буду подчиняться, поэтому продолжаю идти рядом с похитителем, молясь, чтобы не допустить фатальной ошибки.

Молюсь, чтобы Эдди пришла в себя и вызвала полицию. Молюсь, чтобы Аарон посчитал странным, что я ушла с женщиной, слоняющейся вокруг здания и оставляющей мне странные послания, и позвонил руководству.

Молюсь, чтобы мне представилась возможность вырваться и оказаться в безопасности.

Похищение уже не удалось — Кери не планировала того, что в квартире окажется Эдди или кто-то еще, кто сможет опознать в ней человека, который насильно увел меня из дома. Она взвинчена, раздражена и взволнована сильнее, чем в последнюю нашу встречу. Если мне повезет, то это заставит ее сделать ошибку, которую я смогу использовать в своих целях.

А если тебе не повезет, то она застрелит вас раньше, чем планировала, и убежит до того, как ее поймают.

Сжимаю губы, борясь с приступом тошноты, когда Кери протаскивает меня через ржавую дверь напрямик к заваленной мусором лестнице. Я замираю. Горло перехватывает, когда дверь захлопывается и коридор погружается в темноту. Над головой проносится поезд, грохот вагонов и скрип колес по рельсам такие громкие, словно я лежу под рельсами.

Так громко, что никто не услышит выстрел.

Никто не услышит мой крик.

Никто не услышит мой последний вдох.

— Шагай. Наверх, — Кери толкает меня в спину как раз в тот момент, когда мой страх

достигает апогея и заставляет мир вокруг закружиться, а несчастный желудок выворачивает наизнанку. Я склоняюсь как раз в тот момент, когда тошнота подступает, и меня вырвало рядом с обувью.

Меня тошнит до тех пор, пока внутри ничего не остается, и из меня выходят тонкие струйки желчи на грязный пол. Я смотрю вниз на грязную кафельную плитку, на которой лежит крысиный помет, обертка от мороженого, зеленое битое стекло, моя блевотина. А что, если это то, что я вижу в последний раз? Приставит ли Кери пистолет к моей голове и выстрелит сейчас, избавив себя от необходимости подниматься туда, куда планировала прежде?

Я зажмуриваю глаза, вытирая рот рукавом, борясь за восстановление контроля, чтобы успокоиться и подумать о чем-то хорошем, чем-то прекрасном. Мне не хочется умирать так, в ужасе и отчаянии, столкнувшись лицом к лицу с доказательствами того, что жизнь может быть ужасной.

Я думаю о родителях, о тете Тэнси, Уэсли и всех друзьях, что помогали мне подняться, заставляли меня верить в хорошее и в хороших людей. Думаю о Кэт и Пенни, Эдди и Фифи, и моих котят, дико кричащих на ферме. Но больше всего я думаю о Джейке. Думаю о его лице, аромате и теплых руках. Его глазах, что смотрят на меня так, словно я самая прекрасная вещь, которую он видел. Никогда прежде я не чувствовала себя особенной или незаменимой, до встречи с ним.

Я сосредотачиваюсь на воспоминании о нашей прошлой ночи, его улыбке и прикосновениях, о том, как приятно засыпать с ним вместе, и тошнота в конце концов проходит. Я перестаю блевать, поезд проносится надо мной. Мир погружается в тишину, а я все еще жива.

На данный момент.

— Поднимайся, — голос Кери становится мягче. — У меня есть сода, крекеры и имбирный чай. Слышала, это помогает справиться с утренней тошнотой.

Я встаю, смотрю на нее и слегка киваю.

— Спасибо.

— У меня есть запасная щетка и туалетные принадлежности, — говорит она, задирая подбородок. — Я же сказала, что не причиню тебе вреда. Не смогу навредить беременной. Вот почему действую самостоятельно. Я видела, как грубо обошлись с тобой парни на Хэллоуин. Если бы знала, что ты беременна, не наняла бы их. Честно. Я не такая.

— Ты наняла их? — говорю я, гадая, появится ли у меня шанс сказать Джейку, что я была права. — И что входило в их обязанности?

— Немного надавить на тебя, — говорит Кери, — а затем потребовать покрыть карточные долги Джейка. Полагаю, этого было бы достаточно, чтобы напугать тебя.

— Но Джейк не говорил мне, что у него есть долги. Это не сработало бы, Кери.

Она пожимает плечами.

— Это не имеет значения. Ты беременна и план пришлось изменить.

— Как? Что ты собираешься со мной делать? — спрашиваю я, с трудом сглотнув.

— Просто поднимайся наверх, — теплота во взгляде исчезает, сменяясь паникой и решимостью, что напоминает мне безумную версию Джейка. Слава Богу, что они не остались вместе. Рано или поздно эти двое убили бы друг друга.

— Сейчас же, — рывкает она. — У нас не так много времени, как я думала.

Я поднимаюсь по лестнице, размышляя о том, что она задумала и как отговорить ее.

— Понимаю, для тебя это тяжело. Узнать, что мы с Джейком ждем ребенка.

— Побереги дыхание, — говорит она. — Мне не интересен девчачий треп.

Я тихо поднимаюсь на первый пролет, останавливаясь до того момента, пока она не подталкивает меня к дальнейшим действиям. Поднимаюсь еще на один пролет, перепрыгивая через ступеньку, чтобы не наступить на использованный презерватив, брошенный в центре ступеньки.

— Хорошенькое местечко. Арендная плата невысокая?

— Следующим летом дом снесут, — говорит она. — А пока это самое дешевое местечко в Дамбо. И самое пустынное. Все приняли предложение арендодателя и съехали.

— Но тебе нравится модное гетто и аромат крысиного помета?

— Мне нравится уединение, когда рисую, — жестом она заставляет меня подняться на третий пролет. — Я здесь не остаюсь на ночь. И мы надолго не задержимся. Только заберем запасы.

— Запасы...

Она снова толкает между лопаток.

— Я вставлю тебе кляп, если не можешь держать рот на замке.

— Для меня это сложно, — знаю, что испытываю судьбу, но разговоры помогают унять страх, а это именно то, что мне надо сейчас. — Моя дурная привычка. Никогда не знаю, когда надо замолчать. А какая у тебя привычка? Кроме той, что ты заиклилась на мужчине, который не заинтересован в том, чтобы жить с тобой долго и счастливо.

Следующий толчок — сильнее, чем прежний — не был неожиданным, но заставляет меня потерять равновесие. Я падаю, ударяясь голенью о ступеньку. Шиплю от боли, снова поднимаясь на ноги и проклиная путь до последнего пролета.

— Ты чересчур разговорчива для богатенькой сучки.

— Спасибо, — говорю я. — Это католическая школа.

— В конце коридора, последняя дверь направо, — Кери прижимает ствол пистолета к моей спине. — Двигайся быстро и тихо. Когда мы войдем, я хочу, чтобы ты пересекла комнату, села за стол и завела руки за спину. Ясно? Не отвечай, иди. Сейчас же.

Я двигаюсь, чувствуя, как Кери теряет терпение по отношению ко мне, и, если это случится, мне не понравится.

Пока мы идем, мой взгляд мечется вперед и назад по коридору. Там были другие двери, возможно, люди, но очередной поезд пронесется над нами, и я ничего не слышу, кроме грохота метро и скрипа половиц под ногами. Здание, кажется, находится на грани разрушения, не требуется никакой инспекционной команды. Не верю, что люди легально могут здесь жить, но я была в гостях у друзей, квартиры которых были не лучше. И это не первый мой презерватив на лестнице, но ощущение скрипящих половиц под ногами — что-то новое.

Как только я захожу в квартиру Кери, так радуюсь увидеть кафельную плитку и ковры, что практически мчусь к столу на другой стороне комнаты. Кери идет за мной, связывает между собой мои запястья через рейки стула, и я изучаю обстановку. Рассматриваю огромные портреты детей на стенах лофта, пустые холсты у дальней стены. Пространство открыто, за исключением дверного проема в углу, где находится, как я полагаю, ванна. Больше дверей нет, но много окон, в одном из которых виднеется пожарная лестница.

Пожарная лестница. Первое место, куда я направлюсь, как только Кери даст мне шанс. Я должна верить, что она перепишет сценарий и вернет мне свободу.

— Ты останешься здесь, пока я отнесу сумки в машину, — Кери убирает пистолет за пояс черных брюк и перекидывает гигантскую сумку через плечо, хватая еще несколько одноразовых пакетов с продуктами. — Опасное соседство — ты не можешь оставить в машине продукты более, чем на пару минут, иначе тебе разобьют окно. Кричи, если хочешь, рядом нет никого, кто услышит тебя. Единственная женщина, живущая на этом этаже, оглохла два года назад.

— Я не стану кричать, обещаю, — прикусываю губу, пока на глазах не проступают слезы. Чувствую, что так я добьюсь лучших результатов, нежели сарказмом. — Но скажи, куда мы собираемся? Прошу. Я боюсь за ребенка, и если бы знала, куда мы собираемся...

У нее снова смягчается выражение лица, но она не ставит сумки.

— Мы поедem в мою хижину на севере штата. Родовое гнездо, где жили мои дедушка и бабушка. Он изолирован, но у нас будет все необходимое, чтобы пережить зиму.

— Зиму? — я моргаю, повторяя эхом ее слова. Ответ настолько неожиданный, что я забываю напустить на себя жалкий вид,

— Зиму и весну, — веселая улыбка появляется на ее лице, но она единственная, кто понимает шутку. — И часть лета тоже. Ты родишь в июле или августе, верно? Примерно в это время или чуть раньше?

У меня отвисает челюсть, и впервые в своей жизни я не могу подобрать слов. Она потрясла меня.

— Как только малыш родится, ты уйдешь, — твердо говорит она. — Я отпущу тебя, чтобы ты смогла вернуться в цивилизацию, а мы с малышом Джейка отправимся туда, где нас никто не найдет, и будем жить счастливо.

Я качаю головой в полной растерянности, и все, что могу, это смотреть и ждать, что она скажет, что шутит. Она же шутила.

— Если я не могу получить Джейка, то у меня останется его сын, — она выпрямляется, в глазах появляется хищный блеск. — И я буду хорошей матерью. Я буду такой хорошей матерью, что однажды Джейк увидит, что именно я должна была находиться рядом с ним.

— Кери... — ее имя словно мольба, чтобы удержать ее от безумия и помочь осознать, что в ее плане столько дыр, что моему нижнему белью посчастливилось выглядеть как новенькому сейчас.

— Любовь к ребенку — самое сильное чувство, и я знаю, что Джейк будет сильно любить своего сына. Он будет прекрасным отцом.

— У него не будет шанса стать отцом, если ты похитишь нашего малыша, — говорю я. — Он никогда не узнает о малыше и не простит тебя за это. Если ты решишься на это, то вызовешь в Джейке лишь ярость и негодование.

— Ты ничего не знаешь о том, что было между мной и Джейком. Я должна была стать матерью, и теперь стану ей, — ее тон становится жестче, челюсть сжимается так, что слышу скрежет ее зубов. — Я вернусь через пару минут. Тогда сможешь почистить зубы и умыться до того, как мы уйдем. А если будешь хорошо вести себя в машине, то сможешь съесть крекеры с содовой, когда мы выйдем на шоссе.

— Прошу, Кери, — умоляю я, когда она собирается уйти. — Не делай этого, прошу!

Но она не останавливается. Быстро пересекает комнату, не оглядываясь, и пинком закрывает за собой дверь.

Я дожидаюсь, пока она удаляется по коридору, а затем начинаю отчаянно выкручивать запястья. Дергаю веревку, но узлы крепкие, как и планки стула, за которые они крепятся.

Стул тоже крепкий, но и я не сдаюсь так легко.

Встаю, держа стул позади меня, мысли хаотичны от надежды.

— Ты не так умна, как считаешь, Кери.

Я поднимаюсь и начинаю двигаться. Сейчас мне необходимо убраться отсюда к чертовой матери.

Секунду я смотрю на дверь, но не могу вспомнить, видела ли там еще одну лестницу или лифт, и мне не хочется столкнуться с Кери по пути. Лучше использовать пожарную лестницу.

Ковыляю через комнату к окну, ножки стула бьют по моим щиколоткам. Уверена, что завтра у меня будут синяки, но прямо сейчас я не хочу об этом думать. Адреналин зашкаливает так, что на доли секунды во мне просыпается уверенность, что я смогу открыть окно кончиками пальцев.

Я поворачиваюсь, нащупываю ручку у себя за спиной и дергаю — раз, другой, третий — но она не поддается, и створка остается плотно закрытой.

Пол под ногами начинает вибрировать, и спустя мгновение звук приближающегося поезда наполняет воздух. Я оборачиваюсь, просчитывая, сколько минут отсутствует Кери. Не более двух или трех, но этого достаточно, чтобы она оказалась за пределами слышимости. Надеюсь, грохот поезда поможет скрыть звук бьющегося стекла.

Жду, пока гул не превратится в глухой рев, а затем с силой разворачиваюсь, направляя стул в сторону окна. Стекло вибрирует, столкнувшись с деревом, я, спотыкаясь, отстраняюсь левее, но спустя секунду возвращаюсь на позицию. Снова и снова замахиваюсь стулом и бью в стекло, пока плечи не начинают ныть от боли. Наконец, с седьмой попытки стекло трескается. А на восьмой разбивается.

Я с облегчением всхлипываю, быстро осматриваю отверстие. Сверху свисает пара осколков стекла, но места достаточно, чтобы я смогла пролезть.

Волоча за собой стул, неуклюже забираюсь на карниз и выхожу на пожарную лестницу, волосы развеваются вокруг головы, когда я двигаюсь навстречу ветру, дующему с реки. Одного взгляда вниз достаточно, чтобы у меня скрутило живот и поднялась тошнота.

Святое дерьмо. Пять этажей. Выше, чем я думала, а пожарная лестница старая, хлипкая и еле держится на крошащемся камне. Вход на лестницу этажом ниже слишком узкий. Такой узкий, что пока я привязана к стулу, то не смогу пролезть.

— Тогда избавься от стула, Шэйн. Ты сможешь, — бормочу я, отказываясь поддаваться отчаянию.

Я зашла так далеко, черт возьми. Я должна спуститься вниз, подальше от этого места и этой безумной женщины. У нас с малышом все будет хорошо, у меня будет шанс сказать Джейку, что я люблю его. Люблю, и в миг, когда я думала, что умру, воспоминания о нем были самыми прекрасными и настоящими.

Я снова поворачиваюсь к окну, высматривая кусок разбитого стекла, который выглядит так, словно его можно достать даже со связанными руками. Подтаскиваю стул ближе к окну, присаживаюсь, отодвигаюсь назад до тех пор, пока не чувствую, как осколок ударяется об узлы. С шумом выдыхаю, когда он попадает в нужное место.

Я раскачиваюсь вперед и назад, медленно перепиливая толстую веревку, когда низкий голос зовет меня изнутри комнаты. Облегчение накатывает на меня так сильно и быстро, что у меня снова начинает кружиться голова.

— Джейк! — кричу я, всхлипывая. — Я здесь! На пожарной лестнице!

Резко оттолкнувшись, разворачиваюсь лицом к нему как раз в тот момент, когда на его красивом лице появляется выражение облегчения. А затем я замечаю черное пятно — Кери вбегает в комнату следом за ним, вытаскивая пистолет. Я собираюсь предупредить его, сказать, чтобы был осторожен, но прежде, чем успеваю сделать хоть вдох, Кери направляет пистолет, целясь мне в грудь.

А затем все, кажется, случилось мгновенно.

Джейк поворачивается, когда губы Кери выгибаются в смеси боли и ярости, раздается выстрел. Хлопок, вспышка, все происходит так быстро, что я не уверена, что вижу. Но Джейк тоже быстр. Не быстрее скорости света, но достаточно быстр, чтобы броситься вперед и принять предназначенную мне пулю.

Она врзается ему в грудь, Джейк резко дергается влево, отступает на шаг, затем еще шаг, опускается на колени и падает на пол.

Кери роняет пистолет и подбегает к нему, крича — дикий, ужасающий крик заглушается очередным ревом поезда и нечеловеческим ревом сирен с улицы.

Пару минут спустя квартира наполняется полицейскими, которые оттаскивают Кери от Джейка и надевают ей наручники, но он все еще лежит неподвижно.

Женщина-полицейский опускается рядом с ним, осторожно касаясь пальцами его шеи, прежде чем крикнуть через плечо что-то, стаскивая пальто. Она скручивает его в тканевый шар и крепко прижимает к ране на груди. Но Джейк все еще неподвижен.

Каким-то чудом я оказываюсь свободна, меня укутывают в тяжелое теплое одеяло, защищающее от холода, а голос спрашивает меня, не ранена ли я, но все, что я могу видеть — любимый человек, лежащий без сознания на полу.

Он лежит неподвижно, а руки офицера в крови. Затем она качает головой и смотрит с грустью в глаза. Такая печальная. Ее плечи опущены, и когда она смотрит на меня, в ее взгляде печаль и боль. Она говорит, что сожалеет. Ей жаль. И я понимаю, что один из лучших людей, которых я знала, мертв.

Он умер, а я так и не сказала, что люблю его, что у нас будет ребенок. Никогда не скажу ему, что его аромат такой родной, а глаза — самое прекрасное, что я видела. Или, когда находилась с ним, чувствовала, что хорошая сторона человеческой природы сможет победить.

Но этого не происходит.

Ничего хорошего не произошло и не произойдет. Ни для меня, ни для Джейка, ни для нашей малышки, которая никогда не узнает своего отца.

Жестокая реальность обрушивается на меня, и я падаю на пол, взяв Джейка за руку и прижимая ее к груди, начинаю плакать так сильно, что уверена, будто никогда не смогу остановиться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Джейк

Я бегу вниз по лестнице, ведущей в туннели под улицей, перепрыгивая через две ступеньки, и оказываюсь на платформе метро, но слишком поздно. Поезд уже трогается, грохот колес усиливается, когда я оказываюсь внизу.

Напряженные мышцы перестают сопротивляться, когда я замедляю шаг, опускаю руки на бедра, а подбородок касается груди.

— Дерьмо.

Я уже опаздываю, а рискую опоздать сильнее. Поезда на этой ветке ходят с интервалом в пятнадцать минут, независимо от того, что указано на мониторах.

Поднимаю взгляд на экран, закрепленный над платформой, но на нем нет ничего, кроме линии точек, возвещающих о том, что администрация метрополитена понятия не имеет, когда придет следующий поезд.

Это не сулит мне ничего хорошего. Я рискую не добраться до Шэйн вовремя.

Проклиная час пик и Г-образные постройки, вытаскиваю телефон из кармана и набираю сообщение для Шэйн...

Опоздал на последний поезд, Принцесса, и в ближайшее время ничего не предвидится. Кажется, придется задержаться.

Прости.

И мне действительно жаль. Я сожалею сильнее, чем обычно, когда что-то выходит из-под контроля. Время, прилив и скорый поезд не имеют привычки ждать кого-то, но я ненавижу себя за то, что не сбежал с лестницы вовремя.

Чертовски ненавижу себя за это.

Горло сдавливает, грудь сжимается до боли, пока я шагаю взад-вперед по пустынной платформе с нарастающим чувством тревоги и безысходности.

Снова чертыхаюсь и набираю новое сообщение.

Закажешь мне что-нибудь? Тогда нам не придется ждать. Ты же знаешь, что я съем все, что побывало на огне больше пяти минут.

Затем добавляю с улыбкой.

И никаких устриц.

Продолжаю ходить, наблюдая за экраном в ожидании ответа или хотя бы появления символов, оповещающих о том, что Шэйн набирает сообщение.

Но там лишь тишина.

Тишина в телефоне, тишина на платформе, тишина в городе, хотя я не так глубоко под землей. До меня должны были доноситься звуки автомобилей и клаксонов, крик бездомного парня наверху, продающего бесплатные еженедельные газеты, которые собирал по всему

городу.

Но там ничего, ни души.

Оглядываюсь по сторонам, но я один, абсолютно один, чего не случилось со мной долгие годы в городе. Никогда я не оставался в одиночестве в метро, по крайней мере надолго.

Я включаю телефон и проверяю баланс, а затем набираю номер Шэйн. Возможно она не услышала уведомление от текстового сообщения, но услышит звонок. Особенно с тех пор, как поставила панк-рок кавер «Волшебный дракон Пафф» на мой рингтон.

Мысль заставляет меня улыбнуться, когда идут гудки.

Гудки.

Пятнадцать или шестнадцать гудков, никакого переключения на голосовую почту или ответа от Шэйн.

Нажимаю на красный кружок, сбрасывая вызов, и пишу новое сообщение.

Возможно, ты не взяла телефон, но я не могу отделаться от мысли, что что-то не так. Напиши мне, хорошо?

Или позвони. Я бы хотел услышать твой голос.

Жду минуту и добавляю...

Шэйн, прошу, напиши мне, как только сможешь.

Полминуты и отправляю еще.

Мне нужно услышать тебя, Принцесса. Нужно знать, что ты в порядке. Я волнуюсь.

На самом деле мне по-настоящему страшно. Я не понимаю, почему с ней что-то может быть не так. Не помню, где мы встретились, но это где-то в Мидтауне, где копы на каждом углу...

Мысли пугаются.

На каждом углу полиция...

Копы... Полиция...

Почему у меня такое безумное чувство, что я...

Просматриваю список вызовов. Последний номер, по которому я звонил, 9-1-1.

Экстренный вызов 9-1-1...

— Что у Вас произошло?

Во рту пересохло, по спине пробежал холодок, словно меня окатили ледяной водой.

— Вам нужна помощь?

— Мою любимую похитили, — слышу себя словно издали, голос приглушенный. — У женщины, похитившей ее, пистолет. Я только знаю ее адрес в Дамбо. 4-2-5 западное...

Все возвращается на круги своя, встает на место...

Еду в Бруклин и замечаю, как Кери в одиночестве грузит сумки в машину. Звоню в 9-1-1, умоляя полицию приехать как можно скорее, а затем поднимаюсь наверх в студию. Слышу голос Шэйн и осознаю, как надежда распускается внутри меня, когда осознаю, что она все

еще жива.

Но ведь эта дыра не от надежды, верно?

И теперь мне холодно. Так холодно, словно я принял ванну со льдом после жестокой игры. Пальцы немеют, и я роняю телефон на землю, но он не разбивается о плитку.

Просто исчезает, словно его и не было.

Я смотрю вниз, и телефон просто растворяется.

На секунду я паникую, ведь теперь у меня нет возможности связаться с Шэйн, но глубоко внутри знаю, что уже поздно.

Я больше не увижу Шэйн. Не займусь с ней любовью, не скажу ей, что она — лучшее, что со мной случилось, не смогу узнать, смогло бы у нас что-то получиться. Могли бы мы испытывать такие ощущения каждый раз, когда касались друг друга.

Теперь все это лишь мечты, потому что я стою на платформе и жду свой поезд.

И как только я сяду в поезд, никогда больше не вернусь.

— Нет, — говорю я, заставляя слова обретать форму. — Нет, я не могу!

Но не слышу в ответ ничего, кроме собственного голоса, эхом отражающегося от стен кафельного туннеля.

Запускаю руки в волосы и тяну, борясь за следующий вдох. Мне не страшно, я просто не готов. Не сейчас, когда так много незаконченных дел и понятия не имею, в порядке ли Шэйн.

Остановил ли я пулю? Задержал ее, или она прошла навывлет и попала в нее тоже?

Мысль вынуждает меня прижать кулаки к закрытым глазам, но не останавливает поток видения, вспыхнувший во тьме. Я вижу все снова и снова: красное пятно, расползающееся по голубой рубашке Шэйн, ее широко распахнутые глаза и то, как она падает на стул, к которому была привязана.

Я вижу это снова и снова, вижу, как умирает Шэйн, и понимаю, что облажался, когда скрежещущий машинный голос объявляет по громкоговорителю.

— Прибывает поезд.

Я поднимаю взгляд на монитор, отчаянно стараясь дышать. Но вместо времени прибытия поезда, обозначенного ярко-красными цифрами, экран заполняется черно-белым изображением. На нем мужчина — я — лежащий на полу, в крови, а Шэйн держит меня за руку и плачет так, словно ее сердце разбито. Как будто все разрушено, потому что я ушел, а она осталась одна.

Она там одна, а я здесь. Поезд прибывает. И все неправильно. Чертовски неправильно.

Пол дрожит у меня под ногами, воздух дрожит, сигнализируя о приближении поезда.

Ближе...

Но еще не время, и это не закончится, пока я не войду в раздвижные двери. Цепляясь за эту мысль и всеобъемлющую потребность в Шэйн, я поворачиваюсь и бегу к лестнице.

На лестничной клетке темнее, чем мне запомнилось, и я бегу вверх, несмотря на ощущение покалывания в моих бедрах. Чувствую взгляды, наблюдающие за мной. Глаза наблюдают за мной с перил, с пола, из темных закутков, освещаемых лампами, активируемыми движением. Никого не волнует мужчина, который сопротивляется гравитации и холоду, странному ощущению удушья, давящему на плечи, когда он пытается вернуться назад туда, откуда пришел. Вернуться по тому пути, откуда обычно нет выхода, мимо незаинтересованных взглядов существ, застрявших между этим местом и тем, что еще существует.

В густом, спертом воздухе лестничной клетки, который не сдерживает пробирающий до костей холод, знаю, что никого здесь не волнует, поднимусь я, сяду на поезд, спрячусь в темном углу или решу остаться на некоторое время.

В огромном масштабе этого времени я ничто. Песчинка... Но все не так печально.

В некотором смысле это означает, что всегда есть второй шанс. Третий. Десятый и одиннадцатый. Даже сотый. Я — энергия, сырая и вечная, на пути к перерождению.

И это нормально.

Это нормально — сесть и отдохнуть, занять место в поезде и позволить другим поработать.

По мере того, как я поднимаюсь, границы моего подсознания размываются, ускользая и становясь нечеткими. Но я крепко держусь за Шэйн, нуждаясь в том, чтобы увидеть ее, коснуться, сказать ей всё то, что не сказал, когда был шанс, потому что был дураком.

Всегда может быть другой шанс, но я не хочу ждать, когда мы переродимся и снова встретимся. Сейчас я нуждаюсь в ней, а она во мне. Нам мало проведенного вместе времени, очень мало.

И я продолжаю бежать к свету на верху лестницы несмотря на то, что ветер дует в лицо, поднимая пыль, летящую мне в глаза, отчего они распухают и слезятся, а легкие болезненно сдавливают.

Последние несколько шагов я пробегая вслепую.

Слепой, едва переставляющий ноги по полу, я продолжаю идти, пробиваясь сквозь пыль, тьму и холод, зная, что с другой стороны меня подхватит Шэйн, как только я выйду.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Джейк

Напряженный краткий момент, затем тишина перед тем, как вдох превращается в выдох.

А затем боль.

Такая сильная боль.

Боль сменяется новой, когда невидимые руки поднимают меня, и на лицо надевают маску.

Но боль — это хорошо. Боль — это прекрасно, потому что лицо Шэйн нависает надо мной, а ее рука держит мою. Она здесь, рядом со мной в машине скорой помощи, говорит мне, чтобы я держался, что я справлюсь, что я смогу, потому что сильный, и она меня любит.

Она меня любит.

Говорит, что любит, пока мы едем в больницу, ждет, когда закончится операция, которую я едва помню. И в последующие дни, когда меня лихорадит, и я чувствую, как призрачные руки утягивают меня в другое место, она рядом. Шэйн тянется к моим стопам и почесывает места, до которых я не могу дотянуться, теребя своими острыми ногтями подол больничного халата. Шэйн говорит, что я в нем выгляжу сексуально, и она не может дождаться, когда увидит меня, разгуливающего в этом одеянии без нижнего белья.

Она смеется над шуткой, и я смеюсь вместе с ней, хотя это больно. Очень. Особенно сначала.

Я смеюсь и обсуждаю планы на будущее. Не поворачиваю голову и не даю подпитку призракам. Все мое внимание обращено на Шэйн, подпитываясь чудом от того, что жив и влюблен в нее. Я едва обращаю внимание на новость о том, что Кери призналась в симуляции избиения, преследовании, похищении и угрозах в адрес Шэйн, а также во множестве других преступлений против закона. Я рад, что она теперь надолго за решеткой, а люди, которых я люблю, в безопасности.

Я от всего сердца благодарен спасателям, которые боролись за мою жизнь, уверяю тренера, что вернусь на лед к следующему сезону и знакомлю Шэйн с моей мамой и братьями, пробуя ужасный пуддинг и кофе в больничной столовой. Она им понравилась — Шэйн очень милая, и я докажу это любому, кто думает иначе — конечно и ей они понравились.

Мы обещаем снова встретиться на День Благодарения у меня дома, потому что я пока не могу путешествовать. После этого мы с Шэйн засыпаем у меня на больничной койке, свернувшись калачиком. Медсестры закрывают на это глаза, потому что я достаточно поправился, чтобы готовиться к выписке, и мы безумно любим друг друга, поэтому спорить с кем-то из нас бесполезно.

Шэйн тянет до того дня, когда меня выписывают. Мы выходим навстречу яркому, зимнему ветру, и она говорит мне о ребенке.

— Ты беременна? У нас будет ребенок? — я моргаю, смахивая снежинку с ресниц, размышляя о том, что вероятно неправильно ее расслышал. — Как? Когда? Я думал...

— Моя спираль выскользнула, а я и не заметила, — говорит она с нервной ноткой в голосе. — Прости. Знаю, это потрясение. У меня было время все обдумать, и теперь я очень

счастлива, но в первый день около часа просидела в углу, не зная, как быть. Можешь удивляться, бояться, злиться или...

— С чего бы мне злиться? — я все еще не могу принять, что это из-за ребенка, но знаю наверняка, что не злюсь.

— Из-за того, что я обещала тебе, что не забеременею, но вышло иначе, — Шэйн складывает руки под подбородком. — И потому что две недели скрывала это от тебя? Клянусь, я бы рассказала раньше, но не хотела, чтобы ты волновался, потому что тебе необходимы были силы для выздоровления. Мне хватило увидеть раз, как ты умираешь, и больше никогда-никогда не хочу видеть это снова.

— Я тоже, — улыбаюсь.

— Ты понимаешь, почему я не рассказала тебе? — тихо спрашивает она.

— Конечно, — боль в груди, которая была моим постоянным спутником на протяжении двух недель, исчезает, уступая место теплу, разливающемуся по моему телу. — Мальш, да?

Шэйн кивает, робкая улыбка появляется на ее губах.

— Да. Первый прием у врача назначен на понедельник. Проверим сердцебиение. И... Если хочешь, можешь пойти со мной.

Возмущенный звук — нечто среднее между рычанием и насмешкой — срывается с моих губ, когда я протягиваю руку и прижимаю ее ближе.

— Если хочу? Ты с ума сошла, женщина?

Улыбка проявляется сильнее, расползаясь по ее прекрасному лицу.

— Возможно, немного. Я уверена, что это девочка. Хочу назвать ее Серсеей.

— Хорошее имя, — я обнимаю ее крепче, и от того, как ее изгибы прижимаются ко мне, и осознания, что она носит моего ребенка, меня распирает гордость.

— Это из «Игры престолов». Она была безжалостной, кровожадной сучкой.

Я прижимаюсь своим лбом к ее.

— Хорошо. Давай назовем ее Серсеей Медузой Саломеей. Красивое, пугающее имя. Все мальчишки будут держаться от нее подальше.

Она смеется. Теплое дыхание касается моих губ.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я. Сердце переполнено любовью, и я не уверен, можно ли быть еще более счастливым.

— Но шутки в сторону, нам пока не стоит принимать каких-то решений насчет имен или еще чего. У нас есть время, чтобы обсудить, спланировать и посмотреть, как мы хотим все провести.

— О чем ты? — спрашиваю я. — Провести свадьбу?

Она поджимает губы, в глазах появляется предательский блеск.

— Ты хочешь семью? Правда?

— Конечно, хочу, — я целую ее в замерзшую щеку, желая, чтобы мы оказались у меня дома, чтобы я смог целовать ее всю. — Я безумно люблю тебя, Шэйн Уиллоуби, и не могу дождаться встречи с нашей малышкой. Конечно, я не ожидал, что так быстро получу полный набор — чертовски сексуальную жену и милую дочурку... Но люди всегда говорили мне, что я счастливый засранец.

— Это я счастливая засранка, — говорит она, смеясь и фыркая. — Поверить не могу, что ты мой.

— Пока нет, — я вытираю большим пальцем слезинку с ее щеки. — Ты должна надеть

кольцо, Принцесса. Хочу свадьбу зимой, и тебя, обнаженную под рождественской елкой с утра.

— Согласна, — шепчет она. Затем целует меня, и это так сладко и сексуально. Все, что мне необходимо скрывается в этом поцелуе. В этой женщине заключены мое сердце, мой дом, и я не могу дождаться, когда пообещаю ей провести вместе каждый день оставшейся жизни.

— Давай вызовем такси, — бормочу я. — Мне нужно отвезти тебя домой и уложить в постель. Новость о том, что ты носишь моего ребенка, на самом деле чертовски сексуальна.

— Ни в коем случае, — со смехом говорит она. — Ты слышал доктора. Никакой напряженной активности, по крайней мере, неделю или две.

— Тогда ты будешь сверху.

— Нет, — она отстраняется, тыча пальцем мне в грудь, чуть выше того места, куда попала пуля, почти в сердце. — Никакого секса, это окончательное решение.

— Но мой член готов к подвигам, — настаиваю я.

Она выгибает бровь.

— Твой член не может рассуждать здраво.

— Не может из-за твоей сладкой киски, — я обнимаю ее за спину, когда она с долгим вздохом качает головой. — Хотя серьезно, я чувствую себя лучше. Мне почти не больно обнимать тебя. Я могу справиться. Я не обычная жертва огнестрельного ранения, Уиллоуби. Мое тело — тонко настроенная, многофункциональная машина.

Она закатывает глаза, но я чувствую, как слабеет решимость Шэйн, когда впираюсь пальцами в ее бедра через джинсы.

— Ты безнадежен.

— Вовсе нет, — волна благодарности с силой захлестывает меня с новой силой как в те дни, когда я снова воссоединился с Шэйн. — У меня есть надежда. И все благодаря тебе.

Мы снова целуемся. Она плачет, и я, наверное, тоже, не уверен. Я лишь знаю, что люблю эту женщину больше, чем что-либо, и хочу показать ей, что нуждаюсь в прикосновении ее теплой кожи к моей и осознании, что между нами ничего не стоит.

Мы целуемся на заднем сидении в такси по дороге к моему дому, и к моменту, когда выходим из лифта, у нас нет иного выбора, кроме как раздеться, как только захлопнется дверь. Это самый осторожный трях в моей жизни и самый красивый. Я занимаюсь любовью с моей прекрасной, сексуальной, невероятной, замечательной женщиной, и каждый раз, когда она кончает, для меня словно праздник, словно победа, словно подтверждение того, что все в этом мире по-прежнему.

Сейчас и навсегда.

ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ

Восемь месяцев спустя

Из переписки Шэйн Уиллоуби-Фальконе и Кэтрин Кэт Найт

Кэт: Уверена, что это хорошая идея?

Двое малышей на шумном хоккейном матче, решающей игре Кубка Стэнли?

И рядом нет отцов, чтобы помочь, потому что Эйдан на работе, а Джейк — на льду.

Шэйн: Да! Это великолепная идея!

Это послеполуденная игра, так что есть шанс, что дети проспят всю игру. Рев толпы неожиданно успокаивает малышей, словно гигантская машина, производящая белый шум.

Кэт: А если они решат, что кричать будет веселее, чем спать?

Я понимаю, что Серсея — ангел во плоти, которая проявляет себя милым сопением и воркованием, но Шэйн не стесняется, когда злится.

Шэйн: Все потому, что его назвали в честь крутого ковбоя. И меня;))

В любом случае, стоит мне об этом подумать, и я радуюсь.

Кэт: Ага, ну... Ты — мой самый любимый человек.

Либо так, либо Джим, в честь отца Эйдана. И не важно, как сильно я люблю Джима, но я не хочу называть своего отпрыска Джимми младший.

Шэйн: Понимаю.

Так что насчет субботы? Встретимся в Гардене в два?

Ты же знаешь, что большинство людей убили бы за эти билеты, верно?

Они невероятны, Кэтрин. Мы сможем увидеть, как в разные стороны разлетаются кровь и слюна.

Кэт: Не честно.

Ты же знаешь, как сильно я люблю спорт и жестокость. Добавь сюда толпу небритых мужчин, которые неделями отращивали щетину, и ты буквально предложила мне самый сильный наркотик.

Шэйн: Лол. Давай! Будет весело!

Кэт: Хорошо, но если Шэйн расплатится, я покину стадион, и ты не станешь злиться на меня за это.

Шэйн: Я бы никогда не разозлилась на тебя за что-то подобное.

И Шэйн не расплатится.

Если он так поступит, то я посажу его к себе на колени рядом с Серсеей. Она его успокоит.

Ты же знаешь, что она может нашептывать на ухо малышам.

Кэт: Я говорила об этом Эйдану: дети не плачут, когда мы на йоге, если Серсея в комнате.

Он считает, что это совпадение.

Шэйн: О, Эйдан. Он недоверчивый!

Но мы заставим его поверить, когда появится второй малыш. Серсея будет развлекать Шэйна и Еще-не-названного-бугорочка на вечеринках, и никто не сможет отрицать ее волшебную силу.

Кэт: Напомни мне еще раз, почему я решила, что забеременеть меньше, чем через год после рождения Шэйна, нормально?

Шэйн: Я была убеждена, что это случайность...

Кэт: Подруга.

Все так и было.

Иногда я ненавижу тот факт, что у меня такой сексуальный муж...

Шэйн: Правда? Это хреново.

Кэт: Очень.

Скоро увидимся, мамочка. Поцелуй Серсею и пожеланье доброй ночи от тети Си.

Шэйн: Хорошо. Обними Шэйна за меня.

Кэт: Договорились!

Увидимся в субботу.

Шэйн

На самом деле все мамочки считают, что их малыши самые милые и прекрасные. Моя дочь действительно была самой милой и красивой.

В тот момент, когда она родилась — появилась на свет с губками-бантиками и выражением в ее больших темных глазах: «мы снова встретились, прекрасный мир» — я потерялась.

Серсея Эллисон Фальконе не только мила снаружи, она самая очаровательная, самая счастливая, самая прекрасная малышка на свете. Она просыпается каждое утро со смехом и засыпает каждую ночь на груди своего отца, когда он дома, улыбаясь так, словно раскрыла тайну долгой и счастливой жизни.

И возможно так и есть.

Может быть, все те ночи, что мы с Джейком лежали без сна, и он намазывал кокосовым маслом мой увеличивающийся живот, вслух мечтая о всем том, что хотим для нашего ребенка, сработало волшебным образом. Возможно наши слова проникли через мою кожу, наполнив нашу дочь искренней любовью.

Конечно, в любви кроется секрет счастья. В осознании того, что ты не сможешь столкнуться с чем-то чересчур пугающим, пока возвращаешься домой к тому, кто любит тебя, к мужчине, что отдаст за тебя жизнь, потому что уже так поступил.

И хотя часть меня эгоистично скучает по тем дням, когда Джейк был на восстановлении и мы проводили все время вместе, я гордилась тем, что он вернулся. Джейк «Дракон» Фальконе всегда будет моим героем, независимо от того, как много игр он выиграет или проиграет, но я не могу отрицать, что слышать, как весь стадион кричит моему мужу, пока он играет на решающем матче «Кубка Стэнли», чертовски забавно.

— Поверить не могу, что они все проспали, — говорит Кэт, повышая голос, чтобы перекричать скандирующих вокруг фанатов.

— Я же говорила тебе. Шум толпы творит волшебство, — я улыбаюсь, глядя вниз на посапывающих в автомобильных креслах справа от меня Шэйн и Серсею. Они были полными противоположностями — Серсея с темными волосами и темными глазами, и Шэйн — бледная кожа, копна светлых волос, которые он унаследовал от какого-то

родственников — но каждый из них был идеальным, и я надеюсь, что они навсегда останутся лучшими друзьями.

Внезапно с нашей стороны раздается мучительный стон с трибун, который отвлекает меня от младенцев. Поднимаю взгляд в тот момент, когда вратарь «Рэйнджерс» наклоняет голову и шайба бьется о сетку позади него.

Черт! Теперь ничья. До конца третьего периода меньше минуты. Следующий гол может стать решающим, а «Рэйнджерс» уже не в выигрыше.

Можно ощутить напряжение, охватившее толпу, заглушая шумную атмосферу, царящую там с тех пор, как наша команда вырвалась вперед в первом периоде и держалась там до конца игры. На трибунах воцаряется тишина. Я скрещиваю пальцы на руках и даже ногах, сдвигая их вместе внутри меховых ботинок.

Знаю, Джейк справится с потерей, но я на самом деле надеялась пригласить своего мужчину на праздничный ужин со стейком сегодня. Он так усердно работал, чтобы вернуться сильнее и лучше, чем прежде, и кто знает, когда у него выпадет следующий шанс выиграть кубок.

Я вижу, как Джейк похлопывает Уэста по спине и пара других защитников выстраиваются позади, когда две команды выстраиваются на позицию в центре, поддерживая напряжение, которое тянется на протяжении всей игры. Когда они выстраиваются в линию, трибуны на нашей стороне затихают так, что слышно тихое посапывание спящего Шэйна. Судья бросает шайбу, и команда противников выигрывает вбрасывание, проносится по льду, но прежде, чем номер шесть достигает дальней стены, Джейк обегает другого защитника и ударяет по шайбе.

Крик надежды проносится в толпе, словно волна, нарастая и опускаясь, когда Джейк проносится к цели, а остальные защитники следуют за ним.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — бормочу я, задерживая дыхание, когда Джейк пасует шайбу Риджвэю, который наносит удар и забивает ее прямоком в зияющую позади вратаря сетку.

Трибуны взрываются оглушительными криками поддержки. Мы с Кэт прыгаем на месте, девчонки рядом с нами визжат, а мужчина впереди плачет, пока сын похлопывает его по спине.

И конечно, малыши все проспали.

Команды снова собираются в центре, но остается всего лишь двадцать секунд. «Рэйнджерс» прижимают соперника, не давая ни единого шанса. А затем все заканчивается слезами — у противников из-за проигрыша, а у того старика слезы счастья, потому что он определенно хотел увидеть победу на очередном кубке, прежде чем поедет на свою личную игру на небе.

Спортивные фанаты. Для меня они все еще относятся к другому виду, но не могу отрицать, что мне приятно быть их частью в этот момент — миг победы, фрагмент спортивной истории, который навсегда запечатлит невероятный пас, сделанный моим Драконом.

— Я так рада, что пришла, — говорит Кэт, когда мы направляемся к залу ожидания, где должны встретиться с Джейком после того, как он даст короткое интервью. — Было здорово.

— Я рада! — говорю я, а затем хмурюсь, заметив в толпе знакомое лицо. Поднимаю руку. — Хиллари! Привет, это Шэйн! — направляюсь в ее сторону и наклоняюсь, чтобы

обнять ее, смеюсь, когда банан из ее шляпки в виде корзины с фруктами утыкается мне в подбородок. — С каких пор тебе нравится хоккей?

— С никаких, — фыркает, говорит Хиллари. — Ужасная, жестокая игра. Я здесь, чтобы помочь Кэтрин с малышами.

Я нахмуриваюсь, бросив на Кэт колкий взгляд через плечо.

— Что? Вы что задумали?

— Мы заберем Серсею к нам, — говорит Кэт с ехидной усмешкой. — Джейк кое-что запланировал, а мне нужно попрактиковаться обходиться с двумя малышами.

— Я собираюсь помочь в обмен на бесплатную татуировку от мужа Кэт, — говорит Хиллари, поглаживая пальцами округлый животик Серсеи. — О мой бог, дорогая. Она стала красивее, чем на прошлой неделе. Придется нанять целый батальон атакующих обезьян, чтобы держать от нее подальше парней, когда она вырастет.

— Я тоже подумывала о летающих обезьянах, — соглашаюсь я, продолжая хмуриться. — И с каких пор ты хочешь татуировку?

— Со своего последнего дня рождения, — Серсея улыбается во сне, вызывая такую же блаженную улыбку у Хиллз. — Прекрасная история для гала-концерта в «Мэт»: сделать первую татуировку в девяносто лет.

— Твои сумки собраны, утром Джейк привез вещи Серсеи, — Кэт хлопывает меня по рукам, которые мертвой хваткой вцепились в коляску. — Ты справишься. Серсея будет окружена друзьями, а вы с Джейком заслужили настоящий медовый месяц. Никаких огнестрельных ран и токсикоза.

— Медовый месяц? — я прикусываю губу. Мысль о том, что я проведу наедине с моим мужем время, которое в последние пару месяцев отбирал хоккей, чертовски возбуждает. — Мы поедем на пляж? Прошу, скажи, что мы едем на пляж.

Хиллари грозит мне пальцем.

— Мы тебе ничего не говорили. Это сюрприз, — она берет на себя управление коляской, и я как-то нахожу в себе силы наклониться и поцеловать милую, спящую Серсею и медленно... уйти.

Я люблю свою дочь, и мы не расставались с момента ее рождения, но мне нужно провести время наедине с ее папочкой — потребность в этом сильна, и осознаю это в момент, когда Хиллари и Кэт уходят, оставляя меня в одиночестве добираться до комнаты ожидания с ошеломительной радостью, что накрыла меня. Некоторое время спустя добираюсь до комнаты с несколькими женами и девушками, провожу около двадцати минут в обществе женщин, которые стали для меня семьей.

Джейк привнес в мою жизнь много приятных вещей, но самое лучшее — он сам — мужчина, который направляется ко мне, как только появляется в комнате, словно там никого больше нет.

— Поздравляю, — я обнимаю его, прижимая крепче. — Ты справился, Дракон.

Он целует меня в макушку.

— Так ты позволила им забрать коляску? Я поспорил с Кэт, что ты не выпустишь Серсею из виду.

Я поднимаю голову, встречаясь взглядом с божественным мужчиной, который все же сбрил поседевшую бороду, которую отращивал неделями.

— Я люблю нашу дочь больше жизни, но ты запланировал медовый месяц, — я наклоняюсь ближе, шепча ему на ухо, — Скажи мне, что мы едем на пляж, и я отсосу тебе

словно профессиональная шляха, как только мы приземлимся.

Он порочно улыбается.

— Бали. Ты и я. Пять ночей в бунгало на личном пляже.

Я вздыхаю, внутри меня смешиваются нервозность и волнение.

— Пять ночей. Думаешь, она справится без нас так долго? Не подумает ли, что мы ее оставили?

— Серсея — самый счастливый человек, которого я знаю, — У нее есть малыш Шэйн, Фифи, Бисквитик, преданные дядя и тетя, безумная приемная бабушка. Она продержится.

Я задумчиво напеваю.

— Ты знал, что Хиллари собирается сделать татуировку?

— Я слышал об этом, — говорит он. — Надеюсь, она набьет себе череп с костями на предплечье. Самое подходящее для нее.

Я качаю головой.

— Я очень ее люблю. Хочу быть как она, когда вырасту.

Он улыбается.

— Полагаю, у тебя есть хорошие шансы.

Я расслабляюсь в его объятиях, позволяя его свежему после душа аромату вскружить мне голову.

— Боже, я так рада, что мы это делаем. Но есть одна проблема.

— Какая? — спрашивает он, бесстыдно опуская руку на мою задницу.

— Здесь люди, знаешь ли, — говорю я, выгибая бровь. — Люди смотрят.

— Тогда нам следует убраться отсюда, — говорит он, не убирая руку. — Мне нужно провести немного времени с твоей прекрасной попкой.

— Согласна, но моя прекрасная попка пропустит визит к гинекологу на следующей неделе. А значит, нам придется использовать презервативы, Дракон.

Он пожимает плечом.

— Или не придется.

— Или нет, — эхом отзываюсь я, предательская улыбка расплзается по моему лицу, когда понимаю, что он готовит. — Мистер Фальконе, Вы снова собираетесь меня обрюхатить?

— Ну, мне нравится процесс, — он пожимает плечами, в темных глазах вспыхивает пламя. — Но мы можем просто попрактиковаться, если ты не готова. Трахать тебя в презервативе не менее возбуждающе.

Я прикусываю губу, прижимаясь ближе к моему разгоряченному мужу, предательская выпуклость упирается в мое бедро, вынуждая меня до боли возжелать остаться с ним наедине. — Нет, я готова. Так готова, что хочу начать прямо сейчас.

— Говоришь, прямо сейчас? — он кладет руку мне на поясницу, прижимая к своему члену. — Потому что я знаю заброшенную кладовку, а нам нужно убить час до того, как отправиться в аэропорт.

Я опускаю руку, переплетая наши пальцы.

— Покажи мне. Сейчас же.

Десять минут спустя мы сбегает. И вскоре мои джинсы и трусики оказываются на полу невероятно чистой кладовки, в которой пахнет средство для обработки дерева — мои комплименты уборщикам Мэдисон-Сквер-Гарден. Я обхватываю ногами талию Джейка, когда он входит в меня, обнаженный, горячий и такой твердый, что я готова кончить с

первого глубокого толчка.

Но сдерживаюсь, не желая так быстро сдаться, не желая потеряться в экстазе, пока не обнаружу, что он тоже на грани.

— Бл*ть, какая же ты хорошая, — говорит он, целуя меня между словами. — Мне нравится, когда ты такая влажная. Влажная и узкая.

— А мне нравится, когда мы не используем защиту, — прижимаюсь к нему, словно он — мой дом, и я зажата между его крепким телом и стеной, от чего моя голова кружится, а киска крепче сжимается. — Боже, я почти на пределе.

— Давай, Принцесса, — говорит он, трахая меня жестче и сильнее. — Кончи для меня. Дай почувствовать это.

Я упираюсь пятками в его бедра, пока он пронзает меня. Мгновением позже я взрываюсь, кончая так сильно, что упала бы, если бы Джейк меня не поддерживал. Но он рядом, держит меня, проникает в меня так глубоко, что я едва могу дышать. И внезапно я снова оказываюсь на подходе, чувствую, как он набухает внутри меня, и готова кончить во второй раз.

В этот раз мы кончаем вместе, член Джейка пульсирует во мне, и я наполняюсь им, пока больше ничего не остается. Ничего и никого, кроме этого мужчины и меня.

— Хорошая тренировка, — мгновение спустя говорит он, все еще тяжело дыша. — Но я не думаю, что время подходящее. Нам нужно попробовать снова, когда приземлимся.

— Сразу после приземления, — я улыбаюсь, когда он целует меня. — И потом ночью, и на утро.

— И на следующую ночь, — тихо бормочет он, от чего у меня дрожат губы. — Боже, я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я, прижимая его ближе. — Но, если это произойдет, нам следует сказать людям, что это снова случилось не запланировано. Если они узнают, что мы намеренно собирались зачать второго младенца, когда Серсее нет еще и года, то посчитают нас безумцами.

— Кого это волнует? — говорит он, снова целуя меня. — Кого волнует, что они подумают? Мы будем рожать столько раз, сколько захотим, Принцесса, и не имеет значения, что думают другие.

Я трепещу.

— Это странно, что услышав твои слова, я возбуждаюсь?

Он прищуривается.

— Так Вы хотите, чтобы я снова взял Вас? Я правильно понимаю, миссис Фальконе? Вы хотите, чтобы мой член снова оказался внутри?

Я медленно киваю, глядя ему в глаза, с игривым выражением на лице.

— Да, мистер Фальконе. Простите, что причиняю Вам неудобства, но мне нужно, чтобы Вы снова трахнули меня. Прямо сейчас, если это возможно.

— Я уже затвердел от одной мысли б этом, — говорит он, потянувшись к подолу моей водолазки. — Но в этот раз я хочу, чтобы твоя грудь была у меня во рту. Хочу покусывать твои сосочки, пока трахаю тебя.

— Звучит чертовски мило, — говорю я, стаскивая одежду.

И мы повторяем это.

Девять месяцев спустя, когда у нас рождается вторая дочь — Хиллари Медуза Фальконе — волшебный ребенок с темными глазами Джейка, моей бледной кожей и вьющимися завитками почти белых волос, которые ее сестра с удовольствием однажды заплетет в косу, я понимаю, что это никогда не потеряет свою важность. Ни этот мужчина, ни наша семья, ни наш секс или роды с моей лучшей подругой.

Я счастливая женщина. У меня есть все, чего я желаю, кроме...

— Мальчик, — шепчу я поздней ночью в клинике, когда Джейк, Хиллари и я лежим на маленькой кровати, на которой мало места даже для одного из нас. — В следующий раз у нас будет мальчик, и тогда будет полный набор.

Джейк нежно гладит Хиллари по голове, улыбаясь, а затем целует меня. Этого ответа мне достаточно. Чтобы ни ждало нас в будущем, мы будем вместе с нашими малышками и другими малышами, которые у нас появятся. Это будет самое прекрасное будущее.

Столь же невероятное, как и мой Дракон.

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ

Девять лет спустя

А теперь кое-что от Серсеи Эллисон Фальконе.

Дорогие мама и папа,

Во-первых, папа, поздравляю с выходом на пенсию!!!

Мне нравится смотреть, как ты играешь, но не могу дождаться, когда станешь проводить больше времени дома. Мне хочется, чтобы ты помогал мне выгуливать Бисквита и Снарла в парке, отвозить Хиллари, Уайатта и меня в школу по утрам.

Не только из-за приятной компании, но и потому, что ты сможешь, наконец, воочию убедиться, что Хиллари — олицетворение зла, и ей нельзя позволять играть с острыми предметами вроде ее пластикового меча или сюрикенов. Говорю тебе, папа, мама права: мне досталось все милое и приятное, а Хиллари получила все темные стороны. Понаблюдай за ней. Она подарит тебе еще больше седых волос, чем у тебя есть.

Кроме того, близнецам понравится, если вы с мамой будете водить их на занятия по плаванию. Знаешь, Джексон злится, когда сидит в сторонке, пока мама помогает Джэймисону с его доской для плавания. Двое родителей — по одному на каждого трехлетнего малыша — снизит стрессовую ситуацию утром в субботу.

Так что спасибо за это!

Мне не нравится попадать в стрессовые ситуации, а иногда, когда у тебя были выездные игры, а мама была в ветеринарной клинике, приходила няня Гиббонс. Дома было очень громко, крики стояли повсюду, я даже собственных мыслей не слышала. А поскольку мне нравится размышлять, было совсем не весело.

Я философ, пап. Мамочка, ты же знаешь, что это правда, и говоришь, что это самая главная черта, которая тебе во мне нравится.

Ну, мне нравится в вас все, и я рада, что вы — мои родители! Я каждый день чувствую себя счастливой и хочу, чтобы вы знали об этом. Вы хорошо потрудились, и не променяю никого из своих братьев и сестер — даже Хиллари — ни на что другое.

И это прекрасная новость, что у вас будет еще один малыш. Рада, что все анализы в порядке, и с Кэтрин все будет хорошо, хотя мама уже старовата, чтобы рожать.

Это прекрасные, потрясающие новости...

Но вам не кажется, что стоит остановиться после рождения Кэт? Я к тому, что шестеро детей и две собаки — чересчур много за десять лет, ребята.

И даже с учетом ремонта, я не откажусь от отдельных с Хиллари комнат, даже если семья станет больше. Я знаю, что мальчики уже делятся, но вы не понимаете на самом деле, как серьезно я смогу пострадать из-за Хиллари. Она единственный человек, которого я не могу успокоить, независимо от того, как сильно стараюсь. Я живу словно на пороховой бочке и могу заработать язву. А мне совсем этого не нужно в такой решающий момент, когда готовлюсь перейти в среднюю школу.

Так что, пожалуйста, родители, которых я так сильно люблю, решите, как положить конец последующим беременностям. Шесть — прекрасное число, и такое количество детей — достаточное для любого разумного человека.

С любовью, Серсея.

КОНЕЦ

Notes

[

←1

]

Блог о звездах

[

←2

]

Блог о звездах

[

←3

]

Отсылка к мультфильму «Волшебный дракон Пафф»

[

←4

]

Мужской журнал о здоровье, моде, красоте и содержащий новости бизнеса. Так же есть интернет-версия

[

←5

]

Ледовое шоу, где демонстрируются театральные постановки.

[

←6

]

Топотун — один из главных героев диснеевского полнометражного анимационного фильма 1942 года «Бэмби». Это кролик, известный и названный так за свою привычку постукивать левой задней лапой

[

←7

]

Болезнь Гентингтона (синдром Гентингтона, хоря Гентингтона, болезнь Хантингтона, хоря Хантингтона) — аутосомно-доминантное генетическое заболевание нервной системы, характеризующееся постепенным началом обычно в возрасте 30–50 лет и сочетанием прогрессирующего хорейческого гиперкинеза и психических расстройств. Заболевание вызывается умножением кодона CAG в гене HTT. Этот ген кодирует 350-kDa белок гентингтин с неизвестной функцией. В гене дикого типа (не мутантного) у разных людей присутствует разное количество CAG-повторов, однако, когда число повторов превышает 36, развивается болезнь. Нейроморфологическая картина характеризуется атрофией стриатума, а на поздней стадии также атрофией коры головного мозга

[

←8

]

Raw — лапа с англ., героиня играет с кличками питомцев, ассоциируя их с известными людьми и персонажами